

А. Н. Леонтьев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. СОЗНАНИЕ. ЛИЧНОСТЬ

М.: Политиздат, 1975

Предисловие автора.....	1
МАРКСИЗМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА	9
1. ОБ ОБЩИХ ОСНОВАНИЯХ МАРКСИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	9
3. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	12
Глава II. ПСИХИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ	20
1. УРОВНИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНИЯ	20
2. АКТИВНОСТЬ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ	24
Глава III. ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ	33
1. ДВА ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИИ – ДВЕ СХЕМЫ АНАЛИЗА.....	33
2. О КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	37
3. ПРЕДМЕТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЯ.....	42
4. СООТНОШЕНИЕ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	44
5. ОБЩЕЕ СТРОЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	48
Глава IV. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЗНАНИЕ.....	59
1. ГЕНЕЗИС СОЗНАНИЯ.....	59
2. ЧУВСТВЕННАЯ ТКАНЬ СОЗНАНИЯ.....	64
3. ЗНАЧЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ СОЗНАНИЯ.....	67
4. ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ.....	72
Глава V. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ.....	77
1. ЛИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	77
2. ИНДИВИД И ЛИЧНОСТЬ.....	84
3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ.....	89
4. МОТИВЫ, ЭМОЦИИ И ЛИЧНОСТЬ.....	92
5. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ.....	101
Заключение	113
Ссылки	115

Предисловие автора

Эта небольшая теоретическая книга готовилась очень долго, но и сейчас я не могу считать ее законченной – слишком многое осталось в ней не

эксплицированным, только намеченным. Почему я все же решился ее опубликовать? Замечу сразу: только не из любви к теоретизированию.

Попытки разобраться в методологических проблемах психологической науки всегда порождались настоящей потребностью в теоретических ориентирах, без которых конкретные исследования неизбежно остаются близоручими.

Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественнонаучную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии. Происходит его редукция, нередко прикрываемая необходимостью развивать междисциплинарные исследования. Порой даже раздаются голоса, открыто призывающие в психологию "варягов": "придите и княжите нами". Парадокс состоит в том, что вопреки всем теоретическим трудностям во всем мире сейчас наблюдается чрезвычайное ускорение развития психологических исследований – под прямым давлением требований жизни. В результате противоречие между громадностью фактического материала, скрупулезно накапливаемого психологией в превосходно оснащенных лабораториях, и жалким состоянием ее теоретического, методологического фундамента еще более обострилось. Небрежение и скепсис в отношении общей теории психики, распространение фактологизма и сциентизма, характерные для современной американской психологии (и не только для нее!), стали барьером на пути исследования капитальных психологических проблем.

Нетрудно увидеть связь между этим явлением и разочарованностью, вызванной не оправдавшимися претензиями главных западноевропейских и американских направлений произвести в психологии долгожданную теоретическую революцию. Когда родился бихевиоризм, заговорили о спичке, поднесенной к бочке с порохом; затем стало казаться, что не бихевиоризм, а гештальт-психология открыла генеральный принцип, способный вывести психологическую науку из тупика, в который ее завел элементаристский, "атомистический" анализ; наконец, у очень многих закружилась голова от фрейдизма, якобы нашедшего в бессознательном ту точку опоры, которая позволяет поставить психологию с головы на ноги и сделать ее по-настоящему жизненной. Другие буржуазно-психологические направления были, пожалуй, менее претенциозны, но их ждала та же участь; все они оказались в общей эклектической похлебке, которую варят сейчас – каждый на свой манер – психологи, ищущие репутации "широких умов".

По совершенно другому пути шло развитие советской психологической науки.

Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека. Начались настойчивые поиски решения главных теоретических проблем психологии на основе марксизма. Одновременно шла работа по критическому осмысливанию на этой основе положительных достижений зарубежной психологии и развернулись конкретные исследования по широкому кругу вопросов. Складывались новые подходы и новый концептуальный аппарат, позволивший достаточно быстро

вывести советскую психологию на научный уровень, несопоставимо более высокий, чем уровень той психологии, которая пользовалась официальным признанием в дореволюционной России. В психологии появились новые имена: Блонского и Корнилова, затем Выготского, Узнадзе, Рубинштейна и других.

Главное в том, что это был путь неустанной целеустремленной борьбы – борьбы за творческое овладение марксизмом-ленинизмом, борьбы против идеалистических и механистических, биологизаторских концепций, выступавших то в одном, то в другом обличье. Развивая линию, противостоящую этим концепциям, нужно было вместе с тем избежать научного изоляционизма, равно как и положения одной из психологических школ, существующей наряду с прочими. Мы все понимали, что марксистская психология – это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться.

Методологические и идеологические вопросы оставались в центре внимания советской психологии, особенно в первый период ее развития, который ознаменовался выходом в свет таких фундаментальных по своим идеям книг, как "Мышление и речь" Л.С.Выготского и "Основы общей психологии" Л.С.Рубинштейна. Нужно, однако, признать, что в последующие годы внимание к методологическим проблемам психологической науки несколько ослабло. Это, конечно, вовсе не значит, что теоретические вопросы стали меньше обсуждаться или о них стали меньше писать. Я имею в виду другое: известную методологическую беспечность многих конкретно-психологических, в том числе и прикладных, исследований.

Это явление объяснимо рядом обстоятельств. Одно из них состоит в том, что постепенно произошло нарушение внутренних связей между разработкой философских проблем психологии и реальной методологией ведущихся исследований. Философским вопросам психологии (как и философской критике зарубежных немарксистских направлений) посвящается немало объемистых книг, но вопросы, касающиеся конкретных путей исследования широких психологических проблем, в них почти не затрагиваются. Создается впечатление как бы разветвленности: с одной стороны – сфера философской психологической проблематики, а с другой стороны – сфера специально психологических методологических вопросов, возникающих в опыте конкретных исследований. Конечно, разработка собственно философских вопросов той или иной области научного знания необходима. Однако речь идет о другом: о разработке на марксистской философской основе специальных проблем методологии психологии как конкретной науки. А это требует проникновения теоретической мысли в ее, так сказать, "внутреннее хозяйство".

Поясню свою мысль на примере одной из труднейших проблем, издавна стоящих перед психологическим исследованием, – речь идет о проблеме связи психических процессов и процессов мозговых, физиологических. Вряд ли нужно убеждать сейчас психологов в том, что психика есть функция мозга и что психические явления и процессы нужно изучать в единстве с физиологическими. Но что значит изучать их в единстве? Для конкретно-психологического исследования вопрос этот оказался архисложным. Дело в

том, что никакое прямое соотнесение между собой психических и мозговых физиологических процессов проблемы еще не решает. Теоретические альтернативы, которые возникают при таком прямом сближении, хорошо известны: либо это гипотеза параллелизма, роковым образом приводящая к пониманию психики как эпифеномена; либо это позиция наивного физиологического детерминизма с вытекающим из него сведением психологии к физиологии; либо, наконец, это дуалистическая гипотеза психофизиологического взаимодействия, которая допускает действие нематериальной психики на материальные процессы, протекающие в мозге. Для метафизического мышления никакого иного решения попросту не существует, меняются лишь термины, прикрывающие все те же альтернативы.

Вместе с тем психофизиологическая проблема имеет для психологии совершенно конкретный и в высшей степени деловой смысл, потому что психолог должен постоянно иметь в виду работу морфофизиологических механизмов. Нельзя же рассуждать, например, о процессах восприятия, не обращаясь к данным морфологии и физиологии. Однако образ восприятия как психологическая реальность совсем не то же самое, что мозговые процессы и их конstellации, функцией которых он является. Очевидно, что мы имеем здесь дело с разными формами движения, но это необходимо ставит дальнейшую проблему о тех содержательных переходах, которые связывают между собой эти формы движения. Хотя проблема эта является прежде всего методологической, ее решение требует анализа, проникающего, как я говорил, в результаты, накопленные конкретными исследованиями на психологическом и физиологическом уровнях.

На другой стороне, в сфере специально психологической проблематики, внимание стало все более сосредоточиваться на тщательности разработки отдельных вопросов, на повышении технической вооруженности лабораторного эксперимента, усовершенствовании статистического аппарата и на использовании формальных языков. Конечно, без этого прогресс в психологии сейчас попросту невозможен. Но очевидно и другое: что одного этого еще недостаточно. Необходимо, чтобы при этом частные задачи не заслоняли собой более общих, чтобы методика исследования не заслоняла собой его методологию.

Дело в том, что психолог-исследователь, взявшись за изучение конкретных вопросов, неизбежно продолжает наталкиваться на фундаментальные методологические проблемы психологической науки. Только они выступают перед ним в скрытом своем выражении, так что решение конкретных вопросов кажется от них не зависящим, требующим лишь умножения и уточнения эмпирических данных. Возникает иллюзия "деметодологизации" сферы конкретных исследований, что еще более усиливает впечатление размыкания внутренних связей между общетеоретическими марксистскими основаниями психологической науки и ее фактологией. В результате в системе психологических понятий образуется своеобразный вакуум, в который стихийно втягиваются концепции, порожденные взглядами, по существу чуждыми марксизму.

Теоретическая, методологическая беззаботность иногда сказывается и в подходе к решению некоторых чисто прикладных психологических задач. Она проявляется прежде всего в попытках некритического применения в

практических целях научно не обоснованных методических средств. Предпринимая такого рода попытки, зачастую спекулируют на необходимости теснее связывать психологию с актуальными задачами, которые выдвигаются современным этапом развития общества и научно-технической революцией. Наиболее грубым выражением таких попыток является практика бездумного использования психологических тестов, чаще всего импортируемых из США. Я говорю здесь об этом только потому, что развитие практики тестирования обнажает один из "механизмов", порождающих в психологии антиметодологические установки.

Тестами, как известно, называют краткие испытания, цель которых состоит в том, чтобы обнаружить (а иногда и измерить) то или иное предварительно научно осмысленное свойство или процесс. Когда, например, стала известна реакция лакмуса на кислоту, то появился тест "лакмусовой бумажки" – изменение ее цвета стало служить простейшим индикатором кислотности или щелочности жидкости, смачивающей бумажку; изучение индивидуальных особенностей восприятия цвета привело к созданию известных таблиц Штиллинга, которые по различаемости изображенных на них цифр позволяют достаточно надежно судить об отсутствии или наличии цветоаномалии и о ее характере. Такого рода тесты, широко используемые в самых различных областях знания, можно назвать "понимающими" в том смысле, что они опираются на содержательное представление о зависимостях, которые связывают между собой результаты тестирования с изучаемыми свойствами, состояниями или процессами. Они не эмансипированы от науки и не подменяют собой углубленные исследования.

Принципиально иной характер имеют те тесты, которые служат способом обойти трудности добывания подлинно научных психологических знаний. Типичным образцом таких тестов являются тесты умственного развития. В их основе лежит следующая процедура: прежде всего, допускается существование некоего "психологического флогистона", именуемого интеллектуальной одаренностью; далее изобретается ряд вопросов-задач, среди которых отбираются те, которые обладают наибольшей дифференцирующей силой, и из них составляется "тестовая батарея"; наконец, на основании статистической обработки результатов большого числа испытаний количество правильно решаемых задач, включенных в такую батарею, соотносится с возрастом, расовой или социальной принадлежностью испытуемых. Определенный эмпирически установленный процент решений принимается за единицу, а отклонение от него записывается в виде дроби, которая якобы и выражает "интеллектуальный коэффициент", присущий данному индивиду или группе.

Несостоятельность методологии такого рода тестов очевидна. Ведь единственным критерием, на основании которого вводятся те или иные тестовые задачи, является их валидность, т. е. степень соответствия результатов их решения тем или иным косвенным же выражениям тестируемых психологических особенностей. Это и вызвало к жизни специальную психологическую дисциплину – так называемую тестологию. Нетрудно увидеть, что за подобной трансформацией методической техники в самостоятельную дисциплину кроется не что иное, как подмена теоретического исследования грубой прагматикой.

Хочу ли я этим сказать, что от психологических тестов нужно отказаться? Нет, конечно. Я воспользовался примером давно дискредитировавших себя тестов одаренности, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость серьезного теоретического анализа даже и при решении таких вопросов, которые на первый взгляд кажутся узкометодическими.

Я остановился на тех трудностях, которые испытывает научная психология, и ничего не говорил о ее бесспорных и очень серьезных достижениях. Но именно осознание этих трудностей и составило, так сказать, критическое содержание данной книги. Оно, однако, не является единственным фундаментом, на который опираются развиваемые в ней позиции. К ним во многом привел положительный опыт конкретно-психологических исследований – как моих собственных, так и проведенных другими учеными. Результаты этих исследований я постоянно имел в виду, хотя прямо они упоминаются лишь изредка, в качестве беглых иллюстраций; в большинстве же случаев они вовсе оставались за пределами изложения. Последнее объясняется необходимостью отказаться от длинных отступлений, чтобы сделать общую авторскую концепцию более наглядной и обозримой.

По этой же причине книга не претендует и на то, чтобы дать обзор научной литературы по затрагиваемым вопросам. Многие важные и известные читателю работы в ней не цитируются, хотя и подразумеваются. Так как это может создать неправильное впечатление, я должен подчеркнуть, что если эти психологические работы и остались неназванными, то этот отнюдь не потому, что они, на мой взгляд, не заслуживают внимания. Не иначе обстоит дело и с философско-историческими источниками: читатель без труда обнаружит теоретические рассуждения, за которыми скрывается анализ некоторых прямо не называемых категорий домарксистской классической философии. Все это – потери, восстановить которые можно только в новой, совершенно по-другому написанной большой книге. К сожалению, такой возможности у меня сейчас просто нет.

Почти всякую теоретическую работу можно прочитать по-разному, подчас совершенно иначе, чем она представляется автору. Поэтому я хочу воспользоваться возможностью сказать в предисловии о том, что на страницах этой книги является, на мой взгляд, главным.

Я думаю, что главное в этой книге состоит в попытке психологически осмыслить категории, наиболее важные для построения целостной системы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов. Это – категория предметной деятельности, категория сознания человека и категория личности.

Первая из них является не только исходной, но и важнейшей. В советской психологии это положение высказывается постоянно, но раскрывается оно существенно по-разному. Центральный пункт, образующий как бы водораздел между различным пониманием места категории деятельности, состоит в том, рассматривается ли предметная деятельность лишь как условие психического отражения и его выражение, или же она рассматривается как процесс, несущий в себе те внутренние движущие противоречия, раздвоения и трансформации, которые порождают психику, являющуюся необходимым моментом собственного движения деятельности, ее развития. Если первая из этих позиций

выводит исследование деятельности в ее основной форме – в форме практики – за пределы психологии, то вторая позиция, напротив, предполагает, что деятельность независимо от ее формы входит в предмет психологической науки, хотя, разумеется, совершенно иначе, чем она входит в предмет других наук.

Иными словами, психологический анализ деятельности состоит, с точки зрения этой второй позиции, не в выделении из нее ее внутренних психических элементов для дальнейшего обособленного их изучения, а в том, чтобы ввести в психологию такие единицы анализа, которые несут в себе психическое отражение в его неотторжимости от порождающих его и им опосредствуемых моментов человеческой деятельности. Эта защищаемая мною позиция требует, однако, перестройки всего концептуального аппарата психологии, которая в данной книге лишь намечена и в огромной степени представляется делом будущего.

Еще более трудной в психологии является категория сознания. Общее учение о сознании как высшей, специфически человеческой форме психики, возникающей в процессе общественного труда и предполагающей функционирование языка, составляет важнейшую предпосылку психологии человека. Задача же психологического исследования заключается в том, чтобы, не ограничиваясь изучением явлений и процессов на поверхности сознания, проникнуть в его внутреннее строение. Но для этого сознание нужно рассматривать не как созерцаемое субъектом поле, на котором проецируются его образы и понятия, а как особое внутреннее движение, порождаемое движением человеческой деятельности.

Трудность состоит здесь уже в том, чтобы выделить категорию сознания как психологическую, а это значит понять те реальные переходы, которые связывают между собой психику конкретных индивидов и общественное сознание, его формы. Этого, однако, нельзя сделать без предварительного анализа тех "образующих" индивидуального сознания, движение которых характеризует его внутреннюю структуру. Изложение опыта такого анализа, в основании которого лежит анализ движения деятельности, и посвящена специальная глава книги. Не мне, разумеется, судить о том, является ли этот опыт удачным. Я хочу только обратить внимание читателя на то, что психологическая "тайна сознания" остается закрытой для любого метода, за исключением метода, открытого Марксом, позволяющего демистифицировать природу сверхчувственных свойств общественных объектов, к которым принадлежит также и человек как субъект сознания.

Наибольшие, вероятно, возражения могут вызвать развиваемые мной взгляды на личность как предмет собственно психологического изучения. Я думаю так потому, что они решительно не совместимы с теми метафизическими культур-антропологическими концепциями личности (как и с теориями двойной ее детерминации – биологической наследственностью и социальной средой), которые наводняют сейчас мировую психологию. Несовместимость эта особенно видна при рассмотрении вопроса о природе так называемых внутренних двигателей личности и вопроса о связи личности человека с его соматическими особенностями.

Широко распространенный взгляд на природу потребностей и влечений человека заключается в том, что они-то и суть определители деятельности

личности, ее направленности; что, соответственно, главную задачу психологии составляет изучение того, какие потребности свойственны человеку и какие психические переживания (влечения, желания, чувства) они вызывают. Другой взгляд, в отличие от первого, состоит в том, чтобы понять, каким образом развитие самой деятельности человека, ее мотивов и средств трансформирует его потребности и порождает новые потребности, в результате чего меняется их иерархия, так что удовлетворение некоторых из них низводится до статуса лишь необходимых условий деятельности человека, его существования как личности.

Нужно сказать, что защитниками первой, антропологической или, лучше сказать, натуралистической точки зрения, выдвигается множество аргументов, в том числе такие, которые метафорически можно назвать аргументами "от желудка". Конечно, наполнение желудка пищей – неременное условие любой предметной деятельности, но психологическая проблема заключается в другом: какова будет эта деятельность, как пойдет ее развитие, а вместе с ним и преобразование самих потребностей.

Если я выделил здесь данный вопрос, то это потому, что в нем сталкиваются противоположные воззрения на перспективу изучения личности. Одно из них ведет к построению психологии личности, исходящей из примата, в широком смысле слова, потребления (на языке бихевиористов – "подкрепления"); другое – к построению психологии, исходящей из примата деятельности, в которой человек утверждает свою человеческую личность.

Второй вопрос – вопрос о личности человека и его телесных особенностях – заостряется в связи с тем положением, что психологическая теория личности не может строиться, опираясь главным образом на различия конституций человека. Как же можно в теории личности обойтись без привычных ссылок на конституции Шелдона, факторы Айзенка, наконец, на павловские типы высшей нервной деятельности? Соображение это тоже возникает из методологического недоразумения, которое во многом зависит от неоднозначности самого понятия "личность". Неоднозначность эта, однако, исчезает, если принять то известное марксистское положение, что личность есть особое качество, которое природный индивид приобретает в системе общественных отношений. Проблема тогда неизбежно обращается: антропологические свойства индивида выступают не как определяющие личность или входящие в ее структуру, а как генетически заданные условия формирования личности и, вместе с тем, как то, что определяет не ее психологические черты, а лишь формы и способы их проявления. Например, агрессивность как черта личности, конечно, будет проявляться у холерика иначе, чем у флегматика, но объяснить агрессивность особенностью темперамента как же научно бессмысленно, как искать объяснения войн в свойственном людям инстинкте драчливости. Таким образом, проблема темперамента, свойств нервной системы и т.п. не "изгоняется" из теории личности, а выступает в ином, нетрадиционном плане – как вопрос об использовании, если так можно выразиться, личностью врожденных индивидуальных свойств и способностей. И это – очень важная для конкретной характерологии проблема, которая, как и ряд других проблем, осталась в данной книге не рассмотренной.

Оговорки, сделанные в этом предисловии (а они могли быть еще более многочисленными), вызваны тем, что автор видел свою задачу не столько в

утверждении тех или иных конкретно-психологических положений, сколько в поиске метода их добывания, вытекающего из историко-материалистического учения о природе человека, его деятельности, сознания и личности.

В заключение мне осталось сказать несколько слов о композиции книги. Содержащиеся в ней мысли уже были высказаны в прежних публикациях автора, перечень которых дается в примечаниях к главам. Они, однако, впервые представлены здесь систематически.

По своему составу книга разбивается на три части. Первую из них образуют I и II главы, посвященные анализу понятия отражения и того общего вклада, который вносит марксизм в научную психологию. Главы эти служат введением к ее центральной части, в которой рассматриваются проблемы деятельности, сознания и личности. Совершенно особое место занимает последняя часть книги: она не является продолжением предшествующих глав, а представляет собой одну из ранних работ автора по психологии сознания. Со времени ее первого, ставшего теперь редким издания прошло более двадцати лет, и многое в ней устарело. Однако она содержит некоторые психолого-педагогические аспекты проблемы сознания, которые в других частях книги вовсе не затрагиваются, хотя аспекты эти остаются и сейчас близкими сердцу автора. Это и побудило включить ее в книгу.

Москва, июнь 1974 г.

Глава I

МАРКСИЗМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА

1. ОБ ОБЩИХ ОСНОВАНИЯХ МАРКСИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Учение К.Маркса создало переворот в общественных науках: в философии, в политической экономии, в теории социализма. Психология, как известно, оставалась многие годы изолированной от влияния марксизма. Марксизм не допускался в официальные научные психологические центры, и имя К.Маркса на протяжении более полувека после опубликования его основных произведений почти не упоминалось в трудах психологов.

Только в начале двадцатых годов учеными нашей страны было впервые выдвинуто требование сознательно строить психологию на основе марксизма. ^[1] Таким образом, именно советские ученые открыли Маркса для мировой психологической науки.

Первоначально задача создания марксистской психологии понималась как задача критики идеалистических философских взглядов, господствовавших в психологии, и внесения в нее некоторых положений марксистской диалектики. Характерным в этом отношении было название вышедшего в 1926 г. нового учебника психологии, написанного К.Н.Корниловым. Он назывался так: "Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма". В нем, как и в других работах этого периода, многие основополагающие для психологии идеи и понятия марксизма-ленинизма, в том числе понятие отражения, оставались еще не раскрытыми. Хотя Корнилов и другие авторы того времени подчеркивали положение об общественной природе человеческой психики, однако оно обычно интерпретировалось в духе наивных представлений о биосоциальной обусловленности поведения людей.

Только после работ Л.С.Выготского ^[2] и, несколько позже, С.Л.Рубинштейна ^[3] значение марксизма для психологии стало пониматься более полно. Получили развитие исторический подход к психике человека, конкретно-психологическое учение о сознании как высшей форме отражения реальности, учение о деятельности и ее строении. Происходил процесс постепенного переосмысления значения трудов классиков марксизма для психологической науки. Становилось все более очевидным, что марксизмом была создана широкая теория, раскрывающая природу и общие законы психики, сознания, что вклад марксизма в психологическую науку несопоставим по своему значению с самыми крупными теоретическими открытиями, сделанными в психологии как в домарксистский период ее развития, так и после Маркса.

Осознание этого явилось результатом большой теоретической работы многих психологов-марксистов, в том числе и зарубежных. ^[4] Но и сейчас еще нельзя сказать, что психология исчерпала сокровищницу идей марксизма-ленинизма. Вот почему мы вновь и вновь обращаемся к трудам К.Маркса, дающим решение наиболее глубоких и сложных теоретических проблем психологической науки.

В теории марксизма решающее важное значение для психологии имеет учение о человеческой деятельности, о ее развитии и ее формах.

Свои знаменитые тезисы о Фейербахе Маркс, как известно, начинает с указания "главного недостатка всего предшествующего материализма". Он состоит в том, что предмет, действительность берутся им лишь в форме объекта, в форме созерцания, а не как человеческая деятельность, не субъективно. ^[5]

Говоря о созерцательности старого материализма, Маркс имеет в виду то обстоятельство, что познание рассматривалось им только как результат воздействия предметов на познающего субъекта, на его органы чувств, а не как продукт развития его деятельности в предметом мире. Таким образом, старый материализм отделял познание от чувственной деятельности, от жизненных практических связей человека с окружающим его миром.

Вводя понятие деятельности в теорию познания, Маркс придавал ему строго материалистический смысл: для Маркса деятельность в ее исходной и основной форме – это чувственная практическая деятельность, в которой люди вступают в практический контакт с предметами окружающего мира, испытывают на себе

их сопротивление и воздействуют на них, подчиняясь их объективным свойствам. В этом и состоит коренное отличие марксистского учения о деятельности от идеалистического, которое знает деятельность только в ее абстрактной, спекулятивной форме.

Глубокий переворот, совершенный Марксом в теории познания, состоит в том, что человеческая практика была понята как основа человеческого познания, как тот процесс, в ходе развития которого возникают познавательные задачи, порождаются и развиваются восприятие и мышление человека и который вместе с тем несет в себе критерий адекватности, истинности знаний: в практике, говорит Маркс, должен человек доказать истинность, действительность и мощь, посюсторонность своего мышления.

Напоминая эти хорошо известные тезисы Маркса, нужно особенно подчеркнуть, что ни один из них не может быть взят изолированно, в отрыве от марксистского учения в целом. В частности, это относится и к положению о роли практики, – положению, которое некоторые современные извратители марксизма пытаются трактовать как якобы выражающее и обосновывающее прагматическую точку зрения.

В действительности философское открытие Маркса состоит вовсе не в отождествлении практики с познанием, а в том, что познание не существует вне жизненного процесса, который по самой природе своей есть процесс материальный, практический. Отражение действительности возникает и развивается в процессе развития реальных связей познающих людей с окружающим их человеческим миром, этими связями определяется и, в свою очередь, оказывает обратное влияние на их развитие.

"Предпосылки, с которых мы начинаем, – читаем мы в "Немецкой идеологии", – не произвольны, они – не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни..." [6] Предпосылки эти вместе с тем составляют три необходимых основных момента, три звена, диалектические связи которых образуют единую саморазвивающуюся систему.

Уже в самой телесной организации индивидов заключена необходимость того, что они вступают в активное отношение к внешнему миру; чтобы существовать, они должны действовать, производить необходимые им средства к жизни. Воздействуя на внешний мир, они изменяют его; этим они также изменяют и самих себя. Поэтому то, что они представляют собой, определяется их деятельностью, обусловленной уже достигнутым уровнем развития ее средств и форм ее организации.

Только в ходе развития этих отношений развивается также и психическое отражение людьми реальности. "...Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления". [7]

Иными словами, мышление, сознание определяются реальным бытием, жизнью людей и существуют только как их сознание, как продукт развития указанной системы объективных отношений. В своем саморазвитии система эта образует различные инфраструктуры, отношения и процессы, которые могут становиться предметом изучения отдельных наук. Однако марксистское

требование состоит в том, чтобы они рассматривались внутри этой общей системы, а не изолированно от нее. Требование это, разумеется, относится также и к психологическому изучению людей, к психологической науке.

Старая метафизическая психология знала только абстрактные индивиды, подвергающиеся воздействию противостоящей им внешней среды и, со своей стороны, проявляющие присущие им психические способности: восприятие, мышление, волю, чувства. Безразлично, мыслится ли при этом индивид как некая реактивная машина (хотя бы и очень сложно запрограммированная), или он наделяется автохтонно проявляющимися духовными силами. Подобно высмеянному Марксом святому Санчо, ^[8] наивно полагававшему, что ударом стали мы высекаем огонь, хранящийся в камне, психолог-метафизик думает, что психика извлекается из самого субъекта, из его головы. Как и Санчо, он не подозревает, что огненные частички отделяются не от камня, а от стали и, главное, что все дело – в раскаляющем эти частички взаимодействии камня и стали. Психолог-метафизик тоже упускает главное звено – процессы, опосредующие связи субъекта с реальным миром, процессы, в которых только и происходит психическое отражение им реальности, переход материального в идеальное. А это суть процессы деятельности субъекта, первоначально всегда внешней и практической, а затем приобретающей также форму внутренней деятельности, деятельности сознания.

Анализ деятельности и составляет решающий пункт и главный метод научного познания психического отражения, сознания. В изучении форм общественного сознания – это анализ бытия общества, свойственных ему способов производства и системы общественных отношений; в изучении индивидуальной психики – это анализ деятельности индивидов в данных общественных условиях и конкретных обстоятельствах, которые выпадают на долю каждого их

3. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Марксистское учение о природе сознания создало общую теорию человеческой психики. Вместе с тем оно нашло свое воплощение в теоретическом решении таких крупнейших проблем, как проблема восприятия и мышления. В каждую из них Марксом были внесены идеи, которые для научной психологии являются основополагающими. Идеи эти предвосхитили на многие годы главное направление ее развития в области психологического изучения восприятия и мыслительной деятельности человека.

Марксизм рассматривает восприятие, т.е. непосредственно чувственное отражение действительности, и как ступень, и как основную форму познания, достигающую в процессе исторического развития человека высокой степени совершенства.

Возможности восприятия, разумеется, обусловлены устройством органов чувств человека, его сенсорными способностями, или, говоря языком ранних произведений Маркса, соответствующими сущностными его силами. Однако

для того, чтобы в голове человека возник осязательный, зрительный или слуховой образ предмета, необходимо, чтобы между человеком и этим предметом сложилось деятельное отношение. От процессов, реализующих это отношение, и зависит адекватность и степень полноты образа. Значит, чтобы научно объяснить возникновение и особенности субъективного чувственного образа, недостаточно изучить, с одной стороны, устройство и работу органов чувств, а с другой – физическую природу воздействий, оказываемых на них предметом. Нужно еще проникнуть в деятельность субъекта, опосредующую его связи с предметным миром.

Совсем иной, созерцательно-сенсуалистический подход к восприятию господствовал в домарксистской психологии. Подход этот нашел свое выражение в том казавшемся самоочевидным положении, которое было сформулировано психологами-сенсуалистами: для того, чтобы в сознании человека возник образ предмета, достаточно иметь этот предмет перед глазами.

Зная, с одной стороны, человека с его морфофизиологическими особенностями, а с другой – противостоящий ему мир вещей, психологическое исследование восприятия встало перед неразрешимыми теоретическими трудностями. В частности, нельзя было объяснить главного: адекватности субъективного образа объективной реальности. Поэтому психология восприятия на деле оказалась не в состоянии выйти за пределы истолкований в духе физиологического идеализма и иероглифизма и вынуждена была апеллировать к таким понятиям, как способность к структурированию, образованию "гештальтов". При этом многие факты из области восприятия все же оставались без объяснения. К их числу относится, в частности, совершенно капитальный факт, состоящий в том, что эффекты, вызываемые в наших органах воздействием внешних предметов, мы воспринимаем не как свои собственные состояния, а как то, что находится вне нас, – факт, который, кстати сказать, был привлечен Марксом для пояснения одной из сторон превращения в сознании людей человеческих отношений в находящиеся вне их отношения вещей. ^[25]

Только под давлением все новых и новых фактов, накопленных особенно в последние, так сказать, "постгештальтовские" годы, усилия исследователей направились на изучение той деятельности субъекта, в процессе которой формируются образы восприятия. Появились многочисленные работы, посвященные исследованию генезиса структуры и состава перцептивных действий – осязательных, зрительных и, наконец, слуховых. Понадобилось, таким образом, целое столетие, чтобы психология освободилась от подхода к восприятию как результату одностороннего воздействия внешних вещей на пассивного, созерцающего мир субъекта, и чтобы в ней начал складываться новый подход к перцептивным процессам.

Конечно, и внутри этого нового подхода продолжают сталкиваться между собой противоположные философские линии – линии материализма и идеализма. Первая требует понимания деятельности восприятия как процесса, включенного в жизненные, практические связи человека с объективной реальностью, как процесса, в котором материальное лишь "переводится", по выражению Маркса, в идеальное. Вторая, идеалистическая, линия трактует эту деятельность восприятия как якобы конструирующую мир вещей.

К сказанному следует прибавить, что данные современных частных экспериментальных исследований перцептивных действий и операций сами по себе еще не дают теоретического решения проблемы человеческого восприятия. Их действительное значение может быть понято только в более широком контексте учения о единстве субъекта и объекта, об общественно-исторической природе связей человека с предметным миром.

Хотя деятельность восприятия есть деятельность особая в том смысле, что в своих развитых формах она непосредственно не связана с практическим воздействием человека на предмет и имеет в качестве своего продукта субъективный образ предмета (т.е. продукт идеальный), она все же является подлинно предметной деятельностью, подчиняющейся своему предмету, как воплотившему в себе целокупность человеческой общественной практики. "Глаз, – говорит Маркс, – стал человеческим глазом точно так же, как его объект стал общественным, человеческим объектом, созданным человеком для человека. Поэтому чувства непосредственно в своей практике стали теоретиками". И далее: "Образование пяти внешних чувств – это работа всей предшествующей всемирной истории". ^[26]

Цитированные положения непосредственно имеют в виду общественного человека, человека как родовое существо, и его родовую деятельность, т.е. общественно-исторический процесс. Но отдельный индивид в качестве человека не существует вне общества. Он становится человеком лишь в результате процесса присвоения им человеческой действительности. Деятельность восприятия и является одной из форм, в которой осуществляется этот процесс.

Для всей прежней, эмпирической психологии подобные идеи оставались глубоко чуждыми. Только немногие наиболее прозорливые мыслители приближались к пониманию того, что за восприятием лежит как бы свернутая практика и что осязающая рука или глаз не теряются в своих объектах только потому, что научаются выполнять перцептивные действия и операции, сформировавшиеся в практике. Но именно эти идеи и приближают нас к пониманию действительной природы человеческого восприятия.

Вместе с теоретическими основами научной психологии восприятия Марксом были созданы и основы научной психологии мыслительных процессов. Только марксистское учение позволяет преодолеть как идеалистический взгляд на мышление, ставящий мышление над чувственностью, так и ограниченность метафизического материализма, который сводит мышление к элементарным процессам анализа и генерализации чувственных впечатлений и образованию ассоциаций между ними. В противоположность этому марксизм, как известно, рассматривает человеческое мышление как продукт общественно-исторического развития, как особую теоретическую форму человеческой деятельности, которая является не чем иным, как дериватом деятельности практической. Даже на той ступени развития, когда мышление приобретает относительную независимость, практика остается его основой и критерием его истинности.

В качестве функции человеческого мозга мышление представляет собой естественный процесс, но мышление не существует вне общества, вне накопленных человечеством знаний и выработанных им способов мыслительной деятельности. Таким образом, каждый отдельный человек

становится субъектом мышления, лишь овладевая языком, понятиями, логикой, представляющими собой обобщенное отражение опыта общественной практики: даже те задачи, которые он ставит перед своим мышлением, порождаются общественными условиями его жизни. Иначе говоря, мышление людей, как и их восприятие, имеет общественно-историческую природу.

Марксизм особо подчеркивает изначальность связи мышления с практической деятельностью. "Производство идей... – читаем мы в "Немецкой идеологии", – первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни.

Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей".

[27] В более общем виде это выразил Энгельс, который писал:

"...существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая..." [28]

Эти положения имеют фундаментальное значение не только для теории познания, но и для психологии мышления. Они не только разрушают наивно-натуралистические и идеалистические взгляды на мышление, господствовавшие в старой психологии, но создают основу и для адекватного осмысления тех многочисленных научных фактов и концепций, которые явились результатом психологического изучения мыслительных процессов в последние десятилетия.

Анализ психологических теорий мышления, исходящих из буржуазных философских взглядов, показывает, что они не в состоянии дать подлинно научные ответы даже на наиболее кардинальные вопросы, нерешенность которых тормозит дальнейшее развитие конкретных исследований по этой актуальной проблеме.

К числу таких кардинальных вопросов относится прежде всего вопрос о том, каким образом, имея своим единственным источником чувственное восприятие, мышление проникает за поверхность явлений, способных воздействовать на наши органы чувств. Единственно правильное решение этого вопроса дает марксистское учение о происхождении и сущности человеческого мышления.

Труд посредством орудия ставит человека не только перед материальными, вещественными объектами, но и перед их взаимодействием, которое он сам контролирует и воспроизводит. В этом процессе и осуществляется их познание человеком, превосходящее возможности непосредственно-чувственного отражения. Если при прямом воздействии "субъект-объект" последний открывает свои свойства лишь в границах, обусловленных составом и степенью тонкости ощущений субъекта, то в процессе взаимодействия, опосредствованного орудием, познание выходит за эти границы. Так, при механической обработке предмета из одного материала предметом, сделанным из другого материала, мы подвергает безошибочному испытанию их относительную твердость в пределах, совершенно недоступных нашим органам кожно-мышечных ощущений: по воспринимаемой деформации одного из них мы заключаем о большей твердости другого. В этом смысле орудие является первой настоящей абстракцией. Только идя далее по этому пути, нам удастся выделить объективные единицы, применение которых способно дать как угодно точное и, главное, независимое от колеблющихся порогов ощущения познание данного свойства предметов.

Первоначально познание свойств предметного мира, переходящее границы непосредственно-чувственного познания, является непреднамеренным результатом действий, направленных на практические цели, т.е. действий, включенных в промышленную деятельность людей. Впоследствии оно начинает отвечать специальным задачам, например, задаче оценить пригодность исходного материала путем его предварительного практического испытания, простейшего эксперимента. Такого рода действия, подчиненные сознательной познавательной цели, представляют собой уже настоящее мышление, хотя оно и сохраняет форму внешних процессов. Их познавательные результаты, обобщаемые и закрепляемые посредством языка, принципиально отличаются от результатов непосредственно-чувственного отражения, которые генерализуются в соответствующих чувственных же образованиях. Они отличаются от последних не только тем, что включают в себя свойства, связи и отношения, недоступные прямой чувственной оценке, но и тем, что, переданные в процессе речевого общения другим людям, они образуют систему знаний, составляющих содержание сознания коллектива, общества. Благодаря этому возникающие у отдельных людей представления, понятия, идеи формируются, обогащаются и подвергаются отбору не только в ходе их индивидуальной практики (неизбежно узко ограниченной и подверженной случайностям), но и на основе усваиваемого ими неизмеримо более широкого опыта общественной практики.

Вместе с тем языковая форма выражения первоначально внешнепредметной формы познавательной деятельности создает условие, позволяющее впоследствии выполнять отдельные ее процессы уже только в речевом плане. Так как речь утрачивает при этом свою коммуникативную функцию и выполняет лишь функцию познавательную, то ее производственная, звуковая сторона постепенно редуцируется и соответствующие процессы все более приобретают характер внутренних процессов, совершающихся про себя, "в уме". Между исходными условиями и практическим выполнением действий теперь включаются все более и более длинные цепи внутренних процессов мысленного сопоставления, анализа и т.д., которые наконец приобретают относительную самостоятельность и способность отделяться от практической деятельности.

Такое отделение мышления от практической деятельности исторически происходит, однако, не само собой, не в силу только собственной логики развития, а порождается разделением труда, которое приводит к тому, что умственная деятельность и практическая материальная деятельность выпадают на долю различных людей. В условиях развития частной собственности на средства производства и дифференциации общества на антагонистические общественные классы деятельность мышления отрывается от физического труда и противопоставляется деятельности практической. Она кажется теперь вполне независимой от последней, имеющей другое происхождение, другую природу. Эти представления о мыслительной деятельности и закрепляются в идеалистических теориях мышления.

Отрыв мышления от практической деятельности и их противопоставленность не являются, однако, вечными. С уничтожением частной собственности на средства производства и антагонистических классов пропасть, вырытая между ними, постепенно будет исчезать. В развитом коммунистическом обществе переход одной формы деятельности в другую

становится естественным способом их существования и развития. Для этого, замечает Маркс, не нужны теперь никакие "сложные фокусы рефлексии". [29]

Конечно, такое единение мыслительной деятельности и деятельности практической не означает, что устраняется качественное различие между ними. Мыслительная деятельность, утрачивая некоторые черты, которые она приобрела в результате отрыва от деятельности практической, все же сохраняет свои особенности, но эти особенности демистифицируются. Они определяются прежде всего тем, что в своей развитой форме – в форме теоретического мышления – мыслительная деятельность протекает без прямого соприкосновения с объектами материального мира. Теоретическое мышление отдельного человека не нуждается даже в отправной предметно-чувственной основе, которая может быть представлена в его голове в отраженной, идеальной форме – в виде уже накопленных знаний и абстрактных понятий. Поэтому в отличие от мышления, которое объективируется в форме промышленной деятельности в эксперименте и которое в силу этого жестко ограничено реальными предметными условиями, теоретическое мышление обладает принципиально беспредельными возможностями проникновения в действительность, включая действительность, вовсе недоступную нашему воздействию.

Так как отвлеченное мышление протекает вне прямых контактов с предметным миром, то по отношению к нему в проблеме практики как основы и критерия истинности познания возникает еще один аспект. Дело в том, что проверка практикой истинности теоретических результатов мышления далеко не всегда может быть осуществлена сразу вслед за тем, как были получены эти результаты. Она может быть отделена от них многими десятилетиями и не всегда может быть прямой, а это делает необходимым, чтобы опыт общественной практики присутствовал в самой мыслительной деятельности. Такой необходимости отвечает факт подчиненности мышления логике, системе логических (и математических) законов, правил, предписаний. Анализ их природы и дает ответ на то, каким образом входит опыт общественной практики в само течение процесса мышления человека.

В противоположность взглядам на логические законы как на якобы вытекающие из принципов работы мозга (или как на выражающие имманентные законы мыслящего духа, или, наконец, как порождаемые развитием языка самой науки) марксистский взгляд состоит в том, что логические законы представляют собой обобщенное отражение тех объективных отношений действительности, которым подчиняется и которые воспроизводит практическая деятельность людей. "...Практическая деятельность человека, замечает В.И. Ленин, – миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом". [30] Таким образом, практическая деятельность, практика создает как бы путеводную нить для теоретической мысли, благодаря которой последняя способна не сбиваться с пути, ведущего к адекватному знанию.

Таковы в самом общем виде основные положения марксистско-ленинского учения о мышлении, которые решительно меняют не только общетеоретические представления о природе мышления, но также и наше понимание конкретных психологических проблем. Поэтому тот взгляд, что марксистское учение важно

лишь для общей теории мышления, а специальные экспериментально-психологические исследования якобы должны оставаться на чисто эмпирической почве, является величайшим заблуждением. Задача, которая еще и сегодня стоит перед научной психологией, заключается как раз в том, чтобы не ограничиваться общими диалектико-материалистическими положениями о сущности человеческого мышления, а конкретизировать эти положения применительно к актуальным вопросам изучения процесса развития мыслительной деятельности человека, различных форм этой деятельности, взаимопереходов между ними и влияния на нее новых общественных условий и явлений, таких, как ускорение научно-технического прогресса, расширение и изменение средств и форм коммуникации и т.п.

Сейчас в психологии мышления произошли большие перемены. Развитие этой области психологических знаний привело к тому, что многие марксистские идеи объективно нашли в ней свое конкретное воплощение и развитие, так что некоторые психологи, даже далекие по своим философским взглядам от марксизма, стали не без некоторого кокетства цитировать Маркса.

В наше время уже никто не стоит более на давно дискредитировавших себя позициях субъективно-эмпирической психологии, изображающей мышление в виде движения в сознании представлений и понятий, якобы являющихся продуктом наслоения и индивидуальном опыте человека чувственных впечатлений и их генерализации, – движения, которое управляется законами ассоциации и персеверации. Стало очевидным, что понимание мыслительных процессов, единственно соответствующее накопленным фактам, есть их понимание в качестве реализующих особый вид целенаправленных действий и операций, адекватных познавательным задачам.

Остались в прошлом и те психологические теории, которые знали мышление лишь в одной-единственной его форме – в форме внутренней, дискурсивной мысли. Современные генетические исследования открыли бесспорный факт существования процессов мышления, протекающих также и в форме внешней деятельности с материальными предметами. Более того, в них было показано, что внутренние мыслительные процессы являются не чем иным, как результатом интериоризации и специфического преобразования внешней практической деятельности, и что существуют постоянные переходы из одной формы в другую. В условиях высокоразвитого мышления наличие этих переходов особенно отчетливо выступило в исследованиях так называемого технического мышления – мышления рабочего-наладчика сложных технических устройств, мышления ученого-экспериментатора, – в исследованиях, которые были вызваны потребностями современного этапа развития техники.

Однако вместе с этими и другими бесспорными достижениями психологии мышления многие коренные ее проблемы, разрабатываемые в отрыве от общей марксистской теории, получили в современной психологии одностороннее и потому искаженное освещение. Даже само понятие деятельности, введенное в психологию мышления, трактуется психологами-позитивистами в смысле, весьма далеком от того, который вкладывается Марксом в понятие предметной человеческой деятельности. В большинстве зарубежных исследований деятельность мышления выступает со стороны ее адаптивной функции, а не как одна из форм присвоения человеком действительности и ее изменения. Поэтому

на первый план выдвигаются образующие ее состав операции. На деле это означает не что иное, как возврат к отождествлению в мышлении логического и психологического и к своеобразному панлогизму.

Вытекающая отсюда "автономизация" логических операций глубоко чужда марксистскому учению о мышлении, которое требует рассматривать мышление как живую человеческую деятельность, имеющую то же принципиальное строение, что и деятельность практическая. Как и практическая деятельность, мыслительная деятельность отвечает тем или иным потребностям и побуждениям и, соответственно, испытывает на себе регулирующее влияние эмоций. Как и практическая деятельность, она состоит из действий, подчиненных сознательным целям. Наконец, как и практическая деятельность, мышление осуществляется теми или иными средствами, т.е. при помощи определенных операций, в данном случае – логических или математических. Но любые операции – безразлично, внешнедвигательные или внутренние, умственные – представляют собой по своему происхождению лишь продукт развития соответствующих действий, в котором фиксируются абстрагированные и обобщенные объективные отношения, характеризующие предметные условия действия. Они поэтому приобретают относительно независимое существование и способны воплощаться в той или иной материальной форме – в форме орудия, машины, таблицы умножения, простейшего арифмометра или сложнейшего счетно-решающего устройства. От этого, однако, они не перестают быть лишь средствами человеческой деятельности и ее объектами. Поэтому мыслительная деятельность человека отнюдь не редуцируется к системе тех или иных логических, математических или иных операций, так же как, например, производство отнюдь не сводится к осуществляющим его технологическим процессам.

Игнорирование этих неоспоримых положений и создает те иллюзорные представления о мышлении, в которых все выступает в перевернутом виде: порожденные развитием познавательной деятельности человека мыслительные знаковые операции кажутся порождающими его мышление. Представления эти находят свое выражение, в частности, в том, что современным "думающим" машинам (которые, как и любые машины, являются, по словам Маркса, лишь "созданными человеческой рукой органами человеческого мозга" ^[31]), приписываются свойства подлинных субъектов мышления. Дело изображается так, что не они обслуживают мышление человека, а, наоборот, человек обслуживает их. ^[32]

Нетрудно увидеть, что приписывание машинам интеллектуальных способностей человека выражает все тот же отрыв мышления от чувственной деятельности, который выступает лишь в новом обличье: теперь от человеческой деятельности отделяются операции мышления в их экстерниоризированных, переданных машинам формах. Но операции суть только способы, средства мышления, а не само мышление. Поэтому психологические следствия научно-технической революции, которая объективно порождает интеллектуализацию человеческого труда, единение в нем умственной и практической деятельности, оказываются зависящими не от автоматизации техники самой по себе, а от той общественной системы, в которой эта техника функционирует. В условиях капитализма, в условиях отчуждения средств производства она лишь перемещает линию разрыва в сферу интеллектуальной деятельности, отделяя элиту – творцов автоматов – от тех, кто эти автоматы

обслуживает; в условиях социалистического, коммунистического общества, вооружая человеческое мышление, она, напротив, обеспечивает развитие творческого и интеллектуального характера труда во всех его звеньях и формах.

Конечно, это совершенно особая проблема, которая требует специального рассмотрения. Если я упомянул здесь о ней, то только для того, чтобы еще раз подчеркнуть неотделимость мышления от реальных условий его функционирования в жизни людей. Исследование мыслительных процессов не в их изолированности от реализуемых ими многообразных видов и форм человеческой деятельности, а в качестве ее средств и составляет одну из важнейших задач, стоящих перед советскими психологами, перед всеми психологами-марксистами.

В этой главе были затронуты лишь некоторые вопросы, более подробное освещение которых составляет задачу дальнейшего изложения. Прежде всего в этом нуждается проблема понимания психики как отражения реальности.

Глава II. ПСИХИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ

1. УРОВНИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНИЯ

Понятие отражения является фундаментальным философским понятием. Фундаментальный смысл оно имеет и для психологической науки. Введение понятия отражения в психологию в качестве исходного положило начало ее развитию на новой, марксистско-ленинской теоретической основе. С тех пор психология прошла полувековой путь, на протяжении которого ее конкретно-научные представления развивались и изменялись; однако главное – подход к психике как субъективному образу объективной реальности – оставалось и остается в ней неизменным.

Говоря об отражении, следует прежде всего подчеркнуть исторический смысл этого понятия. Он состоит, во-первых, в том, что его содержание не является застывшим. Напротив, в ходе прогресса наук о природе, о человеке и обществе оно развивается и обогащается.

Второе, особенно важное положение состоит в том, что в понятии отражения заключена идея развития, идея существования различных уровней и форм отражения. Речь идет о разных уровнях тех изменений отражающих тел, которые возникают в результате испытываемых ими воздействий и являются адекватным им. Эти уровни очень различны. Но все же это уровни единого отношения, которое в качественно разных формах обнаруживает себя и в неживой природе, и в мире животных, и, наконец, у человека.

В связи с этим возникает задача, имеющая для психологии первостепенное значение: исследовать особенности и функцию различных уровней отражения,

проследить переходы от более простых его уровней и форм к уровням и формам более сложным.

Известно, что Ленин рассматривал отражение как свойство, заложенное уже в "фундаменте самого здания материи", которое на определенной ступени развития, а именно на уровне высокоорганизованной живой материи, приобретает форму ощущения, восприятия, а у человека – также и форму теоретической мысли, понятия. Такое, в широком смысле слова, историческое понимание отражения исключает возможность трактовать психологические явления как изъятые из общей системы взаимодействия единого в своей материальности мира. Величайшее значение этого для науки заключается в том, что психическое, изначальноность которого постулировалась идеализмом, превращается в проблему научного исследования; единственным же постулатом остается признание независимого от познающего субъекта существования объективной реальности. В этом и заключается смысл ленинского требования идти не от ощущения к внешнему миру, а от внешнего мира к ощущению, от внешнего мира как первичного к субъективным психическим явлениям как вторичным. ^[33] Само собой разумеется, что это требование полностью распространяется и на конкретно-научное изучение психики, на психологию.

Путь исследования чувственных явлений, идущий от внешнего мира, от вещей, есть путь их объективного исследования. Как свидетельствует опыт развития психологии, на этом пути возникают многие теоретические трудности. Они обнаружались уже в связи с первыми конкретными достижениями естественнонаучного изучения мозга и органов чувств. Работы физиологов и психофизиков хотя обогатили научную психологию знанием важных фактов и закономерностей, обуславливающих возникновение психических явлений, однако сущности самих этих явлений они непосредственно раскрыть не смогли; психика продолжала рассматриваться в ее обособленности, а проблема отношения психического к внешнему миру решалась в духе физиологического идеализма И.Мюллера, иероглифизма Г.Гельмгольца, дуалистического идеализма В.Вундта и т.д. Наибольшее распространение получили параллелистические позиции, которые в современной психологии лишь замаскированы новой терминологией.

Большой вклад в проблему отражения был внесен рефлексорной теорией, учением И.П.Павлова о высшей нервной деятельности. Главный акцент в исследовании существенно сместился: отражательная, психическая функция мозга выступила как продукт и условие реальных связей организма с воздействующей на него средой. Этим подсказывалась принципиально новая ориентация исследований, выразившаяся в подходе к мозговым явлениям со стороны порождающего их взаимодействия, реализующегося в поведении организмов, его подготовке, формировании и закреплении. Казалось даже, что изучение работы мозга на уровне этой, по выражению И.П.Павлова, "второй части физиологии" ^[34] в перспективе полностью сливается с научной, объяснительной психологией.

Оставалась, однако, главная теоретическая трудность, которая выражается в невозможности свести уровень психологического анализа к уровню анализа физиологического, психологические законы к законам деятельности мозга. Теперь, когда психология как особая область знания получила широкое распространение и приобрела практическое распространение и приобрела

практическое значение для решения многих задач, выдвигаемых жизнью, положение о несводимости психического к физиологическому получило новое доказательство – в самой практике психологических исследований. Сложилось достаточно четкое фактическое различие психических процессов, с одной стороны, и реализующих эти процессы физиологических механизмов – с другой, различие, без которого, разумеется, нельзя решить и проблемы соотношения и связи между ними; сложилась вместе с тем и система объективных психологических методов, в частности методов пограничных, психолого-физиологических исследований. Благодаря этому конкретное изучение природы и механизмов психических процессов вышло далеко за пределы, ограниченные естественнонаучными представлениями о деятельности органа психики – мозга. Конечно, это вовсе не значит, что все теоретические вопросы, относящиеся к проблеме психологического и физиологического, нашли свое решение. Можно говорить лишь о том, что произошло серьезное продвижение в этом направлении. Вместе с тем встали новые сложные теоретические проблемы. Одна из них была поставлена развитием кибернетического подхода к изучению процессов отражения. Под влиянием кибернетики в центре внимания оказался анализ регулирования состояний живых систем посредством управляющей ими информации. Этим был сделан новый шаг по уже наметившемуся пути изучения взаимодействия живых организмов со средой, которое выступило теперь с новой стороны – со стороны передачи, переработки и хранения информации. Вместе с тем произошло теоретическое сближение подходов к качественно разным управляющимся и самоуправляющимся объектам – неживым системам, животным и человеку. Само понятие информации (одно из фундаментальных для кибернетики) хотя и пришло их техники связи, но является по своему, так сказать, происхождению человеческим, физиологическим и даже психологическим: ведь все началось с изучения передачи по техническим каналам семантической информации от человека к человеку.

Как известно, кибернетический подход с самого начала имплицитно распространялся и на психическую деятельность.^[35] Очень скоро его необходимость выступила и в самой психологии, особенно наглядным образом – в инженерной психологии, исследующей систему "человек-машина", которая рассматривается как частный случай систем управления. Сейчас понятия типа "обратная связь", "регулирование", "информация", "модель" и т.д. стали широко использоваться и в таких ветвях психологии, которые не связаны с необходимостью применять формальные языки, способные описывать процессы управления, протекающие в любых системах, в том числе технических.

Если внесение в психологию нейрофизиологических понятий опиралось на положение о психике как функции мозга, то распространение в ней кибернетического подхода имеет иное научное оправдание. Ведь психология – это конкретная наука о возникновении и развитии отражения человеком реальности, которое происходит в его деятельности и которое, опосредствуя ее, выполняет в ней реальную роль. Со своей стороны кибернетика, изучая процессы внутрисистемных и межсистемных взаимодействий в понятиях информации и подобия, позволяет ввести в изучение процессов отражения количественные методы и этим обогащает учение об отражении как общем свойстве материи. На это неоднократно указывалось в нашей философской

литературе, ^[36] так же как и на то, что результаты кибернетики имеют существенное значение для психологических исследований. ^[37]

Значение кибернетики, взятой с этой ее стороны, для изучения механизмов чувственного отражения представляется бесспорным. Нельзя, однако, забывать, что общая кибернетика, давая описания процессов регулирования, отвлекается от их конкретной природы. Поэтому применительно к каждой специальной области возникает вопрос о ее адекватном применении. Известно, например, насколько сложным является этот вопрос, когда речь идет о социальных процессах. Сложным он является и для психологии. Ведь кибернетический подход в психологии, конечно, заключается не в том, чтобы просто заменять психологические термины кибернетическими; такая замена столь же бесплодна, как и делавшаяся в свое время попытка заменить психологические термины физиологическими. Тем менее допустимо механически включать в психологию отдельные положения и теоремы кибернетики.

Среди проблем, которые возникают в психологии в связи с развитием кибернетического подхода, особенно важное конкретно-научное и методологическое значение имеет проблема чувственного образа и модели. Несмотря на то, что этой проблеме посвящено немало работ философов, физиологов, психологов и кибернетиков, она заслуживает дальнейшего теоретического анализа – в свете учения о чувственном образе как субъективном отражении мира в сознании человека.

Как известно, понятие модели получило самое широкое распространение и употребляется в очень разных значениях. Однако для дальнейшего рассмотрения нашей проблемы мы можем принять самое простое и грубое, так сказать, его определение. Мы будем называть моделью такую систему (множество), элементы которой находятся в отношении подобия (гомоморфизма, изоморфизма) к элементам некоторой другой (моделируемой) системы. Совершенно очевидно, что под такое широкое определение модели попадает, в частности, и чувственный образ. Проблема, однако, заключается не в том, можно ли подходить к психическому образу как к модели, а в том, схватывает ли этот подход его существенные, специфические особенности, его природу.

Ленинская теория отражения рассматривает чувственные образы в сознании человека как отпечатки, снимки независимо существующей реальности. В этом и состоит то, что сближает психическое отражение с "родственными" ему формами отражения, свойственными также и материи, не обладающей "ясно выраженной способностью ощущения". ^[38] Но это образует лишь одну сторону характеристики психического отражения; другая сторона состоит в том, что психическое отражение, в отличие от зеркального и других форм пассивного отражения, является субъективным, а это значит, что оно является не пассивным, не мертвенным, а активным, что в его определение входит человеческая жизнь, практика и что оно характеризуется движением постоянного переливания объективного в субъективное.

Эти положения, имеющие прежде всего гносеологический смысл, являются вместе с тем исходными и для конкретно-научного психологического исследования. Именно на психологическом уровне возникает проблема специфических особенностей тех форм отражения, которые выражаются в

наличии у человека субъективных – чувственных и мысленных – образов реальности.

Положение о том, что психическое отражение реальности есть ее субъективный образ, означает принадлежность образа реальному субъекту жизни. Но понятие субъективности образа в смысле его принадлежности субъекту жизни включает в себя указание на его активность. Связь образа с отражаемым не есть связь двух объектов (систем, множеств), стоящих во взаимно-одинаковом отношении друг к другу, – их отношение воспроизводит поляризованность всякого жизненного процесса, на одном полюсе которого стоит активный ("пристрастный") субъект, на другом – "равнодушный" к субъекту объект. Эта-то особенность отношения субъективного образа к отражаемой реальности и не схватывается отношением "модель-моделируемое". Последнее обладает свойством симметричности, и соответственно термины "модель" и "моделируемое" имеют релятивный смысл, зависящий от того, какой из двух объектов познающий их субъект полагает (теоретически или практически) моделью, а какой – моделируемым. Что же касается процесса моделирования (т.е. построения субъектом моделей любого типа или даже познания субъектом связей, определяющих такое изменение объекта, которое сообщает ему признаки модели некоторого объекта), то это вообще другой вопрос.

Итак, понятие субъективности образа включает в себя понятие пристрастности субъекта. Психология издавна описывала и изучала зависимость восприятия, представления, мышления от того, "что человеку нужно", – от его потребностей, мотивов, установок, эмоций. Очень важно при этом подчеркнуть, что такая пристрастность сама объективно детерминирована и выражается не в неадекватности образа (хотя и может в ней выражаться), а в том, что она позволяет активно проникать в реальность. Иначе говоря, субъективность на уровне чувственного отражения следует понимать не как его субъективизм, а скорее, как его "субъективность", т.е. его принадлежность деятельному субъекту.

Психический образ есть продукт жизненных, практических связей и отношений субъекта с предметным миром, которые являются несопоставимо более широкими и богатыми, чем любое модельное отношение. Поэтому его описание в качестве воспроизводящего на языке сенсорных модальностей (в сенсорном "коде") параметры объекта, воздействующие на органы чувств субъекта, представляет собой результат анализа на физикальном, по существу уровне. Но как раз на этом уровне чувственный образ обнаруживает себя как более бедный по сравнению с возможной математической или физической моделью объекта. Иначе обстоит дело, когда мы рассматриваем образ на психологическом уровне – в качестве психического отражения. В этом качестве он выступает, напротив, во всем своем богатстве, как впитавший в себя ту систему объективных отношений, в которой только реально и существует отражаемое им содержание. Тем более сказанное относится к сознательному чувственному образу – к образу на уровне сознательного отражения мира.

2. АКТИВНОСТЬ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

В психологии сложились два подхода, два взгляда на процесс порождения чувственного образа. Один из них воспроизводит старую сенсуалистическую концепцию восприятия, согласно которой образ является непосредственным результатом одностороннего воздействия объекта на органы чувств.

Принципиально другое понимание процесса порождения образа восходит к Декарту. Сопоставляя в своей знаменитой "Диоптрике" зрение с восприятием предметов слепыми, которые "как бы видят руками", Декарт писал: "...Если вы считаете, что разница, усматриваемая слепым между деревьями, камнями, водой и другими подобными предметами с помощью своей палки, не кажется ему меньшей, чем та, которая существует между красным, желтым, зеленым и любым другим цветом, то все-таки несходство между телами является не чем иным, как разными способами двигать палку или сопротивляться ее движениям".^[39] В дальнейшем идея о принципиальной общности порождения осязательных и зрительных образов развивалась, как известно, Дидро и особенно Сеченовым.

В современной психологии положение о том, что восприятие представляет собой активный процесс, необходимо включающий в свой состав эфферентные звенья, получило общее признание. Хотя выявление и регистрация эфферентных процессов представляет иногда значительные методические трудности, так что некоторые явления кажутся свидетельствующими скорее в пользу пассивной, "экранный" теории восприятия, все же их обязательное участие можно считать установленным.

Особенно важные данные были получены в онтогенетических исследованиях восприятия. Эти исследования имеют то преимущество, что они позволяют изучать активные процессы восприятия в них, так сказать, развернутых, открытых, т.е. внешнедвигательных, еще не интериоризованных и не редуцированных формах. Полученные в них данные хорошо известны, и я не буду их излагать, отмечу только, что именно в этих исследованиях было введено понятие перцептивного действия.^[40]

Роль эфферентных процессов была изучена также при исследовании слухового восприятия, орган-рецептор которого является, в отличие от осязающей руки и аппарата зрения, полностью лишенным внешней активности. Для речевого слуха была экспериментально показана необходимость "артикуляционной имитации",^[41] для звуковысотного слуха – скрытой активности голосового аппарата.^[42]

Сейчас положение о том, что для возникновения образа недостаточно одностороннего воздействия вещи на органы чувств субъекта и что для этого необходимо еще, чтобы существовал "встречный", активный со стороны субъекта процесс, стало почти банальным. Естественно, что главным направлением в исследовании восприятия стало изучение активных перцептивных процессов, их генезиса и структуры. При всем различии конкретных гипотез, с которыми подходят исследователи к изучению перцептивной деятельности, их объединяет признание ее необходимости, убеждение, что именно в ней и осуществляется процесс "перевода" воздействующих на органы чувств внешних объектов в психический образ. А это значит, что воспринимают не органы чувств, а человек при помощи органов чувств. Всякий психолог знает, что сетчатый образ (сеточная "модель") объекта не есть то же самое, что его видимый (психический) образ, как и, например, то,

что так называемые последовательные образы можно назвать образами лишь условно, потому что они лишены константности, следуют за движением взора и подчинены закону Эммерта.

Нет, конечно, необходимо оговаривать тот факт, что процессы восприятия включены в жизненные, практические связи человека с миром, с вещественными объектами, а поэтому необходимо подчиняются – прямо или опосредствованно – свойствам самих объектов. Этим и определяется адекватность субъективного продукта перцепции – психического образа. Какую бы форму ни принимала перцептивная деятельность, какой бы степени редукции или автоматизации она ни подвергалась в ходе своего формирования и развития, принципиально она строится так же, как деятельность осязающей руки, "снимающей" контур объекта. Как и деятельность осязающей руки, всякая перцептивная деятельность находит объект там, где он реально существует, – во внешнем мире, в объективном пространстве и времени. Последнее и составляет ту важнейшую психологическую особенность субъективного образа, которая называется его предметностью или весьма неудачно – его объективированностью.

Эта особенность чувственного психического образа в своей наиболее простой и эксплицированной форме выступает применительно к экстрацептивным предметным образам. Капитальный психологический факт состоит в том, что в образе нам даны не наши субъективные состояния, а сами объекты. Например, световое воздействие вещи на глаз воспринимается именно как вещь, которая находится вне глаза. В акте восприятия субъект не соотносит своего образа вещи с самой вещью. Для субъекта образ как бы наложен на вещь. В этом психологически и выражается подчеркиваемая Лениным непосредственность связи ощущений, чувственного сознания с внешним миром. ^[43]

Копируя в рисунке объект, мы необходимо соотносим изображение (модель) объекта с изображаемым (моделируемым) объектом, воспринимая их как две разные вещи; но мы не устанавливаем такого соотношения между нашим субъективным образом объекта и самим объектом, между восприятием своего рисунка и самим рисунком. Если проблема такого соотношения и возникает, то лишь вторично – из рефлексии опыта восприятия.

Нельзя поэтому согласиться с высказываемым иногда утверждением, что предметность восприятия есть результат "объективизации" психического образа, т.е. что воздействие вещи сначала порождает ее чувственный образ, а затем этот образ относится субъектом к миру, "проецируемому на оригинал". ^[44] Психологически такого особого акта "обратного проецирования" в обычных условиях просто не существует. Глаз под воздействием на периферию его сетчатки неожиданно появившейся на экране светлой точки тотчас перемещается на нее, и испытуемый сразу видит эту точку локализованной в объективном пространстве; чего он не воспринимает вовсе, так это его смещения в момент скачка глаза по отношению к сетчатке и изменений нейродинамических состояний своей рецептирующей системы. Иначе говоря, для субъекта не существует никакой структуры, которая могла бы быть вторично соотнесена им с внешним объектом, подобно тому как он может соотнести, например, свой рисунок с оригиналом.

О том, что предметность ("объективированность") ощущений и восприятий не есть нечто вторичное, свидетельствуют многие давно известные в

психологии замечательные факты. Один из них связан с так называемой "проблемой зонда". Факт этот состоит в том, что у хирурга, зондирующего рану, "чувствующим" является конец зонда, которым он нащупывает пулю, – т.е. его ощущения оказываются парадоксально смещенными в мир внешних вещей и локализуются не на границе "зонд-рука", а на границе "зонд-воспринимаемый объект" (пуля). То же происходит и в любом другом аналогичном случае, например, когда мы воспринимаем шероховатость бумаги кончиком острого пера. ощупываем в темноте дорогу при помощи палки и т.п.

Главный интерес этих фактов состоит в том, что в них "разведены" и частью экстерииоризированы отношения, обычно скрытые от исследователя. Одно из них – отношение "рука-зонд". Воздействие, оказываемое зондом на рецептивные аппараты руки, вызывает ощущения, интегрирующиеся в сложный зрительно-тактильный его образ и в дальнейшем выполняющие ведущую роль в регуляции процесса удерживания зонда в руке. Другое отношение – это отношение "зонд-объект". Оно возникает, как только действие хирурга приводит зонд в соприкосновение с объектом. Но даже в это первое мгновение объект, выступающий еще в своей неопределенности – как "что-то", как первая точка на линии будущего "рисунка" – образа, – является отнесенным к внешнему миру, локализованным в объективном пространстве. Иначе говоря, чувственный психический образ обнаруживает свойство предметной отнесенности уже в момент своего становления. Но продолжим анализ отношения "зонд – объект" несколько дальше. Локализация объекта в пространстве выражает его отдаленность от субъекта; это – очарование границ" его независимого от субъекта существования. Границы эти обнаруживаются, как только деятельность субъекта вынуждена подчиниться объекту, а это происходит даже в том случае, когда деятельность приводит к его переделке или уничтожению. Замечательная особенность рассматриваемого отношения заключается в том, что эта граница проходит как граница между двумя физическими телами: одно из них – оконечность зонда – реализует познавательную, перцептивную деятельность субъекта, другое составляет объект этой деятельности. На границе этих двух материальных вещей и локализуются ощущения, образующие "ткань" субъективного образа объекта: они выступают как сместившиеся на осязающий конец зонда – искусственного дистантарецептора, который образует продолжение руки действующего субъекта.

Если в описанных условиях восприятия проводником действия субъекта является вещественный предмет, который приводится в движение, то при собственно дистантном восприятии процесс пространственной локализации объекта перестраивается и крайне усложняется. В случае восприятия посредством зонда рука по отношению к зонду существенно не движется, при зрительном же восприятии подвижным является глаз, "перебирающий" достигающие его сетчатку световые лучи, которые отбрасываются объектом. Но и в этом случае, чтобы возник субъективный образ, необходимо соблюдение условий, перемещающих границу "субъект-объект" на поверхность самого объекта. Это те самые условия, которые создают так называемую инвариантность зрительного объекта, а именно, наличие таких смещений сетчатки относительно отраженного светового потока, которые создают как бы непрерывную, управляемую субъектом "смену щупал", являющуюся эквивалентом их движения по поверхности объекта. Теперь ощущения субъекта

тоже смещаются на внешние границы объекта, но не по вещи (зонду), а по световым лучам; субъект видит не сетчаточную, непрерывно и быстро изменяющуюся проекцию объекта, а внешний объект в его относительной инвариантности, устойчивости.

Как раз игнорирование главного признака чувственного образа – отнесенности наших ощущений к внешнему миру – и создало то крупнейшее недоразумение, которое подготовило почву для субъективно – идеалистических выводов из принципа специфической энергии органов чувств. Недоразумение это заключается в том, что субъективно переживаемые реакции органов чувств, вызываемые действиями раздражителей, были отождествлены И.Мюллером с ощущениями, входящими в образ внешнего мира. В действительности же никто, конечно, не принимает свечение, возникающее в результате электрического раздражения глаза, за реальный свет, и только Мюнхгаузену могла прийти в голову идея поджечь порох на полке ружья искрами, сыплющимися из глаз. Обычно мы совершенно правильно говорим: "потемнело в глазах", "звенит в ушах", – в глазах, и ушах, а не в комнате, на улице и т.д. В защиту вторичности отнесения субъективного образа можно было бы сослаться на Зендена, Хебба и других авторов, описывающих случаи восстановления зрения у взрослых людей после удаления врожденной катаракты: вначале у них возникает лишь хаос субъективных зрительных явлений, которые затем соотносятся с объектами внешнего мира, становятся их образами. Но ведь это люди с уже сформировавшимися в другой модальности предметным восприятием, которые теперь получают лишь новый вклад со стороны зрения; поэтому, строго говоря, мы имеем здесь не вторичную отнесенность образа к внешнему миру, а включение в образ внешнего мира элементов новой модальности.

Конечно, дистантное восприятие (зрительное, слуховое) представляет собой процесс чрезвычайной сложности, и его исследование наталкивается на множество фактов, кажущихся противоречивыми, а иногда и необъяснимыми. Но психология, как и любая наука, не может строиться только в виде суммы эмпирических фактов, она не может избежать теории, и весь вопрос в том, какой теорией она руководствуется.

В свете теории отражения школьная "классическая" схема: свеча-> ее проекция на сетчатке глаза -> образ этой проекции в мозге, испускающем некий "метафизический свет", – есть не более чем поверхностное, грубо одностороннее (а следовательно, и неверное) изображение психического отражения. Схема эта прямо ведет к признанию того, что наши органы чувств, обладающие "специфическими энергиями" (что есть факт), отгораживают субъективный образ от внешней объективной реальности. Понятно, что никакое описание этой схемы процесса восприятия в терминах распространения нервного возбуждения, информации, построения моделей и т.п. не в состоянии изменить ее по существу.

Другую сторону проблемы чувственного субъективного образа составляет вопрос о роли практики в его формировании. Общеизвестно, что внесение категории практики в теорию познания составляет главный пункт водораздела между марксистским пониманием познания и пониманием познания в домарксовом материализме, с одной стороны, и в идеалистической философии – с другой. "Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной

точкой зрения теории познания", – говорит Ленин. ^[45] В качестве первой и основной эта точка зрения сохраняется и в психологии чувственных познавательных процессов.

Выше уже говорилось о том, что восприятие является активным, что субъективный образ внешнего мира есть продукт деятельности субъекта в этом мире. Но деятельность эта не может быть понята иначе, как реализующая жизнь телесного субъекта, которая прежде всего является процессом практическим. Конечно, было бы серьезной ошибкой рассматривать в психологии всякую перцептивную деятельность индивида как протекающую непосредственно в форме практической деятельности или прямо происходящей из нее. Процессы активного зрительного или слухового восприятия отделяются от непосредственной практики, так что и человеческий глаз и человеческое ухо становятся, по выражению Маркса, органами-теоретиками. ^[46] Единственно осязание поддерживает прямые практические контакты индивида с внешним вещественно-предметным миром. Это – чрезвычайно важное с точки зрения рассматриваемой проблемы обстоятельство, но и оно не исчерпывает ее полностью. Дело в том, что основу познавательных процессов составляет не индивидуальная практика субъекта, а "совокупность человеческой практики". Поэтому не только мышление, но и восприятие человека в огромной степени превосходят своим богатством относительную бедность его личного опыта.

Правильная постановка в психологии вопроса о роли практики как основы и критерия истинности требует исследовать, как именно входит практика в перцептивную деятельность человека. Нужно сказать, что психология уже накопила множество конкретно-научных данных, которые вплотную подводят к решению этого вопроса.

Как уже говорилось, психологические исследования делают для нас все более очевидным, что решающая роль в процессах восприятия принадлежит их эфферентным звеньям. В некоторых случаях, а именно, когда эти звенья имеют свое выражение в моторике или микромоторике, они выступают достаточно отчетливо; в других случаях они являются "упрятанными", выражающимися в динамике текущих внутренних состояний рецепирующей системы. Но они всегда существуют. Их функция является "уподобительной" не только в более узком значении, ^[47] но и в значении более широком. Последнее охватывает также функцию включения в процесс порождения образа совокупного опыта предметной деятельности человека. Дело в том, что такое включение не может осуществиться в результате простого повторения сочетаний сенсорных элементов и актуализации временных связей между ними. Ведь речь идет не об ассоциативном воспроизведении недостающих элементов сенсорных комплексов, а об адекватности возникающих субъективных образов общим свойствам реального мира, в котором живет, действует человек. Иначе говоря, речь идет о подчиненности процесса порождения образа принципу правдоподобия.

Для иллюстрации этого принципа обратимся опять-таки к хорошо и давно известным психологическим фактам – к эффектам "псевдоскопического" зрительного восприятия, изучением которых мы сейчас вновь занялись. Как известно, псевдоскопический эффект состоит в том, что при рассматривании объектов через бинокль, составленный из двух призм Дове, происходит закономерное искажение восприятия: более близкие точки объектов кажутся

более отдаленными и наоборот. В результате, например, вогнутая гипсовая маска лица видится при определенном освещении как выпуклое, рельефное его изображение, а рельефное изображение лица видится, наоборот, как маска. Но главный интерес опытов с псевдоскопом заключается в том, что видимый псевдоскопический образ возникает только в том случае, если он правдоподобен (гипсовая маска лица столь же "правдоподобна" с точки зрения реальности, как и его гипсовое выпуклое скульптурное изображение), или в случае, если тем или иным способом удастся заблокировать включение видимого псевдоскопического образа в сложившуюся у человека картину реального мира.

Известно, что если заменить голову человека, сделанную из гипса, головой реального человека, то псевдоскопический эффект вообще не возникает. Особенно демонстративным являются опыты, в которых испытуемому, вооруженному псевдоскопом, демонстрируется одновременно в одном и том же зрительном поле два объекта – и реальная голова и ее выпуклое гипсовое изображение; тогда голова человека видится как обычно, а гипс воспринимается псевдоскопически, т.е. как вогнутая маска. Такие явления наблюдаются, однако, лишь при правдоподобности псевдоскопического образа. Другая особенность псевдоскопического эффекта состоит в том, что для того, чтобы он возник, лучше демонстрировать объект на абстрактном, непредметном фоне, т.е. вне системы конкретно-предметных связей. Наконец, тот же принцип правдоподобия выражается в совершенно поразительном эффекте появления таких "прибавок" к видимому псевдоскопическому образу, которые делают его существование объективно возможным. Так, помещая перед некоторой поверхностью экран с отверстиями, через которые можно видеть части этой поверхности, мы должны получить при псевдоскопическом восприятии такую картину: части поверхности, которая расположена позади экрана, видимые через его отверстия, должны восприниматься испытуемым как находящиеся ближе к нему, чем экран, т.е. как бы свободно висеть перед экраном. В действительности же дело обстоит иначе. При благоприятных условиях испытуемый видит – как это и должно быть при псевдоскопическом восприятии – части поверхности, расположенные за экраном, впереди экрана; они, однако, не "висят" в воздухе (что неправдоподобно), а воспринимаются как некие объемные физические тела, выступающие через отверстие экрана. В видимом образе возникает прибавка в виде боковых поверхностей, образующих границы этих физических тел. И, наконец, последнее: как показали систематические опыты, процессы возникновения псевдоскопического образа, а равно и устранения его псевдоскопичности хотя происходят одновременно, но отнюдь не автоматически, не сами собой. Они являются результатом перцептивных операций, осуществляемых субъектом. Последнее доказывается тем фактом, что испытуемые могут научиться управлять обоими этими процессами.

Смысл опытов с псевдоскопом заключается, конечно, вовсе не в том, что, создавая с помощью специальной оптики искажение проекции демонстрируемых объектов на сетчатках глаз, можно при определенных условиях получить ложный субъективный зрительный образ. Их действительный смысл состоит (как и сходных с ними, классических "хронических" опытов Страттона, И. Колера и других) в открываемой ими возможности исследовать процесс такого преобразования информации, поступающей на сенсорный "вход", которое подчиняется общим свойствам,

связям, закономерностям реальной действительности. Это – другое, более полное выражение предметности субъективного образа, которая выступает теперь не только в его изначальной отнесенности к отражаемому объекту, но и в отнесенности его к предметному миру в целом.

Само собой разумеется, что у человека уже должна сложиться картина этого мира. Она складывается, однако, не только на непосредственно чувственном уровне, но и на высших познавательных уровнях – в результате овладения индивидом опытом общественной практики, отраженным в языковой форме, в системе значений. Иначе говоря, "оператором" восприятия являются не просто накопленные прежде ассоциации ощущений и не апперцепция в кантианском смысле, а общественная практика.

Прежняя, метафизически мыслящая психология неизменно двигалась при анализе восприятия в плоскости двоякой абстракции: абстракции человека от общества и абстракции воспринимаемого объекта от его связей с предметной действительностью. Субъективный чувственный образ и его объект выступали для нее как две противостоящие друг другу вещи. Но психический образ не есть вещь. Вопреки физикалистским представлениям, он не существует в веществе мозга в форме вещи, как не существует и никакого "наблюдателя" этой вещи, которым может быть только душа, только духовное "я". Правда состоит в том, что действительный и действующий человек при помощи своего мозга и его органов воспринимает внешние объекты; их явление ему и есть их чувственный образ. Подчеркнем еще раз: явление объектов, а не вызываемых ими физиологических состояний.

В восприятии постоянно происходит активный процесс "вычерпывания" из реально действительности ее свойств, отношений и т.д., их фиксация в кратковременных или длительных состояниях реципирующих систем и воспроизведение этих свойств в актах формирования новых образов, в актах формирования новых образов, в актах узнавания и припоминания объектов.

Здесь мы снова должны прервать изложение описанием психологического факта, иллюстрирующего только что сказанное. Всем известно, что такое отгадывание загадочных картинок. Нужно найти на картинке замаскированное в ней изображение предмета, указанного в загадке (например, "где охотник" и т.п.). Тривиальное объяснение процесса восприятия (узнавания) на картинке искомого предмета заключается в том, что оно происходит в результате последовательных сличений зрительного образа данного предмета, имеющегося у субъекта, с отдельными комплексами элементов картинки; совпадение этого образа с одним из комплексов картинки и приводит к ее "отгадыванию". Иначе говоря, это объяснение исходит из представления о двух сравниваемых между собой вещах: образа в голове субъекта и его изображения на картинке. Что же касается трудностей, которые при этом возникают, то они относятся за счет недостаточной выделенности и полноты изображения искомого объекта на картинке, что и требует многократных "примериваний" к ней образа. Психологическая неправдоподобность такого объяснения подсказала автору идею простейшего эксперимента, состоящего в том, что никакого указания на предмет, замаскированный в картинке, испытуемому не давалось. Испытуемому говорилось: "перед вами обычные загадочные картинки для детей: постарайтесь найти тот предмет, который скрыто изображен в каждой из них". В этих условиях процесс вообще не мог идти по схеме сличения возникшего у

испытуемого образа предмета с его изображением, содержащимся в элементах картинки. Тем не менее загадочные картинки испытуемыми разгадывались. Они "вычерпывали" изображение предмета из картинки, и у них актуализировался образ этого знакомого им предмета.

Мы подошли теперь к новому аспекту проблемы чувственного образа – к проблеме представления. В психологии представлением обычно называют обобщенный образ, который "записан" в памяти. Старое, субстанциональное понимание образа как некоей вещи приводило к субстанциональному же пониманию и представления. Это – обобщение, возникающее в результате накладывания друг на друга – на манер гальтоновской фотографии – чувственных впечатлений, к которым ассоциативно присоединено словонаименование. Хотя в пределах такого понимания допускалась возможность трансформации представлений, они все же мыслились как некие "готовые" образования, хранящиеся на складах нашей памяти. Легко увидеть, что такое понимание представлений хорошо согласуется с формально-логическим учением о конкретных понятиях, но находится в вопиющем противоречии с диалектико-материалистическим пониманием обобщений.

Наши чувственный обобщенные образы, как и понятия, содержат в себе движение и, стало быть, противоречия; они отражают объект в его многообразных связях и опосредствованиях. Это значит, что никакое чувственное знание не является застывшим впечатлением. Хотя оно и хранится в голове человека, но не как "готовая" вещь, а лишь виртуально – в виде сформировавшихся физиологических мозговых констелляций, которые способны реализовать субъективный образ объекта, открывающегося человеку то в одной, то в другой системе объективных связей. Представление об объекте включает в себя не только сходное в объектах, но и разные как бы грани его, в том числе и не "накладывающиеся" друг на друга, не находящиеся в отношениях структурного или функционального подобия.

Диалектичны не только понятия, но и наши чувственные представления; поэтому они и способны выполнять функцию, которая не сводится к роли фиксированных эталонов-моделей, соотносящихся с воздействиями, получаемыми рецепторами от единичных объектов. Как психический образ они существуют неотделимо от деятельности субъекта, которую они насыщают богатством, аккумулярованным в них, делают ее живой и творческой.

* * *

Проблема чувственных образов и представлений возникла перед психологией с первых же шагов ее развития. Вопрос о природе наших ощущений и восприятий не мог быть обойден ни одним психологическим направлением, из какой бы философской основы оно ни исходило. Не удивительно поэтому, что проблеме этой было посвящено огромное число работ – теоретических и экспериментальных. Их число продолжает быстро возрастать и в наши дни. В результате ряд отдельных вопросов оказался разработанным чрезвычайно детально и был собран почти необозримый фактический материал. Несмотря на это, современная психология все еще далека от возможности создать целостную, не эклектическую концепцию

восприятия, охватывающую различные его уровни и механизмы. Особенно это относится к уровню сознательного восприятия.

Новые в этом отношении перспективы открывает внесение в психологию категории психического отражения, научная продуктивность которой сейчас уже не требует доказательств. Категория эта, однако, не может быть взята вне ее внутренней связи с другими основными марксистскими категориями. Поэтому внесение категории отражения в научную психологию необходимо требует перестройки всего категориального ее строя. Ближайшие проблемы, которые встают на этом пути, суть проблемы деятельности, проблема психологии сознания, психологии личности. Их теоретическому анализу и посвящено дальнейшее изложение.

Глава III. ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

1. ДВА ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИИ – ДВЕ СХЕМЫ АНАЛИЗА

Последние годы в советской психологии происходило ускоренное развитие отдельных ее ветвей и прикладных исследований. В то же время теоретическим проблемам общей психологии уделялось гораздо меньше внимания. Вместе с тем советская психология, формируясь на марксистско-ленинской философской основе, выдвинула принципиально новый подход к психике и впервые внесла в психологию ряд важнейших категорий, которые нуждаются в дальнейшей разработке.

Среди этих категорий важнейшее значение имеет категория деятельности. Вспомним знаменитые тезисы К.Маркса о Фейербахе, в которых говорится, что главный недостаток прежнего метафизического материализма состоял в том, что он рассматривал чувственность только в форме созерцания, а не как человеческую деятельность, практику; что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, который, однако, понимал ее абстрактно, а не как действительную чувственную деятельность человека. ^[48]

Именно так обстояло дело и во всей домарксистской психологии. Впрочем, и в современной психологии, которая развивается вне марксизма, ситуация остается прежней.

Деятельность и в ней интерпретируется либо в рамках идеалистических концепций, либо в естественнонаучных, материалистических по своей общей тенденции направлениях – как ответ на внешние воздействия пассивного субъекта, обусловленный его врожденной организацией и научением. Но именно это и раскалывает психологию на естественнонаучную и психологию как науку о духе, на психологию бихевиоральную и "менталистскую". Возникающие в связи с этим в психологии кризисные явления сохраняются и сейчас; они только "ушли в глубину", стали выражаться в менее явных формах.

Характерное для наших дней интенсивное развитие междисциплинарных исследований, связывающих психологию с нейрофизиологией, с кибернетикой и логико-математическими дисциплинами, с социологией и историей культуры, – само по себе еще не может привести к решению фундаментальных методологических проблем психологической науки. Оставляя их нерешенными, оно лишь усиливает тенденцию к опасному физиологическому, кибернетическому, логическому или социологическому редукционизму, угрожающему психологии утратой своего предмета, своей специфики. Не является свидетельством теоретического прогресса и то обстоятельство, что столкновение различных психологических направлений потеряло сейчас свою прежнюю остроту: воинствующий бихевиоризм уступил место компромиссному необихевиоризму (или, как говорят некоторые авторы, "субъективному бихевиоризму"), гештальтизм – неогештальтизму, фрейдизм – неофрейдизму и культурной антропологии. Хотя термин "эkleктический" приобрел у американских авторов значение чуть ли не высшей похвалы, эkleктические позиции никогда еще не приводили к успеху. Научный синтез разнородных комплексов, добытых психологических фактов и обобщений, разумеется, не может быть достигнут путем их простого соединения с помощью общего переплета. Он требует дальнейшей разработки концептуального строя психологии, поиска новых научных теорий, способных стянуть разошедшиеся швы здания психологической науки.

При всем многообразии направлений, о которых идет речь, общее между ними, с методологической точки зрения, состоит в том, что они исходят из двучленной схемы анализа: воздействие на рецепирующие системы субъекта → возникающее ответные – объективные и субъективные – явления, вызываемые данным воздействием.

Схема эта с классической ясностью выступила уже в психофизике и физиологической психологии прошлого столетия. Главная задача, которая ставилась в то время, заключалась в том, чтобы изучить зависимость элементов сознания от параметров вызывающих их раздражителей. Позже, в бихевиоризме, т.е. применительно к изучению поведения, эта двучленная схема нашла свое прямое выражение в знаменитой формуле S→R.

Неудовлетворительность этой схемы заключается в том, что она исключает из поля зрения исследования тот содержательный процесс, в котором осуществляются реальные связи субъекта с предметным миром, его предметную деятельность (нем. *Tätigkeit* – в отличие от *Aktivität*). Такая абстракция от деятельности субъекта оправдана лишь в узких границах лабораторного эксперимента, имеющего своей целью выявить элементарные психофизиологические механизмы. Достаточно, однако, выйти за эти узкие границы, как тотчас обнаруживается ее несостоятельность. Это и вынуждало

прежних исследователей допускать при объяснении психологических фактов вмешательство особых сил, таких, как активация апперцепция, внутренняя интенция и т.п., т.е. все же апеллировать к деятельности субъекта, но только в ее мистифицированной идеализмом форме.

Принципиальные трудности, создаваемые в психологии двучленной схемой анализа и тем "постулатом непосредственности", ^[49] который скрывается за ней, породили настойчивые попытки преодолеть ее. Одна из линий, по которой шли эти попытки, нашла свое выражение в подчеркивании того факта, что эффекты внешних воздействий зависят от их преломления субъектом, от тех психологических "промежуточных переменных" (Толмен и другие), которые характеризуют его внутреннее состояние. В свое время С.Л.Рубинштейн выразил это в формуле, гласящей, что "внешние причины действуют через внутренние условия". ^[50] Конечно, формула эта является бесспорной. Если, однако, под внутренними условиями подразумеваются текущие состояния субъекта, подвергающегося воздействию, то она не вносит в схему S->R ничего принципиально нового. Ведь даже неживые объекты при изменении своих состояний по-разному обнаруживают себя во взаимодействии с другими объектами. На влажном, размягченном грунте следы будут отчетливо отпечатываться, а на сухой, слежавшейся почве – нет. Тем яснее проявляется это у животных и человека: голодное животное будет реагировать на пищевой раздражитель иначе, чем сытое, а у человека, интересующегося футболом, сообщение о результатах матча вызовет совсем другую реакцию, чем у человека, к футболу вполне равнодушного.

Введение понятия промежуточных переменных несомненно обогащает анализ поведения, но оно вовсе не снимает упомянутого постулата непосредственности. Дело в том, что хотя переменные, о которых идет речь, и являются промежуточными, но только в смысле внутренних состояний самого субъекта. Сказанное относится и к "мотивирующим факторам" – потребностям и влечениям. Разработка роли этих факторов шла, как известно, в очень разных направлениях – и в бихевиоризме, и в школе К.Левина, и особенно в глубинной психологии. При всех, однако, различиях между собой этих направлений и различиях в понимании самой мотивации и ее роли неизменным оставалось главное: противопоставленность мотивации объективным условиям деятельности, внешнему миру.

Особе следует выделить попытки решить проблему, идущие со стороны так называемой культурологии. Признанный основоположник этого направления Л.Уайт ^[51] развивал идею "культурной детерминации" явлений в обществе и в поведении индивидов. Возникновение человека и человеческого общества приводит к тому, что прежде прямые, натуральные связи организма со средой становятся опосредствованными культурой, развивающейся на базе материального производства. ^[52] При этом культура выступает для индивидов в форме значений, передаваемых речевыми знаками-символами. Исходя из этого, Л.Уайт предлагает трехчленную формулу поведения человека: организм человека X культурные стимулы → поведение. Формула эта совпадает иллюзию преодоления постулата непосредственности и вытекающей из него схемы S->R. Однако введение в эту схему в качестве посредствующего звена культуры, коммуницируемой знаковыми системами, неизбежно замыкает психологическое исследование в круг явлений сознания – общественного и индивидуального. Происходит простая подстановка: место мира предметов

теперь занимает мир выработанных обществом знаков, значений. Таким образом, мы снова стоим перед двучленной схемой S->R, но только стимул интерпретируется в ней как "культурный стимул". Это и выражает дальнейшая формула Уайта, посредством которой он поясняет различие в детерминации психической реакцией (minding) животных и человека. Он записывает эту формулу так:

$V_m = f(V_b)$ – у животных,

$V_m = f(V_c)$ – у человека, где V – переменные, m – психика, b – телесное состояние (body), c – культура.

В отличие от социологических концепций в психологии, идущих от Дюркгейма, которые так или иначе сохраняют идею первичности взаимодействия человека с предметным миром, современная американская культурология знает лишь воздействие на человека "экстрасоматических объектов", которые образуют континуум, развивающийся по своим собственным "супра-психологическим" и "супра-социологическим" законам (что и делает необходимой особую науку – культурологию). С этой, культурологической, точки зрения человеческие индивиды являются лишь "каталитическими агентами" и "средой выражения" культурного процесса. [53] Не более того.

Совсем другая линия, по которой шло усложнения анализа, вытекающего из постулата непосредственности, была порождена открытием регулирования поведения посредством обратных связей отчетливо сформулированным уже Н.Н.Ланге. [54]

Уже первые исследования построения сложно-двигательных процессов у человека, среди которых нужно особенно назвать работы Н.А.Бернштейна, [55] показавшие роль рефлекторного кольца с обратными связями, дали возможность по-новому понять механизм широкого круга явлений.

За это время, которое отделяет нас от первых работ, выполненных еще в тридцатые годы, теория управления и информации приобрела общенаучное значение, охватывая процессы как в живых системах, так и неживых.

Любопытно, что разработанные за эти годы понятия кибернетики позже были восприняты большинством психологов как совершенно новые. Произошло как бы их второе рождение в психологии – обстоятельство, создавшее у некоторых энтузиастов кибернетического подхода впечатление, что найдены наконец новые методологические основы всеобъемлющей психологической теории. Очень скоро, однако, обнаружилось, что кибернетический подход в психологии также имеет свои границы, перейти которые можно только ценой подмены научной кибернетики некоей "кибернетической мифологией"; подлинно же психологические реальности, такие, как психический образ, сознание, мотивация и целеобразование, фактически оказались утраченными. В этом смысле произошло даже известное отступление от ранних работ, в которых развивался принцип активности и представление об уровнях регулирования, среди которых особо выделялся уровень предметных действий и высшие познавательные уровни.

Понятия современной теоретической кибернетики образуют очень важную плоскость абстракции, позволяющую описывать особенности структуры и движения широчайшего класса процессов, которые с помощью прежнего

понятийного аппарата не могли быть описаны. Вместе с тем исследования, идущие в этой новой плоскости абстракции, несмотря на их бесспорную продуктивность, сами по себе не способны дать решение фундаментальных методологических проблем той или иной специальной области знаний. Поэтому нет ничего парадоксального в том, что и в психологии введение понятий об управлении, информационных процессах и о саморегулирующихся системах еще не отменяет упомянутого постулата непосредственности.

Вывод состоит в том, что, по-видимому, никакое усложнение исходной схемы, вытекающей из этого постулата, так сказать, "изнутри" не в состоянии устранить те методологические трудности, которые она создает в психологии. Чтобы снять их, нужно заменить двучленную схему анализа принципиально другой схемой, а этого нельзя сделать, не отказавшись от постулата непосредственности.

Главный тезис, обоснованию которого посвящается дальнейшее изложение, заключается в том, что реальный путь преодоления этого, по выражению Д.К.Узнадзе, "рокового" для психологии постулата открывается введением в психологию категории предметной деятельности.

Выдвигая это положение, нужно сразу же уточнить его: речь идет именно о деятельности, а не о поведении и не о тех нервных физиологических процессах, которые реализуют деятельность. Дело в том, что вычленяемые анализом "единицы" и язык, с помощью которых описываются поведенческие, церебральные или логические процессы, с одной стороны, и предметная деятельность – с другой, не совпадают между собой.

Итак, в психологии сложилась следующая альтернатива: либо сохранить в качестве основной двучленную схему: воздействие объекта → изменение текущих состояний субъекта (или, что принципиально то же самое, схему S->R), либо исходить из трехчленной схемы, включающей среднее звено ("средний термин") – деятельность субъекта и соответственно ее условия, цели и средства, – звено, которое опосредствует связи между ними.

С точки зрения проблемы детерминации психики эта альтернатива может быть сформулирована так: либо мы встаем на позицию, что сознание определяется окружающими вещами, явлениями, либо – на позицию, утверждающую, что сознание определяется общественным бытием людей, которое, по определению Маркса и Энгельса, есть не что иное, как реальный процесс их жизни. ^[56]

Но что такое человеческая жизнь? Это есть совокупность, точнее, система сменяющих друг друга деятельностей. В деятельности и происходит переход объекта в его субъективную форму, в образ; вместе с тем в деятельности совершается также переход деятельности в ее объективные результаты, в ее продукты. Взятая с этой стороны, деятельность выступает как процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между полюсами "субъект-объект". "В производстве объективируется личность; в потреблении субъективируется вещь", – замечает Маркс. ^[57]

2. О КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта. В более узком смысле, т.е. на психологическом уровне, это единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире. Иными словами, деятельность – это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие.

Введение категории деятельности в психологию меняет весь понятийный строй психологического знания. Но для этого нужно взять эту категорию во всей ее полноте, в ее важнейших зависимостях и детерминациях: со стороны ее структуры и в ее специфической динамике, в ее различных видах и формах. Иначе говоря, речь идет о том, чтобы ответить на вопрос, как именно выступает категория деятельности в психологии. Вопрос этот ставит ряд далеко еще не решенных теоретических проблем. Само собой разумеется, что я могу затронуть лишь некоторые из них.

Психология человека имеет дело с деятельностью конкретных индивидов, протекающей или в условиях открытой коллективности – среди окружающих людей, совместно с ними и во взаимодействии с ними, или с глазу на глаз с окружающим предметным миром – перед гончарным кругом или за письменным столом. В каких бы, однако, условиях и формах ни протекала деятельность человека, какую бы структуру она ни приобретала, ее нельзя рассматривать как изъятую из общественных отношений, из жизни общества. При всем своем своеобразии деятельность человеческого индивида представляет собой систему, включенную в систему отношений общества. Вне этих отношений человеческая деятельность вообще не существует. Как именно она существует, определяется теми формами и средствами материального и духовного общения (Verkehr), которые порождаются развитием производства и которые не могут реализоваться иначе, как в деятельности конкретных людей. [58]

Само собой разумеется, что деятельность каждого отдельного человека зависит при этом от его места в обществе, от условий, выпадающих на его долю, от того, как она складывается в неповторимых индивидуальных обстоятельствах.

Особенно следует предостеречь против понимания деятельности человека как отношения, существующего между человеком и противостоящим ему обществом. Это приходится подчеркивать, так как затопляющие сейчас психологию позитивистские концепции всячески навязывают идею противопоставленности человеческого индивида обществу. Для человека общество якобы составляет лишь ту внешнюю среду, к которой он вынужден приспособливаться, чтобы не оказаться "неадаптированным" и выжить, совершенно так же, как животное вынуждено приспособливаться к внешней природной среде. С этой точки зрения деятельность человека формируется в результате ее подкрепления, хотя бы и не прямого (например, через оценку, выражаемую "референтной" группой). При этом упускается главное – то, что в обществе человек находит не просто внешние условия, к которым он должен приравливать свою деятельность, но что сами эти общественные условия несут в себе мотивы и цели его деятельности, ее средства и способы; словом, что общество производит деятельность образующих его индивидов. Конечно,

это отнюдь не значит, что их деятельность лишь персонифицирует отношения общества и его культуру. Имеются сложные связывающие их трансформации и переходы, так что никакое прямое сведение одного к другому невозможно. Для психологии, которая ограничивается понятием "социализация" психики индивида без дальнейшего его анализа, эти трансформации остаются настоящей тайной. Эта психологическая тайна открывается только в исследовании порождения человеческой деятельности и ее внутреннего строения.

Основной, или, как иногда говорят, конституирующей, характеристикой деятельности является ее предметность. Собственно, в самом понятии деятельности уже имплицитно содержится понятие ее предмета (Gegenstand). Выражение "беспредметная деятельность" лишено всякого смысла. Деятельность может казаться беспредметной, но научное исследование деятельности необходимо требует открытия ее предмета. При этом предмет деятельности выступает двояко: первично – в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может.

Уже в самом зарождении деятельности и психического отражения обнаруживается их предметная природа. Так, было показано, что жизнь организмов в гомогенной, хотя и изменчивой среде может развиваться лишь в форме усложнения той системы элементарных отправлений, которая поддерживает их существование. Только при переходе к жизни в дискретной среде, т.е. к жизни в мире предметов, над процессами, отвечающими воздействиям, имеющим прямое биотическое значение, надстраиваются процессы, вызываемые воздействиями, которые сами по себе могут быть нейтральными, абиотическими, но которые ориентируют его по отношению к воздействиям первого рода. Формирование этих процессов, опосредствующих фундаментальные жизненные отправления, происходит в силу того, что биотические свойства предмета (например, его пищевые свойства) выступают как скрытые за другими, "поверхностными" его свойствами, поверхностными в том смысле, что, прежде чем испытать на себе эффекты, вызываемые биотическим воздействием, нужно, образно говоря, пройти через эти свойства (таковы, например, механические свойства твердого тела по отношению к химическим его свойствам).

Я, понятно, опускаю здесь изложение конкретно-научного обоснования приведенных положений, равно как и обсуждение вопроса об их внутренней связи с учением И.П.Павлова о сигнальной функции условных раздражителей и об ориентировочных рефлексах; то и другое освещено мной в других работах. [\[59\]](#)

Итак, предыстория человеческой деятельности начинается с приобретения жизненными процессами предметности. Последнее означает собой также появление элементарных форм психического отражения – превращение раздражимости (irritabilitas) в чувствительность (sensibilitas), в "способность ощущения".

Дальнейшая эволюция поведения и психики животных может быть адекватно понята именно как история развития предметного содержания деятельности. На каждом новом этапе возникает все более полная

подчиненность эффекторных процессов деятельности объективным связям и отношениям свойств предметов, во взаимодействие с которыми вступает животное. Предметный мир как бы все более "втягивается" в деятельность. Так, движение животного вдоль преграды подчиняется ее "геометрии" – уподобляется ей и несет ее в себе, движение прыжка подчиняется объективной метрике среды, а выбор обходного пути – межпредметным отношениям.

Развитие предметного содержания деятельности находит свое выражение в идущем вслед развитии психического отражения, которое регулирует деятельность в предметной среде.

Всякая деятельность имеет кольцевую структуру: исходная афферентация → эффекторные процессы, реализующие контакты с предметной средой → коррекция и обогащение с помощью обратных связей исходного афферентирующего образа. Сейчас кольцевой характер процессов, осуществляющих взаимодействие организма со средой, является общепризнанным и достаточно хорошо описан. Однако главное заключается не в самой по себе кольцевой структуре, а в том, что психическое отражение предметного мира порождается не непосредственно внешними воздействиями (в том числе и воздействиями "обратными"), а теми процессами, с помощью которых субъект вступает в практические контакты с предметным миром и которые поэтому необходимо подчиняются его независимым свойствам, связям, отношениям. Последнее означает, что "афферентатором", управляющим процессами деятельности, первично является сам предмет и лишь вторично – его образ как субъективный продукт деятельности, который фиксирует, стабилизирует и несет в себе ее предметное содержание. Иначе говоря, осуществляется двойной переход: переход предмет → процесс деятельности и переход деятельность → ее субъективный продукт. Но переход процесса в форму продукта происходит не только на полюсе субъекта. Еще более явно он происходит на полюсе объекта, трансформируемого человеческой деятельностью; в этом случае регулируемая психическим образом деятельность субъекта переходит в "покоящееся свойство" (*ruhende Eigenschaft*) ее объективного продукта.

На первый взгляд кажется, что представление о предметной природе психики относится только к сфере собственно познавательных процессов; что же касается сферы потребностей и эмоций, то на нее это представление не распространяется. Это, однако, не так.

Взгляды на эмоционально-потребную сферу как на сферу состояний и процессов, природа которых лежит в самом субъекте и которые лишь изменяют свои проявления под давлением внешних условий, основываются на смешении, по существу, разных категорий, смешении, которое особенно дает о себе знать в проблеме потребностей.

В психологии потребностей нужно с самого начала исходить из следующего капитального различия: различия потребности как внутреннего условия, как одной из обязательных предпосылок деятельности и потребности как того, что направляет и регулирует конкретную деятельность субъекта в предметной среде. "Голод способен поднять животное на ноги, способен придать поискам более или менее страстный характер, но в нем нет никаких элементов, чтобы направить движение в ту или другую сторону и видоизменить его согласно требованиям местности и случайностям встреч", – писал Сеченов.^[60] Именно в

направляющей своей функции потребность и является предметом психологического познания. В первом же случае потребность выступает лишь как состояние нужды организма, которое само по себе не способно вызывать никакой определенно направленной деятельности; ее функция ограничивается активацией соответствующих биологических отправления и общим возбуждением двигательной сферы, проявляющимся в ненаправленных поисковых движениях. Лишь в результате ее "встречи" с отвечающим ей предметом она впервые становится способной направлять и регулировать деятельность.

Встреча потребности с предметом есть акт чрезвычайный. Он отмечался уже Ч.Дарвином, о нем свидетельствуют некоторые данные И.П.Павлова; о нем говорит Д.Н.Узнадзе как об условии возникновения установки, и его блистательное описание дают современные этологи. Этот чрезвычайный акт есть акт опредмечивания потребности – "наполнения" ее содержанием, которое черпается из окружающего мира. Это и переводит потребность на собственно психологический уровень.

Развитие потребностей на этом уровне происходит в форме развития их предметного содержания. Кстати сказать, это обстоятельство только и позволяет понять появление у человека новых потребностей, в том числе таких, которые не имеют своих аналогов у животных, "отвязаны" от биологических потребностей организма и в этом смысле являются "автономными". ^[61] Их формирование объясняется тем, что в человеческом обществе предметы потребностей производятся, а благодаря этому производятся и сами потребности. ^[62]

Итак, потребности управляют деятельностью со стороны субъекта, но они способны выполнять эту функцию лишь при условии, что они являются предметными. Отсюда и происходит возможность оборота терминов, который позволил К.Левину говорить о побудительной силе (Aufforderungscharakter) самих предметов. ^[63]

Не иначе обстоит дело с эмоциями и чувствами. И здесь необходимо различать, с одной стороны, беспредметные стенические, астенические состояния, а с другой – собственно эмоции и чувства, порождаемые соотношением предметной деятельности субъекта с его потребностями и мотивами. Но об этом нужно говорить себе. В связи же с анализом деятельности достаточно указать на то, что предметность деятельности порождает не только предметный характер образов, но также предметность потребностей, эмоций и чувств.

Процесс развития предметного содержания потребностей не является, конечно, односторонним. Другая его сторона состоит в том, что и сам предмет деятельности открывается субъекту как отвечающий той или иной его потребности. Таким образом, потребности побуждают деятельность и управляют ею со стороны субъекта, но они способны выполнять эти функции при условии, что они являются предметными.

3. ПРЕДМЕТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЯ

То обстоятельство, что генетически исходной и основной формой человеческой деятельности является деятельность внешняя, чувственно – практическая, имеет для психологии особый смысл. Ведь психология всегда, конечно, изучала деятельность – например, деятельность мыслительную, деятельность воображения, запоминания и т.д. Только такая внутренняя деятельность, подпадающая под декартовскую категорию *cogito*, собственно, и считалась психологической, единственно входящей в поле зрения психолога. Психология, таким образом, отлучалась от изучения практической, чувственной деятельности.

Если внешняя деятельность и фигурировала в старой психологии, то лишь как выражающая внутреннюю деятельность, деятельность сознания. Произошедший на рубеже нашего столетия бунт бихевиористов против этой менталистской психологии скорее углубил, чем устранил разрыв между сознанием и внешней деятельностью, только теперь, наоборот, внешняя деятельность оказалась отлученной от сознания.

Подготовленный объективным ходом развития психологических знаний вопрос, который встал сейчас во весь рост, состоит в том, входит ли изучение внешней практической деятельности в задачу психологии. Ведь "на лбу" деятельности "не написано", предметом какой науки она является. Вместе с тем научный опыт показывает, что выделение деятельности в качестве предмета некоей особой области знания – "праксиологии" – не является оправданием. Как и всякая эмпирически данная реальность, деятельность изучается разными науками; можно изучать физиологию деятельности, но столь же правомерным является ее изучение, например, в политической экономии или социологии. Внешняя практическая деятельность не может быть изъята и из собственно психологического исследования. Последнее положение может, однако, пониматься существенно по-разному.

Еще в тридцатых годах С.Л.Рубинштейн ^[64] указывал на важное теоретическое значение для психологии мысли Маркса о том, что в обыкновенной материальной промышленности мы имеем перед собой раскрытую книгу человеческих сущностных сил и что психология, для которой эта книга остается закрытой, не может стать содержательной и реальной наукой, что психология не должна игнорировать богатство человеческой деятельности.

Вместе с тем в своих последующих публикациях С.Л.Рубинштейн подчеркивал, что, хотя в сферу психологии входит и та практическая деятельность, посредством которой люди изменяют природу и общество, предметом психологического изучения "является только их специфически психологическое содержание, их мотивация и регуляция, посредством которой действия приводятся в соответствие с отраженными в ощущении, восприятии, сознании объективными условиями, в которых они совершаются". ^[65]

Итак, практическая деятельность, по мысли автора, входит в предмет изучения психологии, но лишь тем особым своим содержанием, которое выступает в форме ощущения, восприятия, мышления и вообще в форме внутренних психических процессов и состояний субъекта. Но это утверждение является по меньшей мере односторонним, так как оно абстрагируется от того капитального факта, что деятельность – в той или иной ее форме – входит в самый процесс психического отражения, в само содержание этого процесса, его порождение.

Рассмотрим самый простой случай: процесс восприятия упругости предмета. Это процесс внешне-двигательный, с помощью которого субъект вступает в практический контакт, в практическую связь с внешним предметом и который может быть направлен на осуществление даже не познавательной, а непосредственно практической задачи, например, на его деформацию. Возникающий при этом субъективный образ – это, конечно, психическое и, соответственно, бесспорный предмет психологического изучения. Однако для того, чтобы понять природу данного образа, я должен изучить процесс, его порождающий, а он в рассматриваемом случае является процессом внешним, практическим. Хочу я этого или не хочу, соответствует или не соответствует это моим теоретическим взглядам, я все же вынужден включить в предмет моего психологического исследования внешнее предметное действие субъекта.

Значит, неправомерно считать, что внешняя предметная деятельность хотя и выступает перед психологическим исследованием, но лишь как то, во что включены внутренние психические процессы, и что собственно психологическое исследование движется, не переходя в плоскость изучения самой внешней деятельности, ее строения.

С этим можно согласиться только в том случае, если допустить одностороннюю зависимость внешней деятельности от управляющего ею психического образа, представления цели или ее мысленной схемы. Но это не так. Деятельность необходимо вступает в практические контакты с сопротивляющимися человеку предметами, которые отклоняют, изменяют и обогащают ее. Иными словами, именно во внешней деятельности происходит размыкание круга внутренних психических процессов как бы навстречу объективному предметному миру, властно врывающемуся в этот круг.

Итак, деятельность входит в предмет психологии, но не особой своей "частью" или "элементом", а в своей особой функции. Это функция полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности.

Вернемся, однако, к описанному случаю порождения психического отражения элементарного свойства вещественного предмета в условиях практического контакта с ним. Случай этот был приведен в качестве только поясняющего, грубо упрощенного примера. Он имеет, однако, и реальный генетический смысл. Едва ли нужно сейчас доказывать, что на первоначальных этапах своего развития деятельность необходимо имеет форму внешних процессов и что, соответственно, психический образ является продуктом этих процессов, практически связывающих субъект с предметной действительностью. Очевидно, что на ранних генетических этапах научное объяснение природы и особенностей психического отражения невозможно иначе, как на основе изучения этих внешних процессов. При этом последнее

означает не подмену исследования психики исследованием поведения, а лишь демистификацию природы психики. Ведь иначе нам не остается ничего другого, как признать существование таинственной "психической способности", которая состоит в том, что под влиянием внешних толчков, падающих на рецепторы субъекта, в его мозге – в порядке параллельного физиологическим процессам явления – вспыхивает некий внутренний свет, озаряющий человеку мир, что происходит как бы излучение образов, которые затем локализуются, "объективируются" субъектом в окружающем пространстве.

Само собой разумеется, что реальность, с которой имеет дело психолог, является несопоставимо более сложной и богатой, чем ее рисует приведенная грубая схема возникновения образа в результате практического контакта с предметом. Однако как бы далеко ни отходила психологическая реальность от этой грубой схемы, какими бы глубокими ни были метаморфозы деятельности, она при всех условиях остается осуществляющей жизнь телесного субъекта, которая по самому существу своему является процессом чувственно-практическим.

Усложнение деятельности и, соответственно, усложнение ее психической регуляции ставит чрезвычайно широкий круг научно-психологических проблем, из числа которых следует прежде всего выделить вопрос о формах человеческой деятельности, об их взаимосвязи.

4. СООТНОШЕНИЕ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Старая психология имело дело только с внутренними процессами – с движением представлений, их ассоциацией в сознании, с их генерализацией и движением их субститутов – слов. Эти процессы, как и непознавательные внутренние переживания, считались единственно составляющими предмет изучения психологии.

Начало переориентации прежней психологии было положено постановкой проблемы о происхождении внутренних психических процессов. Решающий шаг в том отношении был сделан И.М.Сеченовым, который еще сто лет тому назад указывал, что психология незаконно вырывает из целостного процесса, звенья которого связаны самой природой, его середину – "психическое", противопоставляя его "материальному". Так как психология родилась из этой, по выражению Сеченова, противоестественной операции, то потом уже "никакие уловки не могли склеить эти разорванные его звенья". Такой подход к делу, писал далее Сеченов, должен измениться. "Научная психология по своему содержанию не может быть ничем иным, как рядом учений о происхождении психических деятельности". ^[66]

Дело историка – проследить этапы развития этой мысли. Замечу только, что начавшееся тщательное изучение филогенеза и онтогенеза мышления фактически раздвинуло границы психологического исследования. В психологию вошли такие парадоксальные с субъективно- эмпирической точки зрения понятия, как понятие о практическом интеллекте или ручном мышлении.

Положение о том, что внутренним умственным действиям генетически предшествуют внешние, стало едва ли не общепризнанным. С другой стороны, т.е. двигаясь от изучения поведения, была выдвинута гипотеза о прямом, механически понимаемом переходе внешних процессов в скрытые, внутренние; вспомним, например, схему Уотсона: речевое поведение → шепот → полностью беззвучная речь. ^[67]

Однако главную роль в развитии конкретно-психологических взглядов на происхождение внутренних мыслительных операций сыграло введение в психологию понятия об интериоризации.

Интериоризацией называют, как известно, переход, в результате которого внешние по своей форме процессы с внешними же, вещественными предметами преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в плане сознания; при этом они подвергаются специфической трансформации – обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию, которое переходит границы возможностей внешней деятельности. Это, если воспользоваться краткой формулировкой Ж.Пиаже, – переход, "ведущий от сенсомоторного плана к мысли". ^[68]

Процесс интериоризации детально изучен сейчас в контексте многих проблем – онтогенетических, психолого-педагогических и общепсихологических. При этом обнаруживаются серьезные различия как в теоретических основаниях исследования этого процесса, так и в теоретической его интерпретации. Для Ж.Пиаже важнейшее основание исследований происхождения внутренних мыслительных операций из сенсомоторных актов состоит, по-видимому, в невозможности вывести операторные схемы мышления непосредственно из восприятия. Такие операции, как объединение, упорядочение, центрация, первоначально возникают в ходе выполнения внешних действий с внешними объектами, а затем продолжают развиваться в плане внутренней мыслительной деятельности по ее собственным логико-генетическим законам. ^[69] Иные исходные позиции определили взгляды на переход от действия к мысли П.Жане, А.Валлона, Д.Брунера.

В советской психологии понятие об интериоризации ("вращивании") обычно связывают с именем Л.С.Выготского и его последователей, которым принадлежат важные исследования этого процесса. Последние годы последовательные этапы и условия целенаправленного, "не стихийного" преобразования внешних (материализованных) действий в действия внутренние (умственные) особенно детально изучаются П.Я.Гальпериним. ^[70]

Исходные идеи, которые привели Выготского к проблеме происхождения внутренней психической деятельности из внешней, принципиально отличаются от теоретических концепций других современных ему авторов. Идеи эти родились из анализа особенностей специфически человеческой деятельности – деятельности трудовой, продуктивной, осуществляющейся с помощью орудий, деятельности, которая является изначально общественной, т.е. которая развивается только в условиях кооперации и общения людей. Соответственно Выготский выделял два главных взаимосвязанных момента, которые должны быть положены в основание психологической науки. Это орудийная ("инструментальная") структура деятельности человека и ее включенность в систему взаимоотношений с другими людьми. Они-то и определяют собой особенности психологических процессов у человека. Орудие опосредствует

деятельность, связывающую человека не только с миром вещей, но и с другими людьми. Благодаря этому его деятельность впитывает в себя опыт человечества. Отсюда и проистекает, что психические процессы человека (его "высшие психологические функции") приобретают структуру, имеющую в качестве своего обязательного звена общественно-исторически сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми в процессе сотрудничества, в общении с ними. Но передать средство, способ выполнения того или иного процесса невозможно иначе, как во внешней форме – в форме действия или в форме внешней речи. Другими словами, высшие специфические человеческие психологические процессы могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, т.е. как интерпсихологические, а лишь затем начинают выполняться индивидом самостоятельно; при этом некоторые из них утрачивают далее свою исходную внешнюю форму, превращаясь в процессы интрапсихологические. ^[71]

К положению о том, что внутренние психические деятельности происходят из практической деятельности, исторически сложившейся в результате образования человеческого, основанного на труде общества, и что у отдельных индивидов каждого нового поколения они формируются в ходе онтогенетического развития, присоединялось еще одно очень важное положение. Оно состоит в том, что одновременно происходит изменение самой формы психического отражения реальности: возникает сознание – рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя. Но что такое сознание? Сознание есть со-знание, но лишь в том смысле, что индивидуальное сознание может существовать только при наличии общественного сознания и языка, являющегося его реальным субстратом. В процессе материального производства люди производят также язык, который служит не только средством общения, но и носителем фиксированных в нем общественно-выработанных значений.

Прежняя психология рассматривала сознание как некую метапсихологическую плоскость движения психических процессов.

Но сознание не дано изначально и не порождается природой: сознание порождается обществом, оно производится. Поэтому сознание – не постулат и не условие психологии, а ее проблема – предмет конкретно – научного психологического исследования.

Таким образом, процесс интериоризации состоит не в том, что внешняя деятельность перемещается в предсуществующий внутренний "план сознания"; это – процесс, в котором этот внутренний план формируется.

Как известно, вслед за первым циклом работ, посвященных изучению роли внешних средств и их "вращивания", Л.С.Выготский обратился к исследованию сознания, его "клеточек" – словесных значений, их формирования и строения. Хотя в этих исследованиях значение выступило со стороны своего, так сказать, обратного движения и поэтому как то, что лежит за жизнью и управляет деятельностью, – для Выготского оставался незыблемым противоположный тезис: не значение, не сознание лежит за жизнью, а за сознанием лежит жизнь.

Исследование формирования умственных процессов и значений (понятий) как бы вырезает из общего движения деятельности лишь один, хотя и очень важный его участок: усвоение индивидом способов мышления, выработанных

человечеством. Но этим не покрывается даже только познавательная деятельность – ни ее формирование, ни ее функционирование. Психологически мышление (и индивидуальное сознание в целом) шире, чем те логические операции и те значения, в структурах которых они свернуты. Значения сами по себе не порождают мысль, а опосредствуют ее – так же, как орудие не порождает действия, а опосредует его.

На позднейшем этапе своего исследования Л.С.Выготский много раз и в разных формах высказывал это капитально важное положение. Последний оставшийся "утаенным" план речевого мышления он видел в его мотивации, в аффективно – волевой сфере. Детерминистическое рассмотрение психической жизни, писал он, исключает "приписывание мышлению магической силы определять поведения человека одной собственной системой".^[72] Вытекающая отсюда положительная программа требовала, сохранив открывшуюся активную функцию значения, мысли, еще раз обернуть проблему. А для этого нужно было возвратиться к категории предметной деятельности, распространив ее и на внутренние процессы – процессы сознания.

Именно в итоге движения теоретической мысли по этому пути открывается принципиальная общность внешней и внутренней деятельности как опосредствующих взаимосвязи человека с миром, в которых осуществляется его реальная жизнь.

Соответственно этому главное различие, лежавшее в основе классической картезианско-локковской психологии, – различие, с одной стороны, внешнего мира, мира протяжения, к которому относится и внешняя, телесная деятельность, а с другой – мира внутренних явлений и процессов сознания, – должно уступить свое место другому различению; с одной стороны – предметной реальности и ее идеализированных, превращенных форм (*verwandelte Formen*), с другой стороны – деятельности субъекта, включающей в себя как внешние, так и внутренние процессы. А это означает, что рассечение деятельности на две части или стороны, якобы принадлежащие к двум совершенно разным сферам, устраняется. Вместе с тем это ставит новую проблему – проблему исследования конкретного соотношения и связи между различными формами деятельности человека.

Эта проблема стояла и в прошлом. Однако только в наше время она приобрела вполне конкретный смысл. Сейчас на наших глазах происходит все более тесное переплетение и сближение внешней и внутренней деятельности: физический труд, осуществляющий практическое преобразование вещественных предметов, все более "интеллектуализируется", включает в себя выполнение сложнейших умственных действий; в то же время труд современного исследователя – деятельность специально познавательная, умственная *par excellence* – все более наполняется процессами, которые по форме своей являются внешними действиями. Такое единение разных по своей форме процессов деятельности уже не может быть интерпретировано как результат только тех переходов, которые описываются термином интериоризации внешней деятельности. Оно необходимо предполагает существование постоянно происходящих переходов также и в противоположном направлении, от внутренней к внешней деятельности.

В общественных условиях, обеспечивающих всестороннее развитие людей, умственная деятельность не обособляется от практической деятельности. Их

мышление становится воспроизводящимся по мере надобности моментом в целостной жизни индивидов. ^[73]

Несколько забегаю вперед, скажем сразу, что взаимопереходы, о которых идет речь, образуют важнейшее движение предметной человеческой деятельности в ее историческом и онтогенетическом развитии. Переходы эти возможны потому, что внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое общее строение.

Открытие общности их строения представляется мне одним из важнейших открытий современной психологической науки.

Итак, внутренняя по своей форме деятельность, происходя из внешней практической деятельности, не отделяется от нее и не становится над ней, а сохраняет принципиальную и притом двустороннюю связь с ней.

5. ОБЩЕЕ СТРОЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Общность макроструктуры внешней, практической деятельности и деятельности внутренней, теоретической позволяет вести ее анализ, первоначально отвлекаясь от формы, в которой они протекают.

Идея анализа деятельности как метод научной психологии человека была заложена как я уже говорил, еще в ранних работах Л.С.Выготского. Были введены понятия орудия, орудийных ("инструментальных") операций, понятие цели, а позже – и понятие мотива ("мотивационной сферы сознания"). Прошли, однако, годы, прежде чем удалось описать в первом приближении общую структуру человеческой деятельности и индивидуального сознания. ^[74] Это первое описание сейчас, спустя четверть века, представляется во многом неудовлетворительным, чрезмерно абстрактным. Но именно благодаря его абстрактности оно может быть взято в качестве исходного, отправного для дальнейшего исследования.

До сих пор речь шла о деятельности в общем, собирательном значении этого понятия. Реально же мы всегда имеем дело с особенными деятельностями, каждая из которых отвечает определенной потребности субъекта, стремится к предмету этой потребности, угасает в результате ее удовлетворения и воспроизводится вновь – может быть, уже в совсем иных, изменившихся условиях.

Отдельные конкретные виды деятельности можно различать между собой по какому угодно признаку: по их форме, по способам их осуществления, по их эмоциональной напряженности, по их временной и пространственной характеристике, по их физиологическим механизмам и т.д. Однако главное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предметов. Ведь именно предмет деятельности и придает ей определенную направленность. По предложенной мной терминологии предмет деятельности есть ее действительный мотив. ^[75] Разумеется, он может быть как вещественным, так и идеальным, как данным в восприятии, так и существующим только в воображении, в мысли. Главное, что за этим всегда стоит потребность, что он всегда отвечает той или иной потребности.

Итак, понятие деятельности необходимо связано с понятием мотива. Деятельности без мотива не бывает; "немотивированная" деятельность – это деятельность не лишенная мотива, а деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом.

Основными "составляющими" отдельных человеческих деятельностей являются осуществляющие их действия. Действием мы называем процесс, подчиненный сознательной цели. Подобно тому, как понятие мотива соотносится с понятием деятельности, понятие цели соотносится с понятием действия.

Возникновение в деятельности целенаправленных процессов – действий исторически явилось следствием перехода к жизни человека в обществе. Деятельность участников совместного труда побуждается его продуктом, который первоначально непосредственно отвечает потребности каждого из них. Однако развитие даже простейшего технического разделения труда необходимо приводит к выделению как бы промежуточных, частичных результатов, которые достигаются отдельными участниками коллективной трудовой деятельности, но которые сами по себе не способны удовлетворять их потребности. Их потребность удовлетворяется не этими "промежуточными" результатами, а долей продукта их совокупной деятельности, получаемой каждым из них в силу связывающих из друг с другом отношений, возникших в процессе труда, т.е. отношений общественных.

Легко понять, что тот "промежуточный" результат, которому подчиняются трудовые процессы человека, должен быть выделен для него также и субъективно – в форме представления. Это и есть выделение цели, которая, по выражению Маркса, "как закон определяет способ и характер его действий..." [76]

Выделение целей и формирование подчиненных им действий приводит к тому, что происходит как бы расщепление прежде слитых между собой в мотиве функций. Функция побуждения, конечно, полностью сохраняется за мотивом. Другое дело – функция направления: действия, осуществляющие деятельность, побуждаются ее мотивом, но являются направленными на цель. Допустим, что деятельность человека побуждается пищей; в этом и состоит ее мотив. Однако для удовлетворения потребности в пище он должен выполнять действия, которые непосредственно на овладение пищей не направлены. Например, цель данного человека – изготовление орудия лова; применит ли он в дальнейшем изготовленное им орудие сам или передаст его другим и получит часть общей добычи – в обоих случаях то, что побуждало его деятельность, и то, на что были направлены его действия, не совпадают между собой; их совпадение представляет собой специальный, частный случай, результат особого процесса, о котором будет сказано ниже.

Выделение целенаправленных действий в качестве составляющих содержание конкретных деятельностей естественно ставит вопрос о связывающих их внутренних отношениях. Как уже говорилось, деятельность не является аддитивным процессом. Соответственно действия – это не особые "отдельности", которые включаются в состав деятельности. Человеческая деятельность не существует иначе, как в форме действия или цепи действий. Например, трудовая деятельность существует в трудовых действиях, учебная деятельность – в учебных действиях, деятельность общения – в действиях

(актах) общения и т.д. Если из деятельности мысленно вычесть осуществляющие ее действия, то от деятельности вообще ничего не останется. Это же можно выразить иначе: когда перед нами развертывается конкретный процесс – внешний или внутренний, – то со стороны его отношения к мотиву он выступает в качестве деятельности человека, а как подчиненный цели – в качестве действия или совокупности, цепи действий.

Вместе с тем деятельность и действие представляют собой подлинные и притом не совпадающие между собой реальности. Одно и то же действие может осуществлять разные деятельности, может переходить из одной деятельности в другую, обнаруживая таким образом свою относительную самостоятельность. Обратимся снова к грубой иллюстрации: допустим, что у меня возникает цель – прибыть в пункт N, и я это делаю. Понятно, что данное действие может иметь совершенно разные мотивы, т.е. реализовать совершенно разные деятельности. Очевидно и обратное, а именно, что один и тот же мотив может конкретизоваться в разных целях и соответственно породить разные действия.

В связи с выделением понятия действия как важнейшей "образующей" человеческой деятельности (ее момента) нужно принять во внимание, что сколько-нибудь развернутая деятельность предполагает достижение ряда конкретных целей, из числа которых некоторые связаны между собой жесткой последовательностью. Иначе говоря, деятельность обычно осуществляется некоторой совокупностью действий, подчиняющихся частным целям, которые могут выделяться из общей цели; при этом случай, характерный для более высоких ступеней развития, состоит в том, что роль общей цели выполняет осознанный мотив, превращающийся благодаря его осознанности в мотив – цель.

Одним из возникающих здесь вопросов является вопрос о целеобразовании. Это очень большая психологическая проблема. Дело в том, что от мотива деятельности зависит только зона объективно адекватных целей. Субъективное же выделение цели (т.е. осознание ближайшего результата, достижение которого осуществляет данную деятельность, способную удовлетворить потребность, опредмеченную в ее мотиве) представляет собой особый, почти не изученный процесс. В лабораторных условиях или в педагогическом эксперименте мы обычно ставим перед испытуемым, так сказать, "готовую" цель; поэтому самый процесс целеобразования обычно ускользает от исследователя. Пожалуй, только в опытах, сходных по своему методу с известными опытами Ф.Хоппе, этот процесс обнаруживается хотя и односторонне, но достаточно отчетливо – по крайней мере, со своей количественно-динамической стороны. Другое дело – в реальной жизни, где целеобразование выступает в качестве важнейшего момента движения той или иной деятельности субъекта. Сравним в этом отношении развитие научной деятельности, например, Дарвина и Пастера. Сравнение это поучительно не только с точки зрения существования огромных различий в том, как происходит субъективно выделение целей, но и с точки зрения психологической содержательности процесса их выделения.

Прежде всего в обоих случаях очень ясно видно, что цели не изобретаются, не ставятся субъектом произвольно. Они даны в объективных обстоятельствах. Вместе с тем выделение и осознание целей представляет собой отнюдь не автоматически происходящий и не одномоментный акт, а относительно

длительный процесс апробирования целей действием и их, если можно так выразиться, предметного наполнения. Индивид, справедливо замечает Гегель, "не может определить цель своего действия, пока он не действовал..." [77]

Другая важная сторона процесса целеобразования состоит в конкретизации цели, в выделении условий ее достижения. Но на этом следует остановиться особо. Всякая цель – даже такая, как "достичь пункта N" – объективно существует в некоторой предметной ситуации. Конечно, для сознания субъекта цель может выступить в абстракции от этой ситуации, но его действие не может абстрагироваться от нее. Поэтому помимо своего интенционального аспекта (что должно быть достигнуто) действие имеет и свой операционный аспект (как, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения. Иными словами, осуществляющееся действие отвечает задаче; задача – это и есть цель, данная в определенных условиях. Поэтому действие имеет особое качество, особую его "образующую", а именно способы, какими оно осуществляется. Способы осуществления действия я называю операциями.

Термины "действие" и "операция" часто не различаются. Однако в контексте психологического анализа деятельности их четкое различение совершенно необходимо. Действия, как уже было сказано, соотносительны целям, операции – условиям. Допустим, что цель остается той же самой, условия же, в которых она дана, изменяются; тогда меняется именно и только операционный состав действия.

В особенно наглядной форме несовпадение действий и операций выступает в орудийных действиях. Ведь орудие есть материальный предмет, в котором кристаллизованы именно способы, операции, а не действия, не цели. Например, можно физически расчленить вещественный предмет при помощи разных орудий, каждое из которых определяет способ выполнения данного действия. В одних условиях более адекватным будет, скажем, операция резания, а в других – операция пиления; при этом предполагается, что человек умеет владеть соответствующими орудиями – ножом, пилой и т.п. Так же обстоит дело и в более сложных случаях. Допустим, что перед человеком возникла цель графически изобразить какие-то найденные им зависимости. Чтобы сделать это, он должен применить тот или иной способ построения графиков – осуществить определенные операции, а для этого он должен уметь их выполнять. При этом безразлично, как, в каких условиях и на каком материале он научился этим операциям; важно другое, а именно, что формирование операций происходит совершенно иначе, чем целеобразование, т.е. порождение действий.

Действия и операции имеют разное происхождение, разную динамику и разную судьбу. Генезис действия лежит в отношениях обмена деятельностью; всякая же операция есть результат преобразования действия, происходящего в результате его включения в другое действие и наступающей его "технизации". Простейшей иллюстрацией этого процесса может служить формирование операций, выполнения которых требует, например, управление автомобилем. Первоначально каждая операция – например, переключение передач – формируется как действие, подчиненное именно этой цели и имеющее свою сознательную "ориентировочную основу" (П.Я.Гальперин). В дальнейшем это действие включается в другое действие, имеющее сложный операционный состав, – например, в действие изменения режима движения автомобиля.

Теперь переключение передач становится одним из способов его выполнения – операцией, его реализующей, и оно уже перестает осуществляться в качестве особого целенаправленного процесса: его цель не выделяется. Для сознания водителя переключение передач в нормальных случаях как бы вовсе не существует. Он делает другое: трогает автомобиль с места, берет крутые подъемы, ведет автомобиль накатом, останавливает его в заданном месте и т.п. В самом деле: эта операция может, как известно, вовсе выпасть из деятельности водителя и выполняться автоматом. Вообще судьба операций – рано или поздно становиться функцией машины. ^[78]

Тем не менее операция все же не составляет по отношению к действию никакой "отдельности", как и действие по отношению к деятельности. Даже в том случае, когда операция выполняется машиной, она все же реализует действия субъекта. У человека, который решает задачу, пользуясь счетным устройством, действие не прерывается на этом экстрацеребральном звене; как и в других своих звеньях, оно находит в нем свою реализацию. Выполнять операции, которые не осуществляют никакого целенаправленного действия субъекта, может только "сумасшедшая", вышедшая из подчинения человеку машина.

Итак, в общем потоке деятельности, который образует человеческую жизнь в ее высших, опосредствованных психическим отражением проявлениях, анализ выделяет, во-первых, отдельные (особенные) деятельности – по критерию побуждающих их мотивов. Далее выделяются действия – процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Наконец, это операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели.

Эти "единицы" человеческой деятельности и образуют ее макроструктуру. Особенность анализа, который приводит к их выделению, состоит в том, что он пользуется не расчленением живой деятельности на элементы, а раскрывает характеризующие ее внутренние отношения. Это – отношения, за которыми скрываются преобразования, возникающие в ходе развития деятельности, в ее движении. Сами предметы способны приобретать качества побуждений, целей, орудий только в системе человеческой деятельности; изъятые из связей этой системы, они утрачивают свое существование как побуждения, как цели, как орудия. Орудие, например, рассматриваемое вне связи с целью, становится такой же абстракцией, как операция, рассматриваемая вне связи с действием, которое она осуществляет.

Исследование деятельности требует анализа именно ее внутренних системных связей. Иначе мы оказываемся не в состоянии ответить даже на самые простые вопросы – скажем, о том, имеем ли мы в данном случае действие или операцию. К тому же, деятельность представляет собой процесс, который характеризуется постоянно происходящими трансформациями. Деятельность может утратить мотив, вызвавший ее к жизни, и тогда она превратится в действие, реализующее, может быть, совсем другое отношение к миру, другую деятельность; наоборот, действие может трансформироваться в способ достижения цели, в операцию, способную реализовать различные действия.

Подвижность отдельных "образующих" системы деятельности выражается, с другой стороны, в том, что каждая из них может включать в себя единицы, прежде относительно самостоятельные. Так, в ходе достижения выделявшейся общей цели может происходить выделение промежуточных целей, в результате

чего целостное действие дробится в ряд отдельных последовательных действий; это особенно характерно для случаев, когда действие протекает в условиях, затрудняющих его выполнение с помощью уже сформировавшихся операций. Противоположный процесс состоит в укрупнении выделяемых единиц деятельности. Это случай, когда объективно достигаемые промежуточные результаты сливаются между собой и перестают сознаваться субъектом.

Соответственно происходит дробление или, наоборот, укрупнение также и "единиц" психических образов: переписываемый неопытной рукой ребенка текст членится в его восприятии на отдельные буквы и даже на их графические элементы; позже в этом процессе единицами восприятия становятся для него целые слова или даже предложения.

Перед невооруженным глазом процесс дробления или укрупнения единиц деятельности и психического отражения – как при внешнем наблюдении, так и интроспективно – сколько-нибудь отчетливо не выступает. Исследовать этот процесс можно, только пользуясь специальным анализом и объективными индикаторами. К числу таких индикаторов принадлежит, например, так называемый оптокинетический нистагм, изменения циклов которого, как показали исследования, позволяют при выполнении графических действий установить объем входящих в их состав двигательных "единиц". Например, написание слов на иностранном языке расчленяется на гораздо более дробные единицы, чем написание привычных слов родного языка. Можно считать, что такое членение, отчетливо выступающее на окулограммах, соответствует расщеплению действия на входящие в его состав операции, по-видимому, наиболее простые, первичные. ^[79]

Выделение в деятельности образующих ее "единиц" имеет первостепенное значение для решения ряда капитальных проблем. Одна из них – уже затронутая мной проблема единения внешних и внутренних по своей форме процессов деятельности. Принцип или закон этого единения состоит в том, что оно всегда происходит точно следуя "швам" описанной структуры.

Имеются отдельные деятельности, все звенья которых являются существенно – внутренними; такой может быть, например, познавательная деятельность. Более частый случай состоит в том, что внутренняя деятельность, отвечающая познавательному мотиву, реализуется существенно – внешними по своей форме процессами; это могут быть либо внешние действия, либо внешне-двигательные операции, но никогда не отдельные их элементы. То же относится и к внешней деятельности: некоторые из осуществляющих внешнюю деятельность действий и операций могут иметь форму внутренних, умственных процессов, но опять-таки именно и только либо как действия, либо как операции – в их целостности, неделимости. Основание такого, прежде всего фактического, положения вещей лежит в самой природе процессов интериоризации и экстериоризации: ведь никакое преобразование отдельных "осколков" деятельности вообще невозможно. Это означало бы собой не трансформацию деятельности, а ее деструкцию.

Выделение в деятельности действий и операций не исчерпывает ее анализа. За деятельностью и регулирующими ее психическими образами открывается грандиозная физиологическая работа мозга. Само по себе положение это не нуждается в доказательстве. Проблема состоит в другом – в том, чтобы найти те действительные отношения, которые связывают между собой деятельность

субъекта, опосредствованную психическим отражением, и физиологические мозговые процессы.

Соотношения психического и физиологического рассматривается во множестве психологических работ. В связи с учением о высшей нервной деятельности оно наиболее подробно теоретически освещено С.Л.Рубинштейном, который развивал мысль, что физиологическое и психическое – это одна и та же, а именно рефлекторная отражательная деятельность, но рассматриваемая в разных отношениях, и что ее психологическое исследование является логическим продолжением ее физиологического исследования. ^[80] Рассмотрение этих положений, как и положений, выдвинутых другими авторами, выводит нас, однако, из намеченной плоскости анализа. Поэтому, воспроизводя некоторые из высказывавшихся ими положений, я ограничусь здесь только вопросом о месте физиологических функций в структуре предметной деятельности человека.

Напомню, что прежняя, субъективно-эмпирическая психология ограничивалась утверждением параллелизма психических и физиологических явлений. На этой основе и возникла та странная теория "психических теней", которая – в любом из ее вариантов, – по сути, означала собой отказ от решения проблемы. С известными оговорками это относится и к последующим теоретическим попыткам описать связь психологического и физиологического, основываясь на идее их морфности и интерпретации психических и физиологических структур посредством логических моделей. ^[81]

Другая альтернатива заключается в том, чтобы отказаться от прямого сопоставления психического и физиологического и продолжить анализ деятельности, распространив его на физиологические уровни. Для этого, однако, необходимо преодолеть обыденное противопоставление психологии и физиологии как изучающих разные "вещи".

Хотя мозговые функции и механизмы составляют бесспорный предмет физиологии, но из этого вовсе не следует, что эти функции и механизмы остаются вовсе вне психологического исследования, что "кесарево должно быть отдано кесарю".

Эта удобная формула, спасая от физиологического редукционизма, вместе с тем вводит в пущий грех – в грех обособления психического от работы мозга. Действительные отношения, связывающие между собой психологию и физиологию, похожи скорее на отношения физиологии и биохимии: прогресс физиологии необходимо ведет к углублению физиологического анализа до уровня биохимических процессов; с другой стороны, только развитие физиологии (шире – биологии) порождает ту особую проблематику, которая составляет специфическую область биохимии.

Продолжая эту – совершенно условную, разумеется, – аналогию, можно сказать, что и психофизиологическая (высшая физиологическая) проблематика порождается развитием психологических знаний; что даже такое фундаментальное для физиологии понятие, как понятие условного рефлекса, родилось в "психических", как их первоначально назвал И.П. Павлов, опытах. Впоследствии, как известно, И.П.Павлов высказывался в том смысле, что психология на своем этапном приближении уясняет "общие конструкции психических образований, физиология же на своем этапе стремится продвинуть

задачу дальше – понять их как особое взаимодействие физиологических явлений". [82] Таким образом, исследование движется не от физиологии к психологии, а от психологии к физиологии. "Прежде всего, – писал Павлов, – важно понять психологически, а потом уже переводить на физиологический язык". [83]

Важнейшее обстоятельство заключается в том, что переход от анализа деятельности к анализу ее психофизиологических механизмов отвечает реальным переходам между ними. Сейчас мы уже не можем подходить к мозговому (психофизиологическим) механизмам иначе, как к продукту развития самой предметной деятельности. Нужно, однако, иметь в виду, что механизмы эти формируются в филогенезе и в условиях онтогенетического (особенно – функционального) развития по-разному и, соответственно, выступают не одинаковым образом.

Филогенетически сложившиеся механизмы составляют готовые предпосылки деятельности и психического отражения. Например, процессы зрительного восприятия как бы записаны в особенностях устройства зрительной системы человека, но только в виртуальной форме – как их возможность. Однако последнее не освобождает психологическое исследование восприятия от проникновения в эти особенности. Дело в том, что мы вообще ничего не можем сказать о восприятии, не апеллируя к этим особенностям. Другой вопрос, делаем ли мы эти морфофизиологические особенности самостоятельным предметом изучения или исследуем их функционирование в структуре действий и операций. Различие в этих подходах тотчас же обнаруживается, как только мы сравниваем данные исследования, скажем, длительности зрительных послеобразов и данные исследования постэкспозиционной интеграции сенсорных зрительных элементов при решении разных перцептивных задач.

Несколько иначе обстоит дело, когда формирование мозговых механизмов происходит в условиях функционального развития. В этих условиях данные механизмы выступают в виде складывающихся, так сказать, на наших глазах новых "подвижных физиологических органов" (А.А. Ухтомский), новых "функциональных систем" (П.К.Анохин).

У человека формирование специфических для него функциональных систем происходит в результате овладения им орудиями (средствами) и операциями. Эти системы представляют собой не что иное, как отложившиеся, овековеченные в мозге внешне-двигательные и умственные – например, логические – операции. Но это не простая их "калька", а скорее их физиологическое иносказание. Для того чтобы это иносказание было прочитано, нужно пользоваться уже другим языком, другими единицами. Такими единицами являются мозговые функции, их ансамбли – функционально-физиологические системы.

Включение в исследование деятельности уровня мозговых (психофизиологических) функций позволяет охватить очень важные реальности, с изучения которых, собственно, и началось развитие экспериментальной психологии. Правда, первые работы, посвященные, как тогда говорили, "психическим функциям" – сенсорной, мнемической, избирательной, тоническое, – оказались, несмотря на значительность сделанного ими конкретного вклада, теоретически бесперспективными. Но это

произошло именно потому, что функции эти исследовались в отвлечении от реализуемой ими предметной деятельности субъекта, т.е. как проявления неких способностей – способностей души или мозга. Суть дела в том, что в обоих случаях они рассматривались не как порождаемые деятельностью, а как порождающие ее.

Впрочем, уже очень скоро был выявлен факт изменчивости конкретного выражения психофизиологических функций в зависимости от содержания деятельности субъекта. Научная задача, однако, заключается не в том, чтобы констатировать эту зависимость (она давно констатирована в бесчисленных работах психологов и физиологов), а в том, чтобы исследовать те преобразования деятельности, которые ведут к перестройке ансамблей мозговых психофизиологических функций.

Значение психофизиологических исследований состоит в том, что они позволяют выявить те условия и последовательности формирования процессов деятельности, которые требуют для своего осуществления перестройки или образования новых ансамблей психофизиологических функций, новых функциональных мозговых систем. Простейший пример здесь – формирование и закрепление операций. Конечно, порождение той или иной операции определяется наличными условиями, средствами и способами действия, которые складываются или усваиваются извне; однако спаивание между собой элементарных звеньев, образующих состав операций, их "сжатие" и их передача на нижележащие неврологические уровни происходит подчиняясь физиологическим законам, не считаться с которыми психология, конечно, не может. Даже при обучении, например, внешнедвигательным или умственным навыкам мы всегда интуитивно опираемся на эмпирически сложившиеся представления о мнемических функциях мозга ("повторение – мать учения") и нам только кажется, что нормальный мозг психологически безмолвен.

Другое дело, когда исследование требует точной квалификации изучаемых процессов деятельности, особенно деятельности, протекающей в условиях дефицита времени, повышенных требований к точности, избирательности и т.п. В этом случае психологическое исследование деятельности неизбежно включает в себя в качестве специальной задачи ее анализ на психофизиологическом уровне.

Наиболее, пожалуй, остро задача разложения деятельности на ее элементы, определения их временных характеристик и пропускной способности отдельных рецепирующих и "выходных" аппаратов встала в инженерной психологии. Было введено понятие об элементарных операциях, но в совершенно другом, не психологическом, а логико-техническом, так сказать, смысле, что диктовалось потребностью распространить метод анализа машинных процессов на процессы человека, участвующего в работе машины. Однако такого рода дробление деятельности в целях ее формального описания и применения теоретико-информационных мер столкнулись с тем, что в результате их поля зрения исследования полностью выпадали главные образующие деятельности, главные ее определяющие, и деятельность, так сказать, расчеловечивалась. Вместе с тем нельзя было отказаться от такого изучения деятельности, которое выходило бы за пределы анализа ее общей структуры. Так возникла своеобразная контраверза: с одной стороны, то обстоятельство, что основанием для выделения "единиц" деятельности служит

различие связей их с миром, в общественные отношения к которому вступает индивид, с тем, что побуждает деятельность, с ее целями и предметными условиями, – ставит предел дальнейшему их членению в границах данной системы анализа; с другой стороны, настойчиво выступила задача изучения интрацеребральных процессов, что требовало дальнейшего дробления этих единиц.

В этой связи в последние годы была выдвинута идея "микроструктурного" анализа деятельности, задача которого состоит в том, чтобы объединить генетический (психологический) и количественный (информационный) подходы к деятельности. ^[84] Потребовалось ввести понятия о "функциональных блоках", о прямых и обратных связях между ними, образующих структуру процессов, которые физиологически реализуют деятельность. При этом предполагается, что эта структура в целом соответствует макроструктуре деятельности и что выделение отдельных "функциональных блоков" позволит углубить анализ, продолжая его в более дробных единицах. Здесь, однако, перед нами встает сложная теоретическая задача: понять те отношения, которые связывают между собой интрацеребральные структуры и структуры реализуемой ими деятельности. Дальнейшее развитие микроанализа деятельности необходимо выдвигает эту задачу. Ведь уже сама процедура исследования, например, обратных связей возбужденных элементов сетчатки глаза и мозговых структур, ответственных за построение первичных зрительных образов, опирается на регистрацию явлений, возникающих только благодаря последующей переработке этих первичных образов в таких гипотетических "семантических блоках", функция которых определяется системой отношений, по самой природе своей являющихся экстрацеребральными и, значит, не физиологическими.

По характеру своих опосредствований переходы, о которых идет речь, сопоставимы с переходами, связывающими технику производства и само производство. Конечно, производство реализуется с помощью орудий и машин, и в этом смысле производство является следствием их функционирования; однако орудия и машины порождаются самим производством, которое является категорией уже не технической, а общественно-экономической.

Я позволил себе привести это сопоставление, имея единственно в виду выделить ту мысль, что анализ деятельности на психофизиологическом уровне хотя и открывает возможность адекватного использования тонких индикаторов, языка кибернетики и теоретико-информационных мер, но вместе с тем неизбежно абстрагируется от ее детерминации как системы, порождаемой жизненными отношениями. Проще говоря, предметная деятельность, как и психические образы, не производится мозгом, а является его функцией, которая заключается в их осуществлении посредством органов телесного субъекта.

Анализ структуры интрацеребральных процессов, их блоков или констелляций представляет собой, как уже было сказано, дальнейшее расчленение деятельности, ее моментов. Такое расчленение не только возможно, но часто и необходимо. Нужно только ясно отдавать себе отчет в том, что оно переводит исследование деятельности на особый уровень – на уровень изучения переходов от единиц деятельности (действий, операций) к единицам мозговых процессов, которые их реализуют. Я хочу особенно подчеркнуть, что речь идет именно об изучении переходов. Это и отличает так

называемый микроструктурный анализ предметной деятельности от изучения высшей нервной деятельности в понятиях физиологических мозговых процессов и их нейронных механизмов, данные которого могут лишь сопоставляться с соответствующими психологическими явлениями.

С другой стороны, исследование реализующих деятельность интерцеребральных процессов ведет к демистификации понятия о "психических функциях" в его прежнем, классическом значении – как пучка способностей. Становится очевидным, что это проявления общих функциональных физиологических (психофизиологических) свойств, которые вообще не существуют как отдельности. Нельзя же представить себе, например, мнемическую функцию как отвызанную от сенсорной и наоборот. Иначе говоря, только физиологические системы функций осуществляют перцептивные, мнемические, двигательные и другие операции. Но, повторяю, операции не могут быть сведены к этим физиологическим системам. Операции всегда подчинены объективно-предметным, т.е. экстрацеребральным отношениям.

По другому очень важному, намеченному еще Л.С.Выготским, пути проникновения в структуру деятельности со стороны мозга идут нейропсихология и патопсихология. Их общепсихологическое значение состоит в том, что они позволяют увидеть деятельность в ее распаде, зависящем от выключения отдельных участков мозга или от характера тех более общих нарушений его функции, которые выражаются в душевных заболеваниях.

Я остановлюсь только на некоторых данных, полученных в нейропсихологии. В отличие от наивных психоморфологических представлений, согласно которым внешне психологические процессы однозначно связаны с функционированием отдельных мозговых центров (центров речи, письма, мышления в понятиях и т.д.), нейропсихологические исследования показали, что эти сложные, общественно-исторические по своему происхождению, прижизненно формирующиеся процессы имеют динамическую и системную локализацию. В результате сопоставительного анализа обширного материала, собранного в экспериментах на больных с разной локализацией очаговых поражений мозга, выявляется картина того, как именно "откладываются" в его морфологии разные "составляющие" человеческой деятельности. ^[85]

Таким образом, нейропсихология со своей стороны – т.е. стороны мозговых структур – позволяет проникнуть в "исполнительские механизмы" деятельности.

Выпадение отдельных участков мозга, приводящее к нарушению тех или иных процессов, открывает и другую возможность: исследовать в этих совершенно экзотических условиях их функциональное развитие, которое выступает здесь в форме их восстановления. Ближайшим образом это относится к восстановлению внешних и умственных действий, выполнение которых стало недоступным больному вследствие того, что очаговое поражение исключило одно из звеньев той или иной осуществляющей их операции. Для того чтобы обойти предварительно тщательно квалифицированный дефект больного, исследователь проектирует новый состав операций, способных выполнять данное действие, а затем активно формирует у него этот состав, в котором пораженное звено не участвует, но который зато включает в себя звенья, в нормальных случаях избыточные или даже отсутствующие. Нет надобности

говорить об общепсихологическом значении этого направления исследований, оно очевидно.

Конечно, и нейропсихологические исследования, так же как и исследования психофизиологические, необходимо ставят проблему перехода от экстрацеребральных отношений к интрацеребральным. Как я уже говорил, проблема эта не может быть решена путем прямых сопоставлений. Ее решение лежит в анализе движения системы предметной деятельности в целом, в которую включено и функционирование телесного субъекта – его мозга, его органов восприятия и движения. Законы, управляющие процессами их функционирования, конечно, проявляют себя, но лишь до того момента, пока мы не переходим к исследованию самих реализуемых ими предметных действий или образов, анализ которых возможен лишь на уровне исследования деятельности человека, на уровне психологическом.

Не иначе обстоит дело и при переходе от психологического уровня исследования к собственно социальному: только здесь этот переход к новым, т.е. социальным, законам происходит как переход от исследования процессов, реализующих отношения индивидов, к исследованию отношений, реализуемых из совокупной деятельностью в обществе, развитие которых подчиняется объективно-историческим законам.

Таким образом, системный анализ человеческой деятельности необходимо является также анализом по-уровневым. Именно такой анализ и позволяет преодолеть противопоставление физиологического, психологического и социального, равно как и сведение одного к другому.

Глава IV. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЗНАНИЕ

1. ГЕНЕЗИС СОЗНАНИЯ

Деятельность субъекта – внешняя и внутренняя – опосредствуется и регулируется психическим отражением реальности. То, что в предметном мире выступает для субъекта как мотивы, цели и условия его деятельности, должно быть им так или иначе воспринято, представлено, понято, удержано и воспроизведено в его памяти; это же относится к процессам его деятельности и к самому себе – к его состояниям, свойствам, особенностям. Таким образом, анализ деятельности приводит нас к традиционным темам психологии. Однако теперь логика исследования оборачивается: проблема проявления психических процессов превращается в проблему их происхождения, их порождения теми общественными связями, в которые вступает человек в предметном мире.

Психическая реальность, которая непосредственно открывается нам, – это субъективный мир сознания. Потребовались века, чтобы освободиться от отождествления психического и сознательного. Удивительно то многообразие

путей, которые вели к их различению в философии, психологии, физиологии: достаточно назвать имена Лейбница, Фехнера, Фрейда, Сеченова и Павлова.

Решающий шаг состоял в утверждении идеи о разных уровнях психического отражения. С исторической, генетической точки зрения это означало признание существования досознательной психики животных и появления у человека качественно новой ее формы – сознания. Так возникли новые вопросы: о той объективной необходимости, которой отвечает возникающее сознание, о том, что его порождает, о его внутренней структуре.

Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния. Перед неискушенным человеком наличие у него этой субъективной картины не ставит, разумеется, никаких теоретических проблем: перед ним мир, а не мир и картина мира. В этом стихийном реализме заключается настоящая, хотя и наивная правда. Другое дело – отождествление психического отражения и сознания, это не более чем иллюзия нашей интроспекции.

Она возникает из кажущейся неограниченной широты сознания. Спрашивая себя, сознаем ли мы то или иное явление, мы ставим перед собой задачу на осознание и, конечно, практически мгновенно решаем ее. Понадобилось изобрести тахистоскопическую методику, чтобы экспериментально разделить "поле восприятия" и "поле сознания".

С другой стороны, хорошо известные и легко воспроизводимые в лабораторных условиях факты говорят о том, что человек способен осуществлять сложные приспособительные процессы, управляемые предметами обстановки, вовсе не отдавая себе отчета в наличии их образа; он обходит препятствия и даже манипулирует вещами, как бы "не видя" их.

Другое дело, если нужно сделать или изменить вещь по образцу или изобразить некоторое предметное содержание. Когда я выгибаю из проволоки или рисую, скажем, пятиугольник, то я необходимо сопоставляю имеющиеся у меня представление с предметными условиями, с этапами его реализации в продукте, внутренне примериваю одно к другому, такие сопоставления требуют, чтобы мое представление выступило для меня как бы в одной плоскости с предметным миром, не сливаясь, однако, с ним. Особенно ясно это в задачах, для решения которых нужно предварительно осуществить "в уме" взаимные пространственные смещения образов объектов, соотносимых между собой; такова, например, задача, требующая мысленного поворачивания фигуры, вписываемой в другую фигуру.

Исторически необходимость такого "предстояния" (презентированности) психического образа субъекту возникает лишь при переходе от приспособительной деятельности животных к специфической для человека производственной, трудовой деятельности. Продукт, к которому теперь стремится деятельность, актуально еще не существует. Поэтому он может регулировать деятельность лишь в том случае, если он представлен для субъекта в такой форме, которая позволяет сопоставить его с исходным материалом (предметом труда) и его промежуточными преобразованиями. Более того, психический образ продукта как цели должен существовать для субъекта так, чтобы он мог действовать с этим образом – видоизменять его в

соответствии с наличными условиями. Такие образы и суть сознательные образы, сознательные представления – словом, суть явления сознания.

Сама по себе необходимость возникновения у человека явлений сознания, разумеется, еще ничего не говорит о процессе из порождения. Она, однако, ясно ставит задачу исследования этого процесса, задачу, которая в прежней психологии вообще не возникала. Дело в том, что в рамках традиционной диадической схемы объект → субъект феномен сознания у субъекта принимался без всяких объяснений, если не считать истолкований, допускающих существование под крышкой нашего черепа некоего наблюдателя, созерцающего картины, которые ткнут в мозге нервные физиологические процессы.

Впервые метод научного анализа порождения и функционирования человеческого сознания – общественного и индивидуального – был открыт Марксом. В результате, как это подчеркивает один из современных авторов, предмет исследования сознания переместился от субъективного индивида на социальные системы деятельности, так что "метод внутреннего наблюдения и понимающей интроспекции, долгое время монополично владевший исследованиями сознания, затрещал по швам". ^[86] На немногих страницах невозможно, разумеется, охватить сколько-нибудь полно даже только главные вопросы марксистской теории сознания. Не претендуя на это, я ограничусь лишь некоторыми положениями, которые указывают пути решения проблемы деятельности и сознания в психологии.

Очевидно, что объяснение природы сознания лежит в тех же особенностях человеческой деятельности, которые создают его необходимость: в ее объективно-предметном, продуктивном характере.

Трудовая деятельность запечатлевается в своем продукте. Происходит, говоря словами Маркса, переход деятельности в покоящееся свойство. Переход этот представляет собой процесс вещественного воплощения предметного содержания деятельности, которое презентуется теперь субъекту, т.е. предстает перед ним в форме образа воспринимаемого предмета.

Иначе говоря, в самом первом приближении порождение сознания рисуется так: представление, управляющее деятельностью, воплощаясь в предмете, получает свое второе, "объективированное" существование, доступное чувственному восприятию; в результате субъект как бы видит свое представление во внешнем мире; дублируясь, оно осознается. Схема эта является, однако, несостоятельной. Она возвращает нас к прежней субъективно-эмпирической, по сути идеалистической, точке зрения, которая как раз и выделяет прежде всего то обстоятельство, что указанный переход имеет в качестве своей необходимой предпосылки сознание – наличие у субъекта представлений, намерений, мысленных планов, схем или "моделей"; что эти психические явления и объективируются в деятельности и ее продуктах. Что же касается самой деятельности субъекта, то, управляемая сознанием, она выполняет по отношению к его содержанию лишь передаточную функцию и функцию их "подкрепления – неподкрепления".

Однако главное состоит вовсе не в том, чтобы указать на активную, управляющую роль сознания. Главная проблема заключается в том, чтобы понять сознание как субъективный продукт, как преобразованную форму

проявления тех общественных по своей природе отношений, которые осуществляются деятельностью человека в предметном мире.

Деятельность является отнюдь не просто выразителем и переносчиком психического образа, который объективизируется в ее продукте. В продукте запечатлевается не образ, а именно деятельность, то предметное содержание, которое она объективно несет в себе.

Переходы субъект → деятельность → предмет образуют как бы круговое движение, поэтому может казаться безразличным, какое из его звеньев или моментов взять в качестве исходного. Однако это вовсе не движение в заколдованном круге. Круг этот размыкается, и размыкается именно в самой чувственно-практической деятельности.

Вступая в прямое соприкосновение с предметной действительностью и подчиняясь ей, деятельность видоизменяется, обогащается, в этой своей обогащенности она кристаллизуется в продукте. Осуществленная деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание. При этом для сознания субъекта вклады, которые вносятся его деятельностью, остаются скрытыми; отсюда и происходит, что сознание может казаться основой деятельности.

Выразим это иначе. Отражение продуктов предметной деятельности, реализующей связи, отношения общественных индивидов выступают для них как явления их сознания. Однако в действительности за этими явлениями лежат упомянутые объективные связи и отношения общественных индивидов выступают для них как явления их сознания. Однако в действительности за этими явлениями лежат упомянутые объективные связи и отношения, хотя и не в явной, а в снятой, скрытой от субъекта форме. Вместе с тем явления сознания составляют реальный момент в движении деятельности. В этом и заключается их не "эпифеноменальность", их существенность. Как верно отмечает В.П.Кузьмин, сознательный образ выступает в функции идеальной меры, которая овеществляется в деятельности. ^[87]

Подход к сознанию, о котором идет речь, в корне меняет постановку важнейшей для психологии проблемы – проблемы соотношения субъективного образа и внешнего предмета. Он уничтожает ту мистификацию этой проблемы, которую создает в психологии многократно упомянутый мною постулат непосредственности. Ведь если исходить из допущения, что внешние воздействия непосредственно вызывают в нас, в нашем мозге, субъективный образ, то тотчас встает вопрос, как же происходит, что образ этот выступает как существующий вне нас, вне нашей субъективности – в координатах внешнего мира.

В рамках постулата непосредственности ответить на этот вопрос можно, только допустив процесс вторичного, так сказать, проецирования психического образа вовне. Теоретическая несостоятельность такого допущения очевидна; ^[88] к тому же оно находится в явном противоречии с фактами, которые свидетельствуют о том, что психический образ с самого начала уже "отнесен" к внешней по отношению к мозгу субъекта реальности и что он не проецируется во внешний мир, а, скорее вычерпывается из него. ^[89] Конечно, когда я говорю о "вычерпывании", то это не более чем метафора. Она, однако, выражает реальный, доступный научному исследованию процесс – процесс присвоения

субъектом предметного мира в его идеальной форме, в форме сознательного отражения.

Этот процесс первоначально возникает в той же системе объективных отношений, в которой происходит переход предметного содержания деятельности в ее продукт. Но для того чтобы процесс этот реализовался, недостаточно, чтобы продукт деятельности, впитавший ее в себя, предстал перед субъектом своими вещественными свойствами; должна произойти такая его трансформация, в результате которой он мог бы выступить как познаваемый субъектом, т.е. идеально. Трансформация эта происходит посредством функционирования языка, являющегося продуктом и средством общения между собой участников производства. Язык несет в своих значениях (понятиях) то или другое предметное содержание, но содержание, полностью освобожденное от своей вещественности. Так, пища является, конечно, вещественным предметом, значение же слова "пища" не содержит в себе ни грамма пищевого вещества. При этом и сам язык тоже имеет свое вещественное существование, свою материю; однако язык, взятый по отношению к означаемой реальности, является лишь формой ее бытия, как и те вещественные мозговые процессы индивидов, которые реализуют ее осознание. ^[90]

Итак, индивидуальное сознание как специфически человеческая форма субъективного отражения объективной реальности может быть понято только как продукт тех отношений и опосредствований, которые возникают в ходе становления и развития общества. Вне системы этих отношений (и вне общественного сознания) существование индивидуальной психики в форме сознательного отражения, сознательных образов невозможно.

Для психологии ясное понимание этого тем более важно, что она до сих пор окончательно не отрешилась в объяснения явлений сознания от наивного антропологизма. Даже деятельностный подход в психологическом изучении явлений сознания позволяет понять их лишь при том неприменимом условии, что сама деятельность человека рассматривается как процесс, включенный в систему отношений, осуществляющий его общественное бытие, которое есть способ его существования также и в качестве природного, телесного существа.

Конечно, указанные условия и отношения, порождающие человеческое сознание, характеризуют его лишь на самых ранних этапах. Впоследствии в связи с развитием материального производства и общения, выделением, а потом и обособлением духовного производства и происходящей технизации языка сознание людей освобождается от прямой связи с их непосредственно-практической трудовой деятельностью. Круг сознаваемого все более расширяется, так что сознание становится у человека универсальной, хотя и не единственной, формой психического отражения. Оно претерпевает при этом ряд радикальных изменений.

Первоначальное сознание существует лишь в форме психического образа, открывающего субъекту окружающий его мир, деятельность же по – прежнему остается практической, внешней. На более позднем этапе предметом сознания становится также и деятельность: осознаются действия других людей, а через них и собственные действия субъекта. Теперь они коммуницируются, означаясь с помощью жестов или звуковой речи. Это и является предпосылкой порождения внутренних действий и операций, протекающих в уме, в "плане сознания". Сознание-образ становится также сознанием-деятельностью. Именно

в этой своей полноте сознание и начинает казаться эмансипированным от внешней, чувственно-практической деятельности и более того – управляющим ею.

Другое капитальное изменение, претерпеваемое сознанием в ходе исторического развития, состоит в разрушении первоначальной слитности сознания трудового коллектива и сознания образующих его индивидов. Это происходит в силу того, что осознаваемым становится широкий круг явлений, включающий в себя также явления, принадлежащие к сфере таких отношений индивидов, которые составляют особенное в жизни каждого из них. При этом классовое расслоение общества приводит к тому, что люди оказываются в неодинаковых, противопоставленных друг другу отношениях к средствам производства и общественному продукту; соответственно и их сознание испытывает на себе влияние этой неодинаковости, этой противопоставленности. Вместе с тем вырабатываются идеологические представления, которые включаются в процесс осознания конкретными индивидами их реальных жизненных отношений.

Возникает сложнейшая картина внутренних связей, переплетений и взаимопереходов, порождаемая развитием внутренних противоречий, которые в своем абстрактном виде выступают уже при анализе самых простых отношений, характеризующих систему человеческой деятельности. На первый взгляд погружение исследования в эту сложнейшую картину может казаться уводящим от задач конкретно-психологического изучения сознания, к подмене психологии социологией. Но это вовсе не так. Напротив, психологические особенности индивидуального сознания только и могут быть поняты через их связи с теми общественными отношениями, в которые вовлечен индивид.

2. ЧУВСТВЕННАЯ ТКАНЬ СОЗНАНИЯ

Развитое сознание индивидов характеризуется своей психологической многомерностью.

В явлениях сознания мы обнаруживаем прежде всего их чувственную ткань. Эта ткань и образует чувственный состав конкретных образов реальности, актуально воспринимаемой или всплывающей в памяти, относимой к будущему или даже только воображаемой. Образы эти различаются по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивости и т.д. Обо всем этом написаны многие тысячи страниц. Однако эмпирическая психология постоянно обходила важнейших с точки зрения проблемы сознания вопрос: о той особой функции, которую выполняют в сознании его чувственные элементы. Точнее, этот вопрос растворялся в косвенных проблемах, таких, как проблема осмысленности восприятия или проблема роли речи (языка) в обобщении чувственных данных.

Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту, Что, иначе говоря, именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне его сознания – как объективное "поле" и объект его деятельности.

Это утверждение может показаться парадоксальным, потому что исследования чувственных явлений издавна исходили из позиций, приводивших, наоборот, к идее об их "чистой субъективности", "иероглифичности". Соответственно, чувственное содержание образов представлялось не как осуществляющее непосредственную связь сознания с внешним миром,^[91] а, скорее, как отгораживающее от него.

В послегельмгольцевский период экспериментальное изучение процессов перцепции ознаменовалось огромными успехами, так что психология восприятия наводнена сейчас великим множеством разнообразных фактов и частных гипотез. Но вот что удивительно: несмотря на эти успехи, теоретическая позиция Гельмгольца осталась непоколебленной.

Правда, в большинстве психологических работ она присутствует невидимо, за кулисами. Лишь немногие обсуждают ее серьезно и открыто, как, например, Р.Грегори – автор самых, пожалуй, увлекательных современных книг о зрительном восприятии.^[92]

Сила позиции Гельмгольца в том, что, изучая физиологию зрения, он понял невозможность вывести образы предметов непосредственно из ощущений, отождествить их с теми "узорами", которые световые лучи рисуют на сетчатке глаза. В рамках понятийного строя естествознания того времени решение проблемы, предложенное Гельмгольцем (а именно, что к работе органов чувств необходимо присоединяется работа мозга, строящего по сенсорным намекам гипотезы о предметной действительности), было единственно возможным.

Дело в том, что предметные образы сознания мыслились как некоторые психические вещи, зависящие от других вещей, составляющих из внешнюю причину. Иначе говоря, анализ шел в плоскости двойкой абстракции, которая выражалась, с одной стороны, в изъятии сенсорных процессов их системы деятельности субъекта, а с другой – в изъятии чувственных образов из системы человеческого сознания. Сама идея системности объекта научного познания оставалась неразработанной.

В отличие от подхода, рассматривающего явления в их изолированности, системный анализ сознания требует исследовать "образующие" сознания в их внутренних отношениях, порождаемых развитием форм связи субъекта с действительностью, и, значит, прежде всего со стороны той функции, которую каждое из них выполняет в процессах презентирования (представленности) субъекту картины мира.

Чувственные содержания, взятые в системе сознания, не открывают прямо своей функции, субъективно она выражается лишь косвенно – в безотчетном переживании "чувства реальности". Однако она тотчас обнаруживает себя, как только возникает нарушение или извращение рецепции внешних воздействий. Так как свидетельствующие об этом факты имеют для психологии сознания принципиальное значение, то я приведу некоторые из них.

Очень яркое проявление функции чувственных образов в сознании реального мира мы наблюдали в исследовании восстановления предметных действий у раненых минеров, полностью ослепших и одновременно потерявших кисти обеих рук. Так как у них была произведена восстановительная хирургическая операция, связанная с массивным смещением мягких тканей предплечий, то они утрачивали также и возможность

осязательного восприятия предметов руками (явление асимболии). Оказалось, что при невозможности зрительного контроля эта функция у них не восстанавливалась, соответственно у них не восстанавливались и предметные ручные движения. В результате через несколько месяцев после ранения у больных появлялись необычные жалобы: несмотря на ничем не затрудненное речевое общение с окружающими и при полной сохранности умственных процессов, внешний предметный мир постепенно становился для них "исчезающим". Хотя словесные понятия (значения слов) сохраняли у них свои логические связи, они, однако, постепенно утрачивали свою предметную отнесенность. Возникла поистине трагическая картина разрушения у больных чувства реальности. "Я обо всем как читал, а не видел... Вещи от меня все дальше" – так описывает свое состояние один из ослепших ампутантов. Он жалуется, что когда с ним здороваются, "то как будто и человека нет". ^[93]

Сходные явления потери чувства реальности наблюдаются и у нормальных испытуемых в условиях искусственной инверсии зрительных впечатлений. Еще в конце прошлого столетия Стреттон в своих классических опытах с ношением специальных очков, переворачивающих изображение на сетчатке, отмечал, что при этом возникает переживание нереальности воспринимаемого мира. ^[94]

Требовалось понять суть тех качественных перестроек зрительного образа, которые открываются субъекту в виде переживания нереальности зрительной картины. В дальнейшем были обнаружены такие особенности инвертированного зрения, как трудность идентификации знакомых предметов ^[95] и особенно человеческих лиц, ^[96] его аконстантность ^[97] и т.п.

Отсутствие прямой отнесенности инвертированного зрительного образа к объективному предметному миру свидетельствует о том, что на уровне рефлектирующего сознания субъект способен дифференцировать восприятие реального мира и свое внутреннее феноменальное поле. Первое представлено сознательными "значимыми" образами, второе – собственно чувственной тканью. Иначе говоря, чувственная ткань образа может быть представлена в сознании двояко: либо как то, в чем существует для субъекта предметное содержание (и это составляет обычное, "нормальное" явление), либо сама по себе. В отличие от нормальных случаев, когда чувственная ткань и предметное содержание слиты между собой, их несовпадение обнаруживается либо в результате специально направленной интроспекции, ^[98] либо в особых экспериментальных условиях – особенно отчетливо в опытах с длительной адаптацией к инвертированному зрению. ^[99] Сразу после надевания инвертирующих призм субъекту презентуется лишь чувственная ткань зрительного образа, лишенная предметного содержания. Дело в том, что при восприятии мира через меняющие проекцию оптические устройства видимые образы трансформируются в сторону их наибольшего правдоподобия; другими словами, при адаптации к оптическим искажениям происходит не просто иное "декодирование" проекционного образа, а сложный процесс построения воспринимаемого предметного содержания, имеющего определенную предметную логику, отличную от "проекционной логики" сетчаточного образа. Поэтому невозможность восприятия предметного содержания в начале хронического эксперимента с инверсией связана с тем, что в сознании субъекта образ представлен лишь его чувственной тканью. В дальнейшем же перцептивная адаптация совершается как своеобразный процесс восстановления

предметного содержания зрительного образа в его инвертированной чувственной ткани. ^[100]

Возможность дифференцирования феноменального поля и предметных "значимых" образов, по-видимому, составляет особенность только человеческого сознания, благодаря которой человек освобождается от рабства чувственных впечатлений, когда они извращаются случайными условиями восприятия. Любопытны в этой связи эксперименты с обезьянами, которым надевали очки, инвертирующие сетчаточный образ; оказалось, что, в отличие от человека, у обезьяны это полностью разрушает их поведение и они впадают на длительный срок в состояние инактивности. ^[101]

Я мог привести здесь лишь немногие данные, касающиеся того особенного вклада, который чувственность вносит в индивидуальное сознание; были, например, вовсе упущены некоторые важные факты, полученные в условиях длительной сенсорной депривации. ^[102] Но и сказанного достаточно, чтобы поставить вопрос, центральный для дальнейшего анализа рассматриваемой проблемы.

Глубокая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что они порождаются в процессах деятельности, практически связывающей субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесенность.

Конечно, когда мы сопоставляем с огромным богатством познавательных результатов мыслительной человеческой деятельности те вклады, которые непосредственно вносит в него наша чувственность, то прежде всего бросается в глаза их крайняя ограниченность, почти ничтожность; к тому же обнаруживается, что чувственные впечатления постоянно вступают в противоречие с более полным знанием. Отсюда и возникает идея, что чувственные впечатления служат лишь толчком, приводящим в действие наши познавательные способности, и что образы предметов порождаются внутренними мыслительными – бессознательными или сознательными – операциями, что, иначе говоря, мы не воспринимали бы предметного мира, если бы не мыслили его. Но как могли бы мы мыслить этот мир, если бы он первоначально не открывался нам именно в своей чувственно данной предметности?

3. ЗНАЧЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ СОЗНАНИЯ

Чувственные образы представляют всеобщую форму психического отражения, порождаемого предметной деятельностью субъекта. Однако у человека чувственные образы приобретают новое качество, а именно свою означенность. Значения и являются важнейшими "образующими" человеческого сознания.

Как известно, выпадение у человека даже главных сенсорных систем – зрения и слуха – не уничтожает сознания. Даже у слепоглухонемых детей в результате овладения ими специфически человеческими операциями

предметного действия и языком (что, понятно может происходить лишь в условиях специального воспитания) формируется нормальное сознание, отличающееся от сознания видящих и слышащих людей только своей крайне бедной чувственной тканью. ^[103] Другое дело, когда в силу тех или иных обстоятельств "гоминизация" деятельности и общения не происходит. В этом случае, несмотря на полную сохранность сенсомоторной сферы, сознание не возникает. Это явление (назовем его "феноменом Каспара Гаузера") сейчас широко известно.

Итак, значения преломляют мир в сознании человека. Хотя носителем значений является язык, но язык не демиург значений. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой. Поэтому значения сами по себе, т.е. в абстракции от их функционирования в индивидуальном сознании, столь же "не психологичны", как и та общественно познанная реальность, которая лежит за ними. ^[104]

Значения составляют предмет изучения в лингвистике, семиотике, логике. Вместе с тем в качестве одной из "образующих" индивидуальное сознание они необходимо входят в круг проблем психологии. Главная трудность психологической проблемы значения состоит в том, что в ней воспроизводятся все те противоречия, на которые наталкивается более широкая проблема соотношения логического и психологического в мышлении, логике и психологии понятия.

В рамках субъективно-эмпирической психологии эта проблема решалась в том смысле, что понятия (gerp. – словесные значения) являются психологическим продуктом – продуктом ассоциирования и генерализации впечатлений в сознании индивидуального субъекта, результаты которых закрепляются за словами. Эта точка зрения нашла, как известно, свое выражение не только в психологии, но и в концепциях, психологизирующих логику.

Другая альтернатива заключается в признании, что понятия и операции с понятиями управляются объективными логическими законами; что психология имеет дело только с отклонениями от этих законов, которые наблюдаются в примитивном мышлении, в условиях патологии или при сильных эмоциях; что, наконец, в задачу психологии входит изучение онтогенетического развития понятий и мышления. Исследование этого процесса и заняло в психологии мышления главное место. Достаточно указать на труды Пиаже, Выготского и на многочисленные светские и зарубежные работы по психологии обучения.

Исследования формирования у детей понятий и логических (умственных) операций внесли очень важный вклад в науку. Было показано, что понятия отнюдь не формируются в голове ребенка по типу образования чувственных генерических образов, а представляют собой результат процесса присвоения "готовых", исторически выработанных значений и что процесс этот происходит в деятельности ребенка, в условиях общения с окружающими людьми. Обучаясь выполнению тех или иных действий, он овладевает

соответствующими операциями, которые в их сжатой, идеализированной форме и представлены в значении.

Само собой разумеется, что первоначально процесс овладения значениями происходит во внешней деятельности ребенка с вещественными предметами и в симпрактическом общении. На ранних стадиях ребенок усваивает конкретные, непосредственно предметно отнесенные значения; впоследствии ребенок овладевает также и собственно логическими операциями, но тоже в их внешней, экстериоризированной форме – ведь иначе они вообще не могут быть коммуницированы. Интериоризуясь, они образуют отвлеченные значения, понятия, а их движение составляет внутреннюю умственную деятельность, деятельность "в плане сознания".

Этот процесс подробно изучался в последние годы Гальпериным, который выдвинул стройную теорию, названную им "теорией поэтапного формирования умственных действий и понятий"; одновременно им развивалась концепция об ориентировочной основе действий, о ее особенностях и о соответствующих ей типах обучения. ^[105]

Теоретическая и практическая продуктивность этих и идущих вслед за ними многочисленных исследований является бесспорной. Вместе с тем проблема, которой они посвящены, была с самого начала жестко ограничена; это проблема целенаправленного, "не стихийного" формирования умственных процессов по извне заданным "матрицам" – "параметрам". Соответственно, анализ сосредоточился на выполнении заданных действий; что же касается их порождения, т.е. процесса целеобразования и мотивации деятельности (в данном случае учебной), которую они реализуют, то это осталось за пределами прямого исследования. Понятно, что при этом условии нет никакой необходимости различать в системе деятельности собственно действия и способы их выполнения, не возникает необходимости системного анализа индивидуального сознания.

Сознание как форма психического отражения, однако, не может быть сведено к функционированию усвоенных извне значений, которые, развертываясь, управляют внешней и внутренней деятельностью субъекта. Значения и свернутые в них операции сами по себе, т.е. в своей абстракции от внутренних отношений системы деятельности и сознания, вовсе не являются предметом психологии. Они становятся им, лишь будучи взяты в этих отношениях, в движении их системы.

Это вытекает из самой природы психического. Как уже говорилось, психическое отражение возникает в результате раздвоения жизненных процессов субъекта на процессы, осуществляющие его прямые биотические отношения, и "сигнальные" процессы, которые опосредствуют их; развитие внутренних отношений, порождаемых этим раздвоением, и находит свое выражение в развитии структуры деятельности, а на этой основе – также в развитии форм психического отражения. В дальнейшем, на уровне человека, происходит такая трансформация этих форм, которая приводит к тому, что, фиксируясь в языке (языках), они приобретают квазисамостоятельное существование в качестве объективных идеальных явлений. При этом они постоянно воспроизводятся процессами, совершающимися в головах конкретных индивидов. Последнее и составляет внутренний "механизм" их

передачи от поколения к поколению и условие их обогащения посредством индивидуальных вкладов.

Здесь мы вплотную подходим к проблеме, которая является настоящим камнем преткновения для психологического анализа сознания. Это проблема особенностей функционирования знаний, понятий, мысленных моделей, с одной стороны, в системе отношений общества, в общественном сознании, а с другой – в деятельности индивида, реализующей его общественные связи, в его сознании.

Как уже говорилось, сознание обязано своим возникновением происходящему в труде выделению действий, познавательные результаты которых абстрагируются от живой целостности человеческой деятельности и идеализируются в форме языковых значений. Коммуницируясь, они становятся достоянием сознания индивидов. При этом они отнюдь не утрачивают своей абстрагированности; они несут в себе способы, предметные условия и результаты действий, независимо от субъективной мотивации деятельности людей, в которой они формируются. На ранних этапах, когда еще сохраняется общность мотивов деятельности участников коллективного труда, значения как явления индивидуального сознания находятся в отношениях прямой адекватности. Это отношения, однако, не сохраняется. Оно разлагается вместе с разложением первоначальных отношений индивидов к материальным условиям и средствам производства, возникновением общественного разделения труда и частной собственности. ^[106] В результате общественно выработанные значения начинают жить в сознании индивидов как бы двойной жизнью. Рождается еще одно внутреннее отношение, еще одно движение значений в системе индивидуального сознания.

Это особое внутреннее отношение проявляет себя в самых простых психологических фактах. Так, например, все учащиеся постарше, конечно, отлично понимают значение экзаменационной отметки и вытекающих из нее следствий. Тем не менее отметка может выступить для сознания каждого из них существенно по-разному: скажем, как шаг (или препятствие) на пути к избранной профессии, или как способ утверждения себя в глазах окружающих, или, может быть, как-нибудь еще иначе. Вот это – то обстоятельство и ставит психологию перед необходимостью различать сознаваемое объективное значение и его значение для субъекта. Чтобы избежать удвоения терминов, я предпочитаю говорить в последнем случае о личностном смысле. Тогда приведенный пример может быть выражен так: значение отметки способно приобретать в сознании учащихся разный личностный смысл.

Хотя предложенное мною понимание соотношения понятий значения и смысла было неоднократно пояснено, оно все же нередко интерпретируется совершенно неправильно. По-видимому, нужно вернуться к анализу понятия личностного смысла еще раз.

Прежде всего несколько слов об объективных условиях, приводящих к дифференциации в индивидуальном сознании значений и смыслов. В своей известной статье, посвященной критике А.Вагнера, Маркс отмечает, что присваиваемые людьми предметы внешнего мира первоначально словесно обозначались ими как средства удовлетворения их потребностей, как то, что является для них "благами". "...Они приписывают предмету характер полезности, как будто присущий самому предмету", – говорит Маркс. ^[107] Эта

мысль оттеняет очень важную черту сознания на ранних этапах развития, а именно, что предметы отражаются в языке и сознании слитно с конкретизованными (опредмеченными) в них потребностями людей. Однако в дальнейшем эта слитность разрушается. Неизбежность ее разрушения заложена в объективных противоречиях товарного производства, которое порождает противоположность конкретного и абстрактного труда, ведет к отчуждению человеческой деятельности.

Эта проблема неизбежно возникает перед анализом, понимающим всю ограниченность представления о том, что значения в индивидуальном сознании являются лишь более или менее полными и совершенными проекциями "наиндивидуальных" значений, существующих в данном обществе. Она отнюдь не снимается и ссылками на тот факт, что значения преломляются конкретными особенностями индивида, его прежним опытом, своеобразием его установок, темперамента и т.д.

Проблема, о которой идет речь, возникает из реальной двойственности существования значений для субъекта. Последняя состоит в том, что значения выступают перед субъектом и в своем независимом существовании – в качестве объектов его сознания и вместе с тем в качестве способов и "механизма" осознания, т.е. функционируя в процессах, презентирующих объективную действительность. В этом функционировании значения необходимо вступают во внутренние отношения, которые связывают их с другими "образующими" индивидуального сознания; в этих внутренних отношениях они единственно и обретают свою психологическую характеристику.

Выразим это иначе. Когда в психическое отражение мира индивидуальным субъектом вливаются идеализированные в значениях продукты общественно-исторической практики, то они приобретают новые системные качества. Раскрытие этих качеств и составляет одну из задач психологической науки.

Наиболее трудный пункт создается здесь тем, что значения ведут двойную жизнь. Они производятся обществом и имеют свою историю в развитии языка, в развитии форм общественного сознания; в них выражается движение человеческой науки и ее познавательных средств, а также идеологических представлений общества – религиозных, философских, политических. В этом объективном своем бытии они подчиняются общественно-историческим законам и вместе с тем внутренней логике своего развития.

При всем неисчерпаемом богатстве, при всей многосторонности этой жизни значений (подумать только – все науки занимаются ею!) в ней остается полностью скрытой другая их жизнь, другое их движение – их функционирование в процессах деятельности и сознания конкретных индивидов, хотя посредством этих процессов они только и могут существовать.

В этой второй своей жизни значения индивидуализируются и "субъективируются", но лишь в том смысле, что непосредственно их движение в системе отношений общества в них уже не содержится; они вступают в иную систему отношений, в иное движение. Но вот что замечательно: они при этом отнюдь не утрачивают своей общественно-исторической природы, своей объективности.

Одна из сторон движения значений в сознании конкретных индивидов состоит в том "возвращении" их к чувственной предметности мира, о котором

шла речь выше. В то время как в своей абстрактности, в своей "надындивидуальности" значения безразличны к формам чувственности, в которых мир открывается конкретному субъекту (можно сказать, что сами по себе значения лишены чувственности), их функционирование в осуществлении его реальных жизненных связей необходимо предполагает их отнесенность к чувственным впечатлениям. Конечно, чувственно-предметная отнесенность значений в сознании субъекта может быть не прямой, она может реализоваться через как угодно сложные цепи свернутых в них мыслительных операций, особенно когда значения отражают действительность, которая выступает лишь в своих отдаленных косвенных формах. Но в нормальных случаях эта отнесенность всегда существует и исчезает только в продуктах их движения, в их экстерииоризациях.

Другая сторона движения значений в системе индивидуального сознания состоит в той особой их субъективности, которая выражается в приобретаемой ими пристрастности. Сторона эта, однако, открывает себя лишь при анализе внутренних отношений, связывающих значения с еще одной "образующей" сознания – личностным смыслом.

4. ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ

Психология издавна описывала субъективность, пристрастность человеческого сознания. Ее проявления видели в избирательности внимания, в эмоциональной окрашенности представлений, в зависимости познавательных процессов от потребностей и влечений. В свое время Лейбниц выразил эту зависимость в известном афоризме: "...если бы геометрия так же противоречила нашим страстям и нашим интересам, как нравственность, то мы бы также спорили против нее и нарушали ее вопреки всем доказательствам Эвклида и Архимеда..." ^[108]

Трудности заключались в психологическом объяснении пристрастности сознания. Явления сознания казались имеющими двойную детерминацию – внешнюю и внутреннюю. Соответственно, они трактовались как якобы принадлежащие к двум разным сферам психики: сфере познавательных процессов и сфере потребностей, аффективности. Проблема соотношения этих сфер – решалась ли она в духе рационалистических концепций или в духе психологии глубинных переживаний – неизменно интерпретировалась с антропологической точки зрения, с точки зрения взаимодействия разных по своей природе факторов-сил.

Однако действительная природа как бы двойственности явлений индивидуального сознания лежит не в их подчиненности этим независимым факторам.

Не будем вдаваться здесь в те особенности, которые отличают в этом отношении различные общественно-экономические формации. Для общей теории индивидуального сознания главное состоит в том, что деятельность конкретных индивидов всегда остается "втиснутой" (*insere*) в наличные формы проявления этих объективных противоположностей, которые и находят свое косвенное феноменальное выражение в их сознании, в его особом внутреннем движении.

Деятельность человека исторически не меняет своего общего строения, своей "макроструктуры". На всех этапах исторического развития она осуществляется сознательными действиями, в которых совершается переход целей в объективные продукты, и подчиняется побуждающим ее мотивам. Что радикально меняется, так это характер отношений, связывающих между собой цели и мотивы деятельности.

Эти отношения и являются психологически решающими. Дело в том, что для самого субъекта осознание и достижение им конкретных целей, овладение средствами и операциями действия есть способ утверждения его жизни, удовлетворения и развития его материальных и духовных потребностей, определенных и трансформированных в мотивах его деятельности. Безразлично, осознаются или не осознаются субъектом мотивы, сигнализируют ли они о себе в форме переживаний интереса, желания или страсти; их функция, взятая со стороны сознания, состоит в том, что они как бы "оценивают" жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах, придают им личностный смысл, который прямо не совпадает с понимаемым объективным их значением. При определенных условиях несовпадение смыслов и значений в индивидуальном сознании может приобретать характер нестоящей чуждости между ними, даже их противопоставленности.

В товарном обществе эта чуждость возникает необходимо и притом у людей, стоящих на обоих общественных полюсах. Наемный рабочий, конечно, отдает себе отчет в производимом им продукте, иначе говоря, он выступает перед ним в его объективном значении (Bedeutung), по крайней мере в пределах, необходимых для того, чтобы он мог разумно выполнять свои трудовые функции. Но смысл (Sinn) его труда для него самого заключается не в этом, а в заработке, ради которого он работает. "Смысл двенадцатичасового труда заключается для него не в том, что он тклет, прядет, сверлит и т.д., а в том, что это – способ заработка, который дает ему возможность поесть, пойти в трактир, поспать". ^[109] Эта отчужденность проявляется и на противоположном общественном полюсе: для торговцев минералами, замечает Маркс, минералы не имеют смысла минералов. ^[110]

Уничтожение отношений частной собственности уничтожает эту противопоставленность значений и смыслов в сознании индивидов; их несовпадение, однако, сохраняется.

Необходимость их несовпадения заложена уже в глубокой предыстории человеческого сознания, в существовании у животных двух видов чувственности, опосредствующих их поведение в предметной среде. Как известно, восприятие животных ограничено воздействиями, сигнально связанными с удовлетворением их потребностей, хотя бы только эвентуально, в возможности. ^[111] Но потребности могут осуществлять функцию психической регуляции, лишь выступая в форме побуждающих объектов (и, соответственно, средств овладения ими или защиты от них). Иначе говоря, в чувственности животных внешние свойства объектов и их способность удовлетворять те или иные потребности не отделяются друг от друга. Вспомним: собака в ответ на воздействие условного пищевого раздражителя рвется к нему, лижет его. ^[112] Однако неотделимость восприятия животными внешнего облика объектов от его потребностей вовсе не означает их совпадения. Напротив, в ходе эволюции

их связи становятся все более подвижными и до чрезвычайности усложняются, сохраняется лишь невозможность их обособления. Они разделяются только на уровне человека, когда во внутренние связи обеих этих форм чувственности вклиниваются словесные значения.

Я говорю, что значения вклиниваются (хотя, может быть, лучше было бы сказать "вступают" или "погружаются"), единственно для того, чтобы заострить проблему. В самом деле: ведь в своей объективности, т.е. как явления общественного сознания, значения преломляют для индивида объекты независимо от их отношения к его жизни, к его потребностям и мотивам. Даже для сознания утопающего соломинка, за которую он хватается, все же сохраняет свое значение соломинки; другое дело, что эта соломинка – пусть только иллюзорно – приобретает в этот момент для него смысл спасающей его жизнь.

Хотя на первоначальных этапах формирования сознания значения выступают слитно с личностными смыслами, однако в этой слитности имплицитно уже содержится их несовпадение, которое далее неизбежно приобретает и свои открытые, эксплицированные формы. Последнее и делает необходимым выделять в анализе личностный смысл в качестве еще одной образующей систему индивидуального сознания. Они-то и создают тот "утаенный", по выражению Л.С.Выготского, план сознания, который столь часто интерпретируется в психологии не как формирующийся в деятельности субъектов, в развитии ее мотивации, а как якобы непосредственно выражающий изначально заключенные в самой природе человека внутренние движущие им силы.

В индивидуальном сознании извне усваиваемые значения действительно как бы раздвигают и одновременно соединяют между собой оба вида чувственности – чувственные впечатления внешней реальности, в которой протекает его деятельность, и формы чувственного переживания ее мотивов, удовлетворения или не удовлетворения скрывающихся за ними потребностей.

В отличие от значений личностные смыслы, как и чувственная ткань сознания, не имеют своего "надиндивидуального", своего "не психологического" существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с ее мотивами. Личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания.

Выше говорилось о том, что в индивидуальном сознании значения "психологизируются", возвращаясь к чувственно данной человеку реальности мира. Другим, и притом решающим, обстоятельством, превращающим значения в психологическую категорию, является то, что, функционируя в системе индивидуального сознания, значения реализуют не самих себя, а движение воплощающего в них себя личностного смысла – этого для-себя-бытия конкретного субъекта.

Психологически, т.е. в системе сознания субъекта, а не в качестве его предмета или продукта, значения вообще не существуют иначе, как реализуя те или иные смыслы, так же как его действия и операции не существуют иначе, как реализуя ту или иную его деятельность, побуждаемую мотивом, потребностью. Другая сторона состоит в том, что личностный смысл – это

всегда смысл чего-то: "чистый", непредметный смысл есть такая же бессмыслица, как и непредметное существо.

Воплощение смысла в значениях – это глубоко интимный, психологически содержательный, отнюдь не автоматически и одномоментально происходящий процесс. В творениях художественной литературы, в практике морального и политического воспитания этот процесс выступает во всей своей полноте. Научная психология знает этот процесс только в его частных выражениях: в явлениях "рационализации" людьми их действительных побуждений, в переживании муки перехода от мысли к слову ("Я слово позабыл, что я хотел сказать, и мысль бесплотная в чертог теней вернется", – цитирует поэта Л.С.Выготский).

В своих наиболее обнаженных формах процесс, о котором идет речь, выступает в условиях классового общества, борьбы идеологий. В этих условиях личностные смыслы, отражающие мотивы, порождаемые действительными жизненными отношениями человека, могут не найти адекватно воплощающих их объективных значений, и тогда они начинают жить как бы в чужих одеждах. Нужно представить себе капитальное противоречие, которое порождает это явление. Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является "самоговорящим", т.е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне "готовых" значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте. Лишенные этой почвы, они обнаруживают в сознании человека свою шаткость; вместе с тем, превращаясь в стереотипы, они, как и любые стереотипы, способны к сопротивлению, так что только серьезные жизненные конфронтации могут их разрушить. Но и их разрушение не ведет еще к устранению дезинтегрированности сознания, его неадекватности, само по себе оно создает лишь его опустошение, способное обернуться психологической катастрофой. Необходимо еще, чтобы в сознании индивида осуществилось перевоплощение субъективных личностных смыслов в другие, адекватные им значения.

Более пристальный анализ такого перевоплощения личностных смыслов в адекватные (более адекватные) значения показывает, что оно протекает в условиях борьбы за сознание людей, происходящей в обществе. Я хочу этим сказать, что индивид не просто "стоит" перед некоторой "витриной" покоящихся на ней значений, среди которых ему остается только сделать выбор, что эти значения – представления, понятия, идеи – не пассивно ждут его выбора, а энергично врываются в его связи с людьми, образуя круг его реальных общений. Если индивид в определенных жизненных обстоятельствах и вынужден выбирать, то это выбор не между значениями, а между сталкивающимися общественными позициями, которые посредством этих значений выражаются и осознаются.

В сфере идеологических представлений этот процесс является неизбежным и имеющим всеобщий характер в классовом обществе. Однако он сохраняется и в условиях социалистического, коммунистического общества, – в той мере, в

какой здесь проявляются особенности индивидуальной жизни человека, особенности складывающихся личных его отношений, общений и жизненных ситуаций; он сохраняется и потому, что остаются неповторимыми и его особенности как телесного существа и конкретные внешние условия, которые не могут быть идентичными для всех.

Не исчезает, да и не может исчезнуть постоянно воспроизводящее себя несовпадение личностных смыслов, несущих в себе интенциональность, пристрастность сознания субъекта и "равнодушных" к нему значений, посредством которых они только и могут себя выразить. Поэтому –то внутренне движение развитой системы индивидуального сознания и полно драматизма. Он создается смыслами, которые не могут "высказать себя" в адекватных значениях; значениями, лишенными своей жизненной почвы и поэтому иногда мучительно дискредитирующими себя в сознании субъекта; они создаются, наконец, существованием конфликтующих между собой мотивов-целей.

Нет надобности повторять, что это внутреннее движение индивидуального сознания порождается движением предметной деятельности человека, что за его драматизмом скрывается драматизм его реальной жизни, что поэтому научная психология сознания невозможна вне исследования деятельности субъекта, форм ее непосредственного существования.

В заключение я не могу не затронуть здесь проблемы так называемой "жизненной психологии", психологии переживаний, которая в последнее время вновь обсуждается в нашей литературе. ^[113] Из того, что было изложено, прямо вытекает, что хотя научная психология не должна выбрасывать их поля своего зрения внутренний мир человека, но его изучение не может быть отделено от исследования деятельности и не составляет никакого особого направления. То, что мы называем внутренними переживаниями, суть явления, возникающие на поверхности системы сознания, в форме которых сознание выступает для субъекта в своей непосредственности. Поэтому сами переживания интереса или скуки, влечения или угрызений совести еще не открывают субъекту своей природы; хотя они кажутся внутренними силами, движущими его деятельностью, их реальная функция состоит лишь в наведении субъекта на их действительный источник, в том, что они сигнализируют о личностном смысле событий, разыгрывающихся в его жизни, заставляют его как бы приостановить на мгновение поток своей активности, всмотреться в сложившиеся у него жизненные ценности, чтобы найти себя в них или, может быть, пересмотреть их.

Итак, сознание человека, как и сама его деятельность, не аддитивно. Это не плоскость, даже не емкость, заполненная образами и процессами. Это и не связи отдельных его "единиц", а внутреннее движение его образующих, включенное в общее движение деятельности, осуществляющей реальную жизнь индивида в обществе. Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания.

Психологический анализ деятельности и сознания раскрывает лишь их общие системные качества и, понятно, отвлекается от особенностей специальных психических процессов – процессов восприятия и мышления, памяти и научения, речевого общения. Но сами эти процессы существуют только в описанных отношениях системы, на тех или иных ее уровнях. Поэтому, хотя исследования этих процессов составляют особую задачу, они

отнюдь не являются независимыми от того, как решаются проблемы деятельности и сознания, ибо это и определяет их методологию.

И, наконец, главное. Анализ деятельности и индивидуального сознания, конечно, исходит из существования реального телесного субъекта. Однако первоначально, т.е. до и вне этого анализа, субъект выступает лишь как некая абстрактная, психологически "не наполненная" целостность. Только в результате пройденного исследованием пути субъект открывает себя и конкретно-психологически – как личность. Вместе с тем обнаруживается, что анализ индивидуального сознания, в свою очередь, не может обойтись без обращения к категории личности. Поэтому в этот анализ пришлось ввести такие понятия, как понятия о "пристрастности сознания" и о "личностном смысле", за которыми скрывается дальнейшая, еще не затронутая проблема – проблема системного психологического исследования личности.

Глава V. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ

1. ЛИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтобы преодолеть господствующую в психологии диадическую схему, нужно было прежде всего вычленивать то "среднее звено", которое опосредствует связи субъекта с реальным миром. Поэтому мы начали с анализа деятельности, ее общего строения. Однако тотчас обнаружилось, что в определение деятельности необходимо входит понятие о ее предмете, что деятельность по самой своей природе является предметной.

Другое дело – понятие о субъекте деятельности. Первоначально, т.е. до выяснения важнейших моментов, образующих процесс деятельности, субъект остается как бы за пределами исследования. Он выступает лишь в качестве предпосылки деятельности, ее условия. Только дальнейший анализ движения деятельности и порождаемых им форм психического отражения приводит к необходимости ввести понятие о конкретном субъекте, о личности как о внутреннем моменте деятельности. Категория деятельности открывается теперь в своей действительной полноте, в качестве объемлющей оба полюса – и полюс объекта, и полюс субъекта.

Изучение личности как момента деятельности и ее продукта составляет специальную, хотя и не отдельную, психологическую проблему. Проблема эта является одной из самых сложных. Серьезные трудности возникают уже при попытках выяснить, какая реальность описывается в научной психологии термином "личность".

Личность является не только предметом психологии, но и предметом философского, общественно-исторического познания; наконец, на определенном уровне анализа личность выступает со стороны своих природных, биологических особенностей как предмет антропологии, соматологии и генетики человека. Интуитивно мы достаточно хорошо знаем, в чем состоят здесь различия. Тем не менее в психологических теориях личности постоянно возникают грубые смешения и неоправданные противопоставления этих подходов к исследованию личности.

Лишь немногие общие положения о личности принимаются, с теми или иными оговорками, всеми авторами. Одно из них состоит в том, что личность представляет собой некое неповторимое единство, некую целостность. Другое положение заключается в признании за личностью роли высшей интегрирующей инстанции, управляющей психическими процессами (Джемс называл личность "хозяином" психических функций, Г.Олпорт – "определителем поведений и мыслей"). Однако попытки дальнейшей интерпретации этих положений привели в психологии к ряду ложных идей, мистифицирующих проблему личности.

Прежде всего это идея, противопоставляющая "личностную психологию" психологии, изучающей конкретные процессы (психические функции). Одна из попыток преодолеть это противопоставление выражается в требовании сделать личность "исходным пунктом объяснения любых психических явлений", "центром, исходя из которого только и можно решать все проблемы психологии", так что необходимость в специальном разделе психологии – психологии личности – отпадает. ^[114] С этим требованием можно согласиться, – но лишь в том случае, если видеть в нем лишь выражение некоей весьма общей мысли, отвлекающейся от конкретных задач и методов психологического исследования. Несмотря на всю убедительность старого афоризма о том, что "мыслит не мышление, а человек", это требование является методологически наивным по той простой причине, что субъект до аналитического изучения его высших жизненных проявлений неизбежно выступает либо как абстрактная, "ненаполненная" целостность, либо как метапсихологическое "я" (persone), обладающее изначально заложенными в нем диспозициями или целями. Последнее, как известно, постулируется всеми персоналистическими теориями. При этом безразлично, рассматривается ли личность с биологизаторских, органистических позиций, или как чисто духовное начало, или, наконец, как некая "психофизиологическая нейтральность". ^[115]

Впрочем, требование "личностного подхода" в психологии иногда понимается в том смысле, что при изучении отдельных психологических процессов внимание исследователя должно быть прежде всего сосредоточено на индивидуальных особенностях. Но это отнюдь не решает проблемы, так как а priori мы не можем судить о том, какие из этих особенностей характеризуют личность, а какие – нет. Входят ли в психологическую характеристику личности, например, скорость реакций человека, объем его памяти или умение печатать на машинке?

Один из способов обойти этот капитальный вопрос психологической теории состоит в том, что под понятием личности разумеется человек в его эмпирической тотальности. Психология личности превращается, таким образом, в особого рода антропологию, включающую в себя все – от исследования

особенностей обменных процессов до исследования индивидуальных различий в отдельных психических функциях. ^[116]

Конечно, комплексный подход к человеку является не только возможным, но и необходимым. Комплексное изучение человека ("человеческого фактора") приобрело сейчас первостепенное значение, но именно это обстоятельство и выдвигает психологическую проблему личности как особую. Ведь никакая система знаний о тотальном объекте не дает нам его действительного понимания, если в ней отсутствует одна из существенных специфических его характеристик. Так обстоит дело и с изучением человека: психологическое исследование его как личности отнюдь не может быть возмещено комплексом сопоставляемых между собой морфологических, физиологических и отдельных функционально-психологических данных. Растворяясь в них, она в конечном счете оказывается редуцированной либо к биологическим, либо к абстрактно-социологическим, культурологическим представлениям о человеке.

Настоящим камнем преткновения в исследовании личности до сих пор остается вопрос о соотношении общей и дифференциальной психологии. Большинство авторов избирает дифференциально-психологическое направление. Беря свое начало от Гальтона и Спирмена, направление это вначале ограничивалось исследованием умственных способностей, впоследствии оно охватило изучение личности в целом. Уже Спирмен распространил идею факторов на особенности воли и аффективности, выделив наряду с общим фактором "g" фактор "s". ^[117] Дальнейшие шаги были сделаны Кеттелом, предложившим многомерную и иерархическую модель факторов (черт) личности, среди которых рассматриваются такие, как эмоциональная стабильность, экспансивность, самоуверенность. ^[118]

Метод исследования, развиваемый этим направлением, состоит, как известно, в изучении статистических связей между отдельными чертами личности (ее свойствами, способностями или поведением), выявляемыми посредством их тестирования. Устанавливаемые корреляционные связи между ними и служат основанием для выделения гипотетических факторов и "суперфакторов", которые обуславливают эти связи. Таковы, например, факторы интроверсии и нейротизма, образующие, по Айзенку, вершину факторной иерархической структуры, которая отождествляется им с психологическим типом личности. ^[119] Таким образом, за понятием личности выступает некое "общее", которое выделяется посредством тех или иных процедур статистической обработки количественно выраженных признаков, отбираемых по статистическим же критериям. Поэтому, несмотря на то, что в основе характеристики этого "общего" лежат эмпирические данные, оно все же остается, по существу, метапсихологическим, не нуждающимся в психологическом объяснении. Если попытки его объяснения и предпринимаются, то они идут по линии поиска соответствующих морфофизиологических коррелятов (типы высшей нервной деятельности Павлова, конституции Кречмера-Шелдона, переменные Айзенка), что возвращает нас к органистическим теориям.

Характерный для этого направления эмпиризм, собственно, и не может дать большего. Изучение корреляций и факторный анализ имеют дело с вариациями признаков, которые выделяются лишь постольку, поскольку они выражаются в доступных измерению индивидуальных или групповых различиях.

Соответствующие количественные данные – будут ли они относиться к скорости реакции, к строению скелета, особенностям вегетативной сферы или к числу и характеру образов, продуцируемых испытуемыми при рассматривании чернильных пятен, – подвергаются обработке безотносительно к тому, в каком отношении находятся измеренные признаки к особенностям, существенно характеризующим человеческую личность.

Сказанное, конечно, вовсе не значит, что применение в психологии личности метода корреляций вообще невозможно. Речь идет о другом: о том, что сам по себе метод корреляции эмпирического набора индивидуальных свойств является для психологического раскрытия личности еще недостаточным, так как выделение этих свойств нуждается в основаниях, которые не могут быть извлечены из них самих.

Задача найти эти основания возникает, как только мы отказываемся от понимания личности как некоей целостности, охватывающей совокупность всех особенностей человека – "от политических взглядов до переваривания пищи".^[120] Из факта множественности свойств и особенностей человека вовсе не следует, что психологическая теория личности должна стремиться к глобальному их охвату. Ведь человек как эмпирическая целостность проявляет свои свойства во всех формах взаимодействия, в которые он вовлечен. Падая из окна многоэтажного дома, он конечно же обнаружит свойства, присущие ему как физическому телу, обладающему массой, объемом и т.д.; возможно, что, ударившись о мостовую, он получит увечья или погибнет, и в этом тоже проявятся его свойства, а именно свойства его морфологии. Никому, однако, не придет в голову включать подобные свойства в характеристику личности, сколь бы статистически надежно ни были установлены связи между весом тела или индивидуальными особенностями скелета и, скажем, памятью на цифры.^[121]

Когда в повседневной жизни мы даем характеристику личности человека, то мы без особых колебаний включаем в нее такие черты, как, например, силу воли ("сильная личность", "слабохарактерный человек"), отношение к людям ("доброжелательный", "равнодушный") и т.п., но обычно не относим к числу личностных такие особенности, как, например, разрез глаз или умение считать на счетах; мы делаем это, не пользуясь никаким разумным критерием для различения "личностных" и "не-личностных" особенностей. Если идти путем перебора и сопоставления отдельных психологических и иных особенностей, то такой критерий вообще не может быть найден. Дело в том, что одни и те же особенности человека могут стоять в разном отношении к его личности. В одном случае они выступают как безразличные, в другом – те же особенности существенно входят в ее характеристику.

Последнее обстоятельство делает особенно очевидным то, что вопреки широко распространенным взглядам никакое эмпирическое дифференциальное исследование не способно дать решения психологической проблемы личности; что, напротив, само дифференциальное исследование возможно только на основе общепсихологической теории личности. Фактически именно так и обстоит дело: за любым дифференциально-психологическим исследованием личности – тестологическим или клиническим – всегда лежит та или иная, явно или неявно выраженная, общетеоретическая концепция.

Несмотря на кажущуюся пестроту и даже взаимную непримиримость современных психологических теорий личности, большинство из них сохраняет

характерную для домарксистской и немарксистской психологии диадическую схему анализа, о несостоятельности которой я уже говорил. Теперь эта схема выступает в новом обличье – в виде теории двух факторов формирования личности: наследственности и среды. Какую бы особенность человека мы ни взяли, она объясняется, согласно этой теории, с одной стороны, действием наследственности (заложенными в генотипе инстинктами, влечениями, способностями или даже априорными категориями), а с другой – влиянием внешней среды (природной и социальной – языка, культуры, обучения и т.д.). С точки зрения здравого рассудка другого объяснения, собственно, и нельзя предложить. Однако обыденный здравый рассудок, по остроумному замечанию Энгельса, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе, переживает самые удивительные приключения, как только он отважится выйти на простор исследования. ^[122]

Кажущаяся непреодолимость теории двух факторов приводит к тому, что споры ведутся главным образом вокруг вопроса о значении каждого из этих факторов: одни настаивают на том, что главной детерминантой является наследственность и что внешняя среда, социальные воздействия обуславливают лишь возможности и формы проявления той программы, с которой родится человек; другие выводят важнейшие особенности личности непосредственно из особенностей социальной среды, из "социокультурных матриц". Однако, при всем различии идейного и политического смысла высказываемых взглядов, все они сохраняют позицию двойной детерминации личности, так как просто игнорировать один из факторов, о которых идет речь, значило бы идти против эмпирически доказуемого влияния обоих. ^[123]

Взгляды на соотношения биологического и социального факторов как на простое их скрещивание или делящие психику человека на сосуществующие эндосферу и экзосферу уступили свое место более сложным представлениям. Они возникли в связи с тем, что движение анализа как бы обернулось: главной стала проблема внутренней структуры самой личности, образующие ее уровни, их соотношения. Так, в частности, возникло представление о характеризующем личность соотношении сознательного и бессознательного, развитое З.Фрейдом. Выделенное им "либидо" представляет собой не только биоэнергетический источник активности, но и особую инстанцию в личности – "оно" (id), противостоящую "я" (ego) и "сверх-я" (super-ego); генетические и функциональные связи между этими инстанциями, осуществляемые посредством специальных механизмов (вытеснения, цензуры, символизации, сублимации), и образуют структуру личности.

Здесь нет необходимости вдаваться в критику фрейдизма, взглядов Адлера, Юнга и их современных продолжателей. Совершенно очевидно, что взгляды эти не только не преодолевают, но, напротив, обостряют теорию двух факторов, превращая идею их конвергенции в смысле В.Штерна или Д.Дьюи в идею конфронтации между ними.

Другое направление, в котором развивался подход к личности со стороны ее внутреннего строения, представлено культурно-антропологическими концепциями. Отправными для них явились этнологические данные, которые показали, что существенные психологические особенности определяются различиями не человеческой природы, а человеческой культуры; что, соответственно, система личности есть не что иное, как индивидуализированная

система культуры, в которую включается человек в процессе его "культуризации". Нужно сказать, что в этой связи приводится множество наблюдений, начиная с известных работ М.Мид, которая показала, например, что даже такое устойчивое явление, как психологический кризис в подростковом возрасте, не может быть объяснено наступлением полового созревания, так как в некоторых культурах этого кризиса не существует. ^[124] Аргументы черпаются также из обследований лиц, внезапно перемещенных в новое культурное окружение, и, наконец, из экспериментальных исследований таких специальных явлений, как влияние преобладающих в данной культуре объектов на исход борьбы зрительных полей и т.п. ^[125]

Для психологии значение культурно-антропологических интерпретаций личности является, однако, иллюзорным: они неизбежно ведут к антипсихологизму. Уже в 40-х годах Линтон указывал на возникающую здесь трудность, которая состоит в том, что культура реально существует лишь в своей концептуализированной форме как обобщенный "конструкт". Ее носители – это, конечно, конкретные люди, каждый из которых частично ее усваивает; в них она персонифицируется и индивидуализируется, но при этом она образует не личностное в человека, а то, что, напротив, является в нем безличным, как, например, общий язык, знания, распространенные в данной социальной среде предрассудки, моды и т.д. ^[126] Поэтому для психологии личности значение обобщенного понятия (construct) культуры является, по выражению Олпорта, "обманчивым". ^[127] Психолога интересует индивид как личность, а личность – это не просто сколок, частичная персонификация той или иной культуры. Культура, хотя она и существует в своих персонификациях, составляет предмет истории, социологии, а не психологии.

Культурологические теории вводят в этой связи различие собственно личности как продукта индивидуальной адаптации к внешним ситуациям и ее общей "базы", или архетипа, который проявляется у человека с детства под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу. Введение этого различия, однако, ничего не решает, потому что образование архетипа само нуждается в дальнейшем объяснении и допускает различные интерпретации, в частности психоаналитические. При этом общая "двухфакторная" схема остается, хотя и в несколько трансформированном виде. Понятие генотипа (наследственности) теперь осложняется введением понятия базовой личности, архетипа, или первичных установок, а понятие внешней среды – введением понятий ситуации и роли. Последнее и стало сейчас чуть ли не центральным в социальной психологии личности.

По широко распространенному определению, "роль" – это программа, которая отвечает ожидаемому поведению человека, занимающего определенное место в структуре той или иной социальной группы, это структурированный способ его участия в жизни общества. Личность и представляет собой не что иное, как систему усвоенных (интернализированных) "ролей". В социальной группе, которая образует семью, это "роль" сына, отца и т.д.; на работе – "роль", скажем, врача или учителя. В неопределенных ситуациях "роль" тоже возникает, только в этом случае в "роли" гораздо больше проявляются черты архетипа и индивидуально приобретенного опыта. Каждый из нас, разумеется, принимает на себя те или иные социальные (например, профессиональные) функции и в этом смысле – "роли". Однако идея прямого сведения личности к

совокупности "ролей", которые исполняет человек, является – несмотря на всевозможные оговорки адептов этой идеи – одной из самых чудовищных. Конечно, ребенок усваивает то, как он должен вести себя с мамой, скажем, что ее нужно слушаться, и он слушается, но можно ли сказать, что при этом он играет роль сына или дочери? Столь же нелепо говорить, например, о "роли" полярного исследователя, "акцептированной" Нансеном: для него это не "роль", а миссия. Иногда человек действительно разыгрывает ту или иную роль, но она все же остается для него только "ролью", независимо от того, насколько он интернализирована. "Роль" – не личность, а, скорее, изображение, за которым она скрывается. Если воспользоваться терминологией П.Жане, понятие роли соотносительно не понятию личности (personnalite), а понятию персонажа (personnage). ^[128]

Важнейшими возражениями против "ролевых" теорий являются не те, которые идут по линии критики того или иного понимания места, отводимого ролям в структуре личности, а те, которые направлены против самой идеи, связывающей личность с запрограммированным поведением (Гандерсон), даже если программа поведения предусматривает ее самоизменение и создание новых программ и подпрограмм. ^[129] Что бы вы сказали, спрашивает цитируемый автор, если бы узнали, что "она" лишь искусно играла перед вами роль?

Судьба концепции ролей та же, что и других "социологических", культур-антропологических концепций, остающихся в плену теории двух факторов: чтобы спасти психологическое в личности, она вынуждена апеллировать к темпераменту и способностям, заложенным в генотипе индивида, и мы снова возвращаемся к ложному вопросу о том, что является главным – генотипические особенности человека или воздействия социальной среды. Более того, нас предупреждают об опасности любой односторонности. Лучше всего, говорят нам, сохранять в решении этой проблемы "разумное равновесие". ^[130]

Итак, на деле методологическая премудрость этих концепций сводится к формуле вульгарного эклектизма: "и то и другое", "с одной стороны, с другой стороны". С позиций сей премудрости свершается суд и над психологами-марксистами: они – де повинны (вместе с защитниками культурологии!) в недооценке внутреннего в личности, ее "внутренней структуры". ^[131] Понятно, что высказывания такого рода могут возникнуть только в результате бессмысленных попыток уложить взгляды марксизма на личность в глубоко чуждые им концептуальные схемы.

Дело вовсе не в том, чтобы констатировать, что человек есть и природное, и общественное существо. Это бесспорное положение указывает лишь на разные системные качества, проявляемые человеком, и ничего еще не говорит о сущности его личности, о том, что ее порождает. А в этом как раз и заключается научная задача. Задача эта требует понять личность как психологическое новообразование, которое формируется в жизненных отношениях индивида, в результате преобразования его деятельности. Но для этого необходимо с порога отбросить представление о личности как о продукте совокупного действия разных сил, из которых одна скрыта, как в мешке, "за поверхностью кожи" человека (что бы в этот мешок не сваливали), а другая лежит во внешней среде (как бы мы эту силу ни трактовали – как силу воздействия стимульных

ситуаций, культурных матриц или социальных "экспектаций"). Ведь никакое развитие непосредственно не выводимо из того, что составляет лишь необходимые его предпосылки, сколь бы детально мы их ни описывали. Марксистский диалектический метод требует идти дальше и исследовать развитие как процесс "самодвижения", т.е. исследовать его внутренние движущие отношения, противоречия и взаимопереходы, так что его предпосылки выступают как в нем же трансформирующиеся, его собственные моменты. ^[132]

Такой подход необходимо приводит к положению об общественно-исторической сущности личности. Положение это означает, что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) лишь как индивид, наделенный определенными природными свойствами и способностями, и что личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений. Иначе говоря, в отличие от индивида личность человека ни в каком смысле не является предсуществующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается. Исследование процесса порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к ее подлинно научному психологическому пониманию.

2. ИНДИВИД И ЛИЧНОСТЬ

Изучая особый класс жизненных процессов, научная психология необходимо рассматривает их как проявления жизни материального субъекта. В тех случаях, когда имеется в виду отдельный субъект (а не вид, не сообщество, не общество), мы говорим о соли или, если мы хотим подчеркнуть также и его отличия от других представителей вида, индивид.

Понятие "индивид" выражает неделимость, целостность и особенности конкретного субъекта, возникающие уже на ранних ступенях развития жизни. Индивид как целостность – это продукт биологической эволюции, в ходе которой происходит не только процесс дифференциации органов и функций, но также и их интеграции, их взаимного "слаживания". Процесс такого внутреннего слаживания хорошо известен, он отмечался Дарвином, описывался в терминах коррелятивного приспособления Кювье, Плате, Осборном и другими. Функцию вторичных коррелятивных изменений организмов, создающих целостность из организации, особенно подчеркнул в своей "гипотезе корреляции" А.Н.Северцов.

Индивид – это прежде всего генотипическое образование. Но индивид является не только образованием генотипическим, его формирование продолжается, как известно, и в онтогенезе, прижизненно. Поэтому в характеристику индивида входят также свойства и их интеграции, складывающиеся онтогенетически. Речь идет о возникающих "сплавах" врожденных и приобретенных реакций, об изменении предметного содержания потребностей, о формирующихся доминантах поведения. Наиболее общее правило состоит здесь в том, что, чем выше мы поднимаемся по лестнице биологической эволюции, чем сложнее становятся жизненные проявления индивидов и их организация, тем более выраженными становятся различия в их

порожденных и прижизненно приобретаемых особенностях, тем более, если можно так выразиться, индивиды индивидуализируются.

Итак, в основе понятия индивида лежит факт неделимости, целостности субъекта и наличия свойственных ему особенностей. Представляя собой продукт филогенетического и онтогенетического развития в определенных внешних условиях, индивид, однако, отнюдь не является простой "калькой" этих условий, это именно продукт развития жизни, взаимодействия со средой, а не среды, взятой самой по себе.

Все это достаточно известно, и если я все же начал с понятия индивида, то лишь потому, что в психологии оно употребляется в чрезмерно широком значении, приводящем к неразличению особенностей человека как индивида и его особенностей как личности. Но как раз их четкое различение, а соответственно и лежащее в его основе различение понятий "индивид" и "личность" составляет необходимую предпосылку психологического анализа личности.

Наш язык хорошо отражает несовпадение этих понятий: слово личность употребляется нами только по отношению к человеку, и притом начиная лишь с некоторого этапа его развития. Мы не говорим "личность животного" или "личность новорожденного". Никто, однако, не затрудняется говорить о животном и о новорожденном как об индивидах, об их индивидуальных особенностях (возбудимое, спокойное, агрессивное животное и т.д.; то же, конечно, и о новорожденном). Мы всерьез не говорим о личности даже и двухлетнего ребенка, хотя он проявляет не только свои генотипические особенности, но и великое множество особенностей, приобретенных под воздействием социального окружения; кстати сказать, это обстоятельство лишней раз свидетельствует против понимания личности как продукта перекрещивания биологического и социального факторов. Любопытно, наконец, что в психопатологии описываются случаи раздвоения личности, и это отнюдь не фигуральное только выражение; но никакой патологический процесс не может привести к раздвоению индивида: раздвоенный, "разделенный" индивид есть бессмыслица, противоречие в терминах.

Понятие личности, так же как и понятие индивида, выражает целостность субъекта жизни; личность не состоит из кусочков, это не "полипняк". Но личность представляет собой целостное образование особого рода. Личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не рождаются, личностью становятся. Потому-то мы и не говорим о личности новорожденного или о личности младенца, хотя черты индивидуальности проявляются на ранних ступенях онтогенеза из менее ярко, чем на более поздних возрастных этапах. Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека. Об этом писал, в частности, и С.Л. Рубинштейн. ^[133]

Это положение может быть, однако, интерпретировано по-разному. Одна из возможных его интерпретаций состоит в следующем: врожденный, если можно так выразиться, индивид не есть еще индивид вполне "готовый", и вначале многие его черты даны лишь виртуально, как возможность; процесс его формирования продолжается в ходе онтогенетического развития, пока у него не развернутся все его особенности, образующие относительно устойчивую структуру; личность якобы и является результатом процесса вызревания

генотипических черт под влиянием воздействий социальной среды. Именно эта интерпретация свойственна в той или иной форме большинству современных концепций.

Другое понимание состоит в том, что формирование личности есть процесс *sui generis*, прямо не совпадающий с процессом прижизненного изменения природных свойств индивида в ходе его приспособления к внешней среде. Человек как природное существо есть индивид, обладающий той или иной физической конституцией, типом нервной системы, темпераментом, динамическими силами биологических потребностей, аффективности и многими другими чертами, которые в ходе онтогенетического развития частью разворачиваются, а частью подавляются, словом, многообразно меняются. Однако не изменения этих врожденных свойств человека порождают его личность.

Личность есть специальное человеческое образование, которое так же не может быть выведено из его приспособительной деятельности, как не могут быть выведены из нее его сознание или его человеческие потребности. Как и сознание человека, как и его потребности (Маркс говорит: производство сознания, производство потребностей), личность человека тоже "производится" – создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. То обстоятельство, что при этом трансформируются, меняются и некоторые его особенности как индивида, составляет не причину, а следствие формирования его личности.

Выразим это иначе: особенности, характеризующие одно единство (индивида), не просто переходят в особенности другого единства, другого образования (личности), так что первые уничтожаются; они сохраняются, но именно как особенности индивида. Так, особенности высшей нервной деятельности индивида не становятся особенностями его личности и не определяют ее. Хотя функционирование нервной системы составляет, конечно, необходимую предпосылку развития личности, по ее тип вовсе не является тем "скелетом", на котором она "надстраивается". Сила или слабость нервных процессов, уравновешенность их и т.д. проявляют себя лишь на уровне механизмов, посредством которых реализуется система отношений индивида с миром. Это и определяет неоднозначность их роли в формировании личности.

Чтобы подчеркнуть сказанное, я позволю себе некоторое отступление. Когда речь заходит о личности, мы привычно ассоциируем ее психологическую характеристику с ближайшим, так сказать субстратом психики – центральными нервными процессами. Представим себе, однако, следующий случай: у ребенка врожденный вывих тазобедренного сустава, обрекающий его на хромоту. Подобная грубо анатомическая исключительность очень далека от того класса особенностей, которые входят в перечни особенностей личности (в так называемую их "структуру"), тем не менее ее значение для формирования личности несопоставимо больше, чем, скажем, слабый тип нервной системы. Подумать только, сверстники гоняют во дворе мяч, а хромающий мальчик – в сторонке; потом, когда он становится постарше и приходит время танцев, ему не остается ничего другого, как "подпирать стенку". Как сложится в этих условиях его личность? Этого невозможно предсказать, невозможно именно потому, что даже столь грубая исключительность индивида однозначно не определяет формирования его как личности. Сама по себе она не способна

породить, скажем, комплекса неполноценности, замкнутости или, напротив, доброжелательной внимательности к людям и вообще никаких собственно психологических особенностей человека как личности. Парадокс в том, что предпосылки развития личности по самому существу своему безличны.

Личность, как и индивид, есть продукт интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта. Существует, однако, фундаментальное отличие того особого образования, которое мы называем личностью. Оно определяется природой самих порождающих его отношений: это специфические для человека общественные отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности. Как мы уже видели, при всем многообразии ее видов и форм, все они характеризуются общностью своего внутреннего строения и предполагают сознательное их регулирование, т.е. наличие сознания, а на известных этапах развития также и самосознания субъекта.

Так же как и сами эти деятельности, процесс их объединения – возникновения, развития и распада связей между ними – есть процесс особого рода, подчиненный особым закономерностям.

Изучения процесса объединения, связывания деятельностей субъекта, в результате которого формируется его личность, представляет собой капитальную задачу психологического исследования. Ее решение, однако, невозможно ни в рамках субъективно – эмпирической психологии, ни в рамках поведенческих или "глубинных" психологических направлений, в том числе и их новейших вариантов. Задача эта требует анализа предметной деятельности субъекта, всегда, конечно, опосредованной процессами сознания, которые и "сшивают" отдельные деятельности между собой. Поэтому демистификация представлений о личности возможна лишь в психологии, в основе которой лежит учение о деятельности, ее строении, ее развитии и ее преобразованиях, о различных ее видах и формах. Только при этом условии полностью уничтожается упомянутое выше противопоставление "личностной психологии" и "психологии функций", так как невозможно противопоставлять личность порождающей ее деятельности. Полностью уничтожается и господствующий в психологии фетишизм – приписывание свойства "быть личностью" самой натуре индивида, так что под давлением внешней среды меняются лишь проявления этого мистического свойства.

Фетишизм, о котором идет речь, является результатом игнорирования того важнейшего положения, что субъект, вступая в обществе в новую систему отношений, обретает также новые – системные – качества, которые только и образуют действительную характеристику личности: психологическую, когда субъект рассматривается в системе деятельностей, осуществляющих его жизнь в обществе, социальную, когда мы рассматриваем его в система объективных отношений общества как их "персонификацию". ^[134]

Здесь мы подходим к главной методологической проблеме, которая кроется за различием понятий "индивид" и "личность". Речь идет о проблеме двойственности качеств социальных объектов, порождаемых двойственностью объективных отношений, в которых они существуют. Как известно, открытие этой двойственности принадлежит Марксу, показавшему двойственный характер труда, производимого продукта и, наконец, двойственность самого человека как "субъекта природы" и "субъекта общества". ^[135]

Для научной психологии личности это фундаментальное методологическое открытие имеет решающее значение. Оно радикально меняет понимание ее предмета и разрушает укоренившиеся в ней схемы, в которые включаются такие разнородные черты или "подструктуры", как, например, моральные качества, знания, навыки и привычки, формы психического отражения и темперамент. Источником подобных "схем личности" является представление о развитии личности как о результате наслаивания прижизненных приобретений на некий предсуществующий метапсихологический базис. Но как раз с этой точки зрения личность как специфически человеческое образование вообще не может быть понята.

Действительный путь исследования личности заключается в изучении тех трансформаций субъекта (или, говоря языком Л.Сэва, "фундаментальных переворачиваний"), которые создаются самодвижением его деятельности в системе общественных отношений. ^[136] На этом пути мы, однако, с самого начала сталкиваемся с необходимостью переосмыслить некоторые общие теоретические положения.

Одно из них, от которого зависит исходная постановка проблемы личности, возвращает нас к уже упомянутому положению о том, что внешние условия действуют через внутренние. "Положение, согласно которому внешние воздействия связаны со своим психическим эффектом опосредствованно через личность, является тем центром, исходя из которого определяется теоретический подход ко всем проблемам психологии личности..." ^[137] То, что внешнее действует через внутреннее, верно, и к тому же безоговорочно верно, для случаев, когда мы рассматриваем эффект того или иного воздействия. Другое дело, если видеть в этом положении ключ к пониманию внутреннего как личности. Автор поясняет, что это внутреннее само зависит от предшествующих внешних воздействий. Но этим возникновение личности как особой целостности, прямо не совпадающей с целостностью индивида, еще не раскрывается, и поэтому по-прежнему остается возможность понимания личности лишь как обогащенного предшествующим опытом индивида.

Мне представляется, что, для того чтобы найти подход к проблеме, следует с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. Положение это имеет совершенно реальный смысл. Ведь первоначально субъект жизни вообще выступает лишь как обладающий, если воспользоваться выражением Энгельса, "самостоятельной силой реакции", но эта сила может действовать" только через внешнее, в этом внешнем и происходит ее переход из возможности в действительность: ее конкретизация, ее развитие и обогащение – словом, ее преобразования, которые суть преобразования и самого субъекта, ее носителя. Теперь, т.е. в качестве преобразованного субъекта, он и выступает как преломляющий в своих текущих состояниях внешние воздействия.

Конечно, сказанное представляет собой лишь теоретическую абстракцию. Но описываемое ею общее движение сохраняется на всех уровнях развития субъекта. Повторю еще раз: ведь какой бы морфофизиологической организацией, какими бы потребностями и инстинктами ни обладал индивид от рождения, они выступают лишь как предпосылки его развития, которые тотчас перестают быть тем, чем они были виртуально, "в себе", как только индивид

начинает действовать. Понимание этой метаморфозы особенно важно, когда мы переходим к человеку, к проблеме его личности.

3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Главная задача состоит в том, чтобы выявить действительные "образующие" личности – этого высшего единства человека, изменчивого, как изменчива сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющего свое постоянство, свою аутоидентичность. Ведь независимо от накапливаемого человеком опыта, от событий, которые меняют его жизненное положение, наконец, независимо от происходящих физических его изменений, он как личность остается и в глазах других людей, и для самого себя тем же самым. Он идентифицируется не только своим именем, его идентифицирует и закон, по крайней мере в пределах, в которых он признается ответственным за свои поступки.

Таким образом, существует известное противоречие между очевидной физической, психофизиологической изменчивостью человека и устойчивостью его как личности. Это и выдвинуло проблему "я" в качестве особой проблемы психологии личности. Она возникает потому, что черты, включаемые в психологическую характеристику личности, выражают явно изменчивое и "прерывное" в человеке, т.е. то, чему как раз противостоит постоянство и непрерывность его "я". Что же образует это постоянство и непрерывность? Персонализм во всех своих вариантах отвечает на этот вопрос, постулируя существование некоего особого начала, образующего ядро личности. Оно-то и обрастает многочисленными жизненными приобретениями, которые способны изменяться, существенно не затрагивая самого этого ядра.

При другом подходе к личности в его основу кладется категория предметной человеческой деятельности, анализ ее внутреннего строения: ее опосредствований и порождаемых ею форм психического отражения.

Такой подход уже с самого начала позволяет дать предварительное решение вопроса о том, что образует устойчивый базис личности, от которого и зависит, что именно входит и что не входит в характеристику человека именно как личности. Решение это исходит из положения, то реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые реализуются, а они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельностей.

Имеются в виду именно деятельности субъекта, которые и являются исходными "единицами" психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, а не непосредственно личность. На первый взгляд это положение кажется противоречащим эмпирическим представлениям о личности и, более того, объединяющим их. Тем не менее оно единственно открывает путь к пониманию личности, в ее действительной психологической конкретности.

Прежде всего на этом пути устраняется главная трудность: определение того, какие процессы и особенности человека относятся к числу

психологически характеризующих его личность, а какие являются в этом смысле нейтральными. Дело в том, что, взятые сами по себе, в абстракции от системы деятельности, они вообще ничего не говорят о своем отношении к личности. Едва ли, например, разумно рассматривать как "личностные" операции письма, способность чистописания. Но вот перед нами образ героя повести Гоголя "Шинель" Акакия Акакиевича Башмачкина. Служил он в некоем департаменте чиновником для переписывания казенных бумаг, и виделся ему в этом занятии целый разнообразный и притягательный мир. Окончив работу, Акакий Акакиевич тотчас шел домой. Наскоро пообедав, вынимал баночку с чернилами и принимался переписывать бумаги, которые он принес домой, если же таковых не случилось, он снимал копии нарочно, для себя, для собственного удовольствия. "Написавшись всласть, – повествует Гоголь, – он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра".

Как произошло, как случилось, что переписывание казенных бумаг заняло центральное место в его личности, стало смыслом его жизни? Мы не знаем конкретных обстоятельств, но так или иначе обстоятельства эти привели к тому, что произошел сдвиг одного из главных мотивов на обычно совершенно безличные операции, которые в силу этого превратились в самостоятельную деятельность, в этом качестве они и выступили как характеризующие личность.

Можно, конечно, рассуждать и иначе, проще: что в это-де проявилась некая "каллиграфическая способность", заложенная в Башмачкине от природы. Но рассуждение это уже совершенно в духе начальников Акакия Акакиевича, которые постоянно видели его все тем же самым прилежным чиновником для письма, "так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет..."

Иногда дело обстоит иначе. В том, что с внешней стороны кажется действиями, имеющими для человека самоценное значение, психологический анализ открывает иное, а именно, что они являются лишь средством достижения целей, действительный мотив которых лежит как бы в совершенно иной плоскости жизни. В этом случае за видимостью одной деятельности скрывается другая. Именно она-то непосредственно и входит в психологический облик личности, какой бы ни была осуществляющая ее совокупность конкретных действий. Последняя составляет как бы только оболочку этой другой деятельности, реализующей то или иное действительное отношение человека к миру, – оболочку, которая зависит от условий, иногда случайных. Вот почему, например, тот факт, что данный человек работает техником, сам по себе еще ничего не говорит о его личности; ее особенности обнаруживают себя не в этом, а в тех отношениях, в которые он неизбежно вступает, может быть, в процессе своего труда, а может быть, и вне этого процесса. Все это почти трюизмы, и я говорю об этом лишь для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что, исходя из набора отдельных психологических или социально – психологических особенностей человека, никакой "структуры личности" получить невозможно, что реальное основание личности человека лежит не в заложенных в нем генетических программах, не в глубинах его природных задатков и влечений и даже не в приобретенных им навыках, знаниях и умениях, в том числе и профессиональных, а в той системе деятельностей, которые реализуются этими знаниями и умениями.

Общий вывод из сказанного состоит в том, что в исследовании личности нельзя ограничиваться выяснением предпосылок, а нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом, так как их развитие радикально меняет значение самих этих предпосылок. Таким образом, направление исследования обращается – не от приобретенных навыков, умений и знаний к характеризующим ими деятельности, а от содержания и связей деятельностей к тому, как и какие процессы их реализуют, делают их возможными.

Уже первые шаги в указанном направлении приводят к возможности выделить очень важный факт. Он заключается в том, что в ходе развития субъекта отдельные его деятельности вступают между собой в иерархические отношения. На уровне личности они отнюдь не образуют простого пучка, лучи которого имеют свой источник и центр в субъекте. Представление о связях между деятельностями как о коренящихся в единстве и целостности их субъекта является оправданным лишь на уровне индивида. На этом уровне (у животного, у младенца) состав деятельностей и их взаимосвязи непосредственно определяются свойствами субъекта – общими и индивидуальными, врожденными и приобретаемыми прижизненно. Например, изменение избирательности и смена деятельности находятся в прямой зависимости от текущих состояний потребностей организма, от изменения его биологических доминант.

Другое дело – иерархические отношения деятельностей, которые характеризуют личность. Их особенностью является их "отвязанность" от состояний организма. Эти иерархии деятельностей порождаются их собственным развитием, они-то и образуют ядро личности.

Иначе говоря, "узлы", соединяющие отдельные деятельности, завязываются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а завязываются они в той системе отношений, в которые вступает субъект.

Наблюдение легко обнаруживает те первые "узлы", с образования которых у ребенка начинается самый ранний этап формирования личности. В очень выразительной форме это явление однажды выступило в опытах с детьми-дошкольниками. Экспериментатор, проводивший опыты, ставил перед ребенком задачу – достать удаленный от него предмет, непременно выполняя правило – не вставать со своего места. Как только ребенок принимался решать задачу, экспериментатор переходил в соседнюю комнату, из которой и продолжал наблюдение, пользуясь обычно применяемым для этого оптическим приспособлением. Однажды после ряда безуспешных попыток малыш встал, подошел к предмету, взял его и спокойно вернулся на место. Экспериментатор тотчас вошел к ребенку, похвалил его за успех и в виде награды предложил ему шоколадную конфету. Ребенок, однако, отказался от нее, а когда экспериментатор стал настаивать, то малыш тихо заплакал.

Что лежит за этим феноменом? В процессе, который мы наблюдали, можно выделить три момента: 1) общение ребенка с экспериментатором, когда ему объяснялась задача; 2) решение задачи и 3) общение с экспериментатором после того, как ребенок взял предмет. Действия ребенка отвечали, таким образом, двум различным мотивам, т.е. осуществляли двоякую деятельность: одну – по отношению к экспериментатору, другую – по отношению к предмету (награде).

Как показывает наблюдение, в то время, когда ребенок доставал предмет, ситуация не переживалась им как конфликтная, как ситуация "сшибки". Иерархическая связь между обеими деятельностями обнаружилась только в момент возобновившегося общения с экспериментатором, так сказать, *post factum*: конфета оказалась горькой, горькой по своему субъективному, личностному смыслу.

Описанное явление принадлежит к самым ранним, переходным. Несмотря на всю наивность, с которой проявляются эти первые соподчинения разных жизненных отношений ребенка, именно они свидетельствуют о начавшемся процессе формирования того особого образования, которое мы называем личностью. Подобные соподчинения никогда не наблюдаются в более младшем возрасте, зато в дальнейшем развитии, в своих несоизмеримо более сложных и "спрятанных" формах они заявляют о себе постоянно. Разве не по аналогичной же схеме возникают такие глубоко личностные явления, как, скажем, угрызания совести?

Развитие, умножение видов деятельности индивида приводит не просто к расширению их "каталога". Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главных, подчиняющих себе другие. Этот сложный и длительный процесс развития личности имеет свои этапы, свои стадии. Процесс этот неотделим от развития сознания, самосознания, но не сознание составляет его первооснову, оно лишь опосредствует и, так сказать, резюмирует его.

Итак, в основании личности лежат отношения соподчиненности человеческих деятельностей, порождаемые ходом их развития. В чем, однако, психологически выражается эта подчиненность, эта иерархия деятельностей? В соответствии с принятым нами определением мы называем деятельностью процесс, побуждаемый и направляемый мотивом – тем, в чем опредмечена та или иная потребность. Иначе говоря, за соотношением деятельностей открывается соотношение мотивов. Мы приходим, таким образом, к необходимости вернуться к анализу мотивов и рассмотреть их развитие, их трансформации, способность к раздвоению их функций и те их смещения, которые происходят внутри системы процессов, образующих жизнь человека как личности.

4. МОТИВЫ, ЭМОЦИИ И ЛИЧНОСТЬ

В современной психологии термином "мотив" (мотивация, мотивирующие факторы) обозначаются совершенно разные явления. Мотивами называют инстинктивные импульсы, ибо логические влечения и аппетиты, а равно переживание эмоций, интересы, желания; в пестром перечне мотивов можно обнаружить такие, как жизненные цели и идеалы, но также и такие, как раздражение электрическим током. ^[138] Нет никакой надобности разбираться во всех тех смещениях понятий и терминов, которые характеризуют нынешнее состояние проблемы мотивов. Задача психологического анализа личности требует рассмотреть лишь главные вопросы.

Прежде всего это вопрос о соотношении мотивов и потребностей. Я уже говорил, что собственно потребность – это всегда потребность в чем-то, что на

психологическом уровне потребности опосредствованы психическим отражением, и притом двояко. С одной стороны, предметы, отвечающие потребностям субъекта, выступают перед ним своими объективными сигнальными признаками. С другой – сигнализируются, чувственно отражаются субъектом и сами потребностные состояния, в простейших случаях – в результате действия интероцептивных раздражителей. При этом важнейшее изменение, характеризующее переход на психологический уровень, состоит в возникновении подвижных связей потребностей с отвечающими им предметами.

Дело в том, что в самом потребностном состоянии субъекта предмет, который способен удовлетворить потребность, жестко не записан. До своего первого удовлетворения потребность "не знает" своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет – свою побудительную и направляющую деятельность функции, т.е. становится мотивом. ^[139]

Подобное понимание мотивов кажется по меньшей мере односторонним, а потребности – исчезающими из психологии. Но это не так. Из психологии исчезают не потребности, а лишь их абстракты – "голые", предметно не наполненные потребностные состояния субъекта. Абстракты эти появляются на сцену в результате обособления потребностей от предметной деятельности субъекта, в которой они единственно обретают свою психологическую конкретность.

Само собой разумеется, что субъект как индивид рождается наделенным потребностями. Но, повторяю это еще раз, потребность как внутренняя сила может реализоваться только в деятельности. Иначе говоря, потребность первоначально выступает лишь как условие, как предпосылка деятельности, но, как только субъект начинает действовать, тотчас происходит ее трансформация, и потребность перестает быть тем, чем она была виртуально, "в себе". Чем дальше идет развитие деятельности, тем более эта ее предпосылка превращается в ее результат.

Трансформация потребностей отчетливо выступает уже на уровне эволюции животных: в результате происходящего изменения и расширения круга предметов, отвечающих потребностям, и способов их удовлетворения развиваются и сами потребности. Это происходит потому, что потребности способны конкретизироваться в потенциально очень широком диапазоне объектов, которые и становятся побудителями деятельности животного, придающими ей определенную направленность. Например, при появлении в среде новых видов пищи и исчезновении прежних пищевая потребность, продолжая удовлетворяться, вместе с тем впитывает теперь в себя новое содержание, т.е. становится иной. Таким образом, развитие потребностей животных происходит путем развития их деятельности по отношению ко все более обогащающемуся кругу предметов; разумеется, что изменение конкретно-предметного содержания потребностей приводит к изменению также и способов их удовлетворения.

Конечно, это общее положение нуждается во многих оговорках и пояснениях, особенно в связи с вопросом о так называемых функциональных потребностях. Но сейчас речь идет не об этом. Главное заключается в

выделении факта трансформации потребностей через предметы в процесс их потребления. А это имеет ключевое значение для понимания природы потребностей человека.

В отличие от развития потребностей у животных, которые зависят от расширения круга потребляемых ими природных предметов, потребности человека порождаются развитием производства. Ведь производство есть непосредственно также и потребление, создающее потребность. Иначе говоря, потребление опосредствуется потребностью в предмете, его восприятием или мысленным его представлением. В этой отраженной своей форме предмет и выступает в качестве идеального, внутренне побуждающего мотива. ^[140]

Однако в психологии потребности чаще всего рассматриваются в отвлечении от главного – от порождающей их раздвоенности потребительного производства, что и ведет к одностороннему объяснению действий людей непосредственно из их потребностей. При этом иногда опираются на высказывание Энгельса, извлеченное из общего контекста его фрагмента, посвященного как раз роли труда в формировании человека, в том числе, разумеется, также и его потребностей. Марксистское понимание далеко от того, чтобы усматривать в потребностях исходный и главный пункт. Вот что пишет в этой связи Маркс: "В качестве нужды, в качестве потребности, потребление само есть внутренний момент производительной деятельности. Но последняя (выделено мной. – А.Л.) есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент – акт, в который снова превращается весь процесс. Индивид производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе..." ^[141]

Итак, перед нами две принципиальные схемы, выражающие связь между потребностью и деятельностью. Первая воспроизводит ту идею, что исходным пунктом является потребность и поэтому процесс в целом выражается циклом: потребность → деятельность → потребность. В ней, как отмечает Л.Сэв, реализуется "материализм потребностей", который соответствует домарксистскому представлению о сфере потребления как основной. Другая, противостоящая ей схема есть схема цикла: деятельность → потребность → деятельность. Эта схема, отвечающая марксистскому пониманию потребностей, является фундаментальной также и для психологии, в которой "никакая концепция, основанная на идее "двигателя", принципиально предшествующего самой деятельности, не может играть роль исходной, способной служить достаточным основанием для научной теории человеческой личности". ^[142]

То положение, что человеческие потребности производятся, имеет, конечно, историко-материалистический смысл. Вместе с тем оно крайне важно для психологии. Это приходится подчеркивать потому, что иногда специфический для психологии подход к проблеме как раз и усматривается в объяснениях, исходящих из самих потребностей, точнее, из вызываемых ими эмоциональных переживаний, которые якобы только и могут объяснить, почему человек ставит перед собой цели и создает новые предметы. ^[143] Конечно, в этом есть своя правда и с этим можно было бы согласиться, если бы не одно обстоятельство: ведь в качестве определителей конкретной деятельности потребности могут выступать только своим предметным содержанием, а это содержание прямо в них не заложено и, следовательно, не может быть из них выведено.

Другая принципиальная трудность возникает в результате полупризнания общественно-исторической природы человеческих потребностей, выражающегося в том, что часть потребностей рассматриваются как социальные по своему происхождению, другие же относятся к числу чисто биологических, принципиально общих у человека и животных. Не требуется, конечно, особой глубины мысли, чтобы открыть общность некоторых потребностей у человека и животных. Ведь человек, как и животные, имеет желудок и испытывает голод – потребность, которую он должен удовлетворять, чтобы поддерживать свое существование. Но человеку свойственны и другие потребности, которые детерминированы не биологически, а социально. Они являются "функционально автономными", или "анастатическими". Сфера потребностей человека оказывается, таким образом, расколотой надвое. Это неизбежный результат рассмотрения "самих потребностей" в их отвлечении от предметных условий и способов их удовлетворения, и соответственно, в отвлечении от деятельности, в которой происходит их трансформация. Но преобразование потребностей на уровне человека охватывает также (и прежде всего) потребности, являющиеся у человека гомологами потребностей животных. "Голод, – замечает Маркс, – есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов". ^[144]

Позитивистская мысль, конечно, видит в этом не более чем поверхностное отличие. Ведь для того, чтобы обнаружить "глубинную" общность потребности в пище у человека и животного, достаточно взять изголодавшегося человека. Но это не более чем софизм. Для изголодавшегося человека пища действительно перестает существовать в своей человеческой форме, и, соответственно, его потребность в пище "расчеловечивается"; но если это что-нибудь и доказывает, то только то, что человека можно довести голоданием до животного состояния, и ровно ничего не говорит о природе его человеческих потребностей.

Хотя потребности человека, удовлетворение которых составляет необходимое условие поддержания физического существования, отличаются от его потребностей, не имеющих своих гомологов у животных, различие это не является абсолютным, и историческое преобразование охватывает всю сферу потребностей.

Вместе с изменением и обогащением предметного содержания потребностей человека происходит также изменение и форм их психического отражения, в результате чего они способны приобретать идеаторный характер и благодаря этому становятся психологически инвариантными; так, пища остается пищей и для голодного, и для сытого человека. Вместе с тем развитие духовного производства порождает такие потребности, которые могут существовать только при наличии "плана сознания". Наконец, формируется особый тип потребностей – потребностей предметно-функциональных, таких, как потребность в труде, художественном творчестве и т.д. Самое же главное состоит в том, что у человека потребности вступают в новые отношения друг с другом. Хотя удовлетворение витальных потребностей остается для человека "первым делом" и неустранимым условием его жизни, высшие, специально-человеческие потребности вовсе не образуют лишь наслаивающиеся на них поверхностные образования. Поэтому и происходит так, что когда на одну чашу весов ложатся фундаментальнейшие витальные потребности человека, а на

другую – его высшие потребности, то перевесить могут как раз последние. Это общеизвестно и не требует доказательства.

Верно, конечно, что общий путь, который проходит развитие человеческих потребностей, начинается с того, что человек действует для удовлетворения своих элементарных, витальных потребностей; но далее это отношение обращается, и человек удовлетворяет свои витальные потребности для того, чтобы действовать. Это и есть принципиальный путь развития потребностей человека. Путь этот, однако, не может быть непосредственно выведен из движения самих потребностей, потому что за ним скрывается развитие их предметного содержания, т.е. конкретных мотивов деятельности человека.

Таким образом, психологический анализ потребностей неизбежно преобразуется в анализ мотивов. Для этого, однако, необходимо преодолеть традиционное субъективистское понимание мотивов, которое приводит к смешению совершенно разнородных явлений и совершенно различных уровней регуляции деятельности. Здесь мы встречаемся с настоящим сопротивлением: разве не очевидно, говорят нам, что человек, действует потому, что он хочет. Но субъективные переживания, хотения, желания и т.п. не являются мотивами потому, что сами по себе они не способны породить направленную деятельность, и, следовательно, главный психологический вопрос состоит в том, чтобы понять, в чем состоит предмет данного хотения, желания или страсти.

Еще меньше, конечно, оснований называть мотивами деятельности такие факторы, как тенденция к воспроизведению стереотипов поведения, тенденция к завершению начатого действия и т.д. В ходе осуществления деятельности возникает, конечно, множество "динамических сил". Однако силы эти могут быть отнесены к категории мотивов не с большим основанием, чем, например, инерция движения человеческого тела, действие которой тотчас обнаруживает себя, когда, например, быстро бегущий человек наталкивается на внезапно возникшее препятствие.

Особое место в теории мотивов деятельности занимают открыто гедонистические концепции, суть которых состоит в том, что всякая деятельность человека якобы подчиняется принципу максимизации положительных и минимизации отрицательных эмоций. Отсюда достижение удовольствия и освобождение от страдания и составляют подлинные мотивы, движущие человеком. Именно в гедонистических концепциях, как в фокусе линзы, собраны все идеологически извращенные представления о смысле существования человека, о его личности. Как и всякая большая ложь, концепции эти опираются на фальсифицируемую ими правду. Правда эта состоит в том, что человек действительно стремится быть счастливым. Но психологический гедонизм как раз и вступает в противоречие с этой настоящей большой правдой, разменивая ее на мелкую монету "подкреплений" и "самоподкреплений" в духе скиннеровского бихевиоризма.

Человеческая деятельность отнюдь не побуждается и не управляется так, как поведение лабораторных крыс с вживленными в мозговые "центры удовольствия" электродами, которые, если обучить их включению тока, бесконечно предаются этому занятию. ^[145] Можно, конечно, сослаться на сходные явления и у человека, такие, как, например, потребление наркотиков или гиперболизация секса; однако явления эти решительно ничего не говорят о

действительной природе мотивов, об утверждающей себя человеческой жизни. Она ими, наоборот, разрушается.

Несостоятельность гедонистических концепций мотивации состоит, разумеется, не в том, что они преувеличивают роль эмоциональных переживаний в регулировании деятельности, а в том, что они уплощают и извращают реальные отношения. Эмоции не подчиняют себе деятельность, а являются ее результатом и "механизмом" ее движения.

В свое время Дж. Ст. Милль писал: "Я понял, что для того, чтобы быть счастливым, человек должен поставить перед собой какую-нибудь цель; тогда, стремясь к ней, он будет испытывать счастье, не заботясь о нем". Такова "хитрая" стратегия счастья. Это, говорил он, психологический закон.

Эмоции выполняют функцию внутренних сигналов, внутренних в том смысле, что они не являются психическим отражением непосредственно самой предметной действительности. Особенность эмоций состоит в том, что они отражают отношения между мотивами (потребностями) и успехом или возможностью успешной реализации отвечающей им деятельности субъекта. [146] При этом речь идет не о рефлексии этих отношений, а о непосредственно-чувственном их отражении, о переживании. Таким образом, они возникают вслед за актуализацией мотива (потребности) и до рациональной оценки субъектом своей деятельности.

Я не могу останавливаться здесь на анализе различных гипотез, которые так или иначе выражают факт зависимости эмоций от соотношения между "бытием и долженствованием". Замечу только, что факт, который прежде всего должен быть принят во внимание, заключается в том, что эмоции релевантны деятельности, а не реализующим ее действиям или операциям. Поэтому-то одни и те же процессы, осуществляющие разные деятельности, могут приобретать разную и даже противоположную эмоциональную окраску. Иначе говоря, роль положительного или отрицательно "санкционирования" выполняется эмоциями по отношению к эффектам, заданным мотивом. Даже успешное выполнение того или иного действия вовсе не всегда ведет к положительной эмоции, оно может породить и резко отрицательное переживание, сигнализирующее о том, что со стороны ведущего для личности мотива достигнутый успех психологически является поражением. Это относится и к уровню простейших приспособительных реакций. Акт чихания сам по себе, т.е. исключенный из каких бы то ни было отношений, вызывает, говорят нам, удовольствие; однако совсем иное чувство переживает герой рассказа Чехова, чихнувший в театре: это вызывает у него эмоцию ужаса, и он совершает ряд поступков, в результате которых погибает...

Многообразие и сложность эмоциональных состояний являются результатом раздвоения первичной чувственности, в которой ее познавательные и аффективные моменты слиты. Это раздвоение нельзя, конечно, представлять себе так, что эмоциональные состояния приобретают независимое от предметного мира существование. Возникая в предметных ситуациях, они как бы "метят" на своем языке эти ситуации и отдельные объекты, иногда даже входящие в них случайно или косвенно. Достаточно сослаться на обычное явление приписывания эмоционального знака самим вещам или отдельным людям, на формирование так называемых "аффективных комплексов" и т.п. Речь идет о другом, а именно о возникающей дифференциации в образе его

предметного содержания и его эмоциональной окраски и о том, что в условиях сложных опосредствований человеческой деятельности аффектогенность объектов способна меняться (непредвиденная встреча с медведем обычно вызывает страх, однако при наличии специального мотива, например в ситуации охоты, встреча с ним может радовать). Главное же состоит в том, что эмоциональные процессы и состояния имеют у человека свое собственное положительное развитие. Это приходится специально подчеркивать, так как классические концепции человеческих эмоций как "рудиментов", идущие от Дарвина, рассматривают их трансформацию у человека как их инволюцию, что и порождает ложный идеал воспитания, сводящийся к требованию "подчинять чувства холодному рассудку".

Противоположный подход к проблеме состоит в том, что эмоциональные состояния имеют у человека свою историю, свое развитие. При этом происходит изменение их функций и их дифференциация, так что они образуют существенно разные уровни и классы. Это аффекты, возникающие внезапно и мимовольно (мы говорим: меня охватил гнев, но я обрадовался); далее, это собственно эмоции – состояния преимущественно идеаторные и ситуационные, с ними связаны предметные чувства, т.е. устойчивые, "кристаллизованные", по образному выражению Стендаля, в предмете эмоциональные переживания; наконец, это настроения – очень важные по своей "личностной" функции субъективные явления. Не вдаваясь в анализ этих различных классов эмоциональных состояний, замечу только, что они вступают между собой в сложные отношения: младший Ростов перед боем боится (и это эмоция), что им овладеет страх (аффект); мать может не на шутку рассердиться на напроказившего ребенка, ни на минуту не переставая его любить (чувство).

Многообразие эмоциональных явлений, сложность их взаимосвязей и исходов достаточно хорошо схватывается субъективно. Однако как только психология покидает плоскость феноменологии, то оказывается, что ей доступно исследование лишь самых грубых состояний. Так обстоит дело в периферических теориях (Джемс прямо говорил, что его теория не касается высших эмоций); так же обстоит дело и в современных психофизиологических концепциях.

Другой подход к проблеме эмоций состоит в том, чтобы исследовать "межмотивационные" отношения, которые, складываясь, характеризуют собой строение личности, а вместе с ним и сферу отражающих и опосредствующих ее функционирование эмоциональных переживаний.

Генетически исходным для человеческой деятельности является несовпадение мотивов и целей. Напротив, их совпадение есть вторичное явление; либо результат приобретения целью самостоятельной побудительной силы, либо результат осознания мотивов, превращающего их в мотивы-цели. В отличие от целей, мотивы актуально не сознаются субъектом: когда мы совершаем те или иные действия, то в этот момент мы обычно не отдаем себе отчета в мотивах, которые их побуждают. Правда, нам нетрудно привести их мотивировку, но мотивировка вовсе не всегда содержит в себе указание на их действительный мотив.

Мотивы, однако, не отделены от сознания. Даже когда мотивы не сознаются, т.е. когда человек не отдает себе отчета в том, что побуждает его совершать те или иные действия, они все же находят свое психическое отражение, но в

особой форме – в форме эмоциональной окраски действий. Эта эмоциональная окраска (ее интенсивность, ее знак и ее качественная характеристика) выполняет специфическую функцию, что и требует различать понятие эмоции и понятие личностного смысла. Их несовпадение не является, однако, изначально: по-видимому, на более низких уровнях предметы потребности как раз непосредственно "метятся" эмоцией. Несовпадение это возникает лишь в результате происходящего в ходе развития человеческой деятельности раздвоения функций мотивов.

Такое раздвоение возникает вследствие того, что деятельность необходимо становится полимотивированной, т.е. одновременно отвечающей двум или нескольким мотивам. ^[147] Ведь действия человека объективно всегда реализуют некоторую совокупность отношений: к предметному миру, к окружающим людям, к обществу, к самому себе. Так, трудовая деятельность общественно мотивирована, но она управляется также такими мотивами, как, скажем, материальное вознаграждение. Оба эти мотива хотя и сосуществуют, но лежат как бы в разных плоскостях. В условиях социалистических отношений смысл труда порождается для рабочего общественными мотивами; что же касается материального вознаграждения, то этот мотив, конечно, тоже выступает для него, но лишь в функции стимулирования, хотя и побуждает, "динамизирует" деятельность, но лишен главной функции – функции смыслообразования.

Таким образом, одни мотивы, побуждая деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл; мы будем называть их смыслообразующими мотивами. Другие, сосуществующие с ними, выполняя роль побудительных факторов (положительных или отрицательных) – порой остро эмоциональных, аффективных, – лишены смыслообразующей функции; мы будем условно называть такие мотивы мотивами-стимулами. ^[148] Характерная черта: когда важная по своему личностному смыслу для человека деятельность сталкивается в ходе своего осуществления с негативной стимуляцией, вызывающей даже сильное эмоциональное переживание, то личностный смысл ее от этого не меняется; чаще происходит другое, а именно своеобразная, быстро нарастающая психологическая дискредитация возникшей эмоции. Это хорошо известное явление заставляет еще раз задуматься над вопросом об отношении эмоционального переживания к личностному смыслу. ^[149]

Распределение функций смыслообразования и только побуждения между мотивами одной и той же деятельности позволяет понять главные отношения, характеризующие мотивационную сферу личности: отношения иерархии мотивов. Иерархия эта отнюдь не строится по шкале их близости к витальным (биологическим) потребностям, подобно тому, как это представляет себе, например, Маслоу: в основе иерархии лежит необходимость поддерживать физиологический гомеостазис; выше – мотивы самосохранения; далее – уверенность, престижность; наконец, на самой вершине иерархии – мотивы познавательные и эстетические. ^[150] Главная проблема, которая здесь возникает, заключается не в том, насколько правильна данная (или другая, подобная ей) шкала, а в том, правомерен ли самый принцип такого шкалирования мотивов. Дело в том, что ни степень близости к биологическим потребностям, ни степень побудительности и аффектогенности тех или иных мотивов еще не определяют иерархических отношений между ними. Эти отношения определяются складывающимися связями деятельности субъекта, их опосредствованиями и

поэтому являются релятивными. Это относится и к главному соотношению – к соотношению смыслообразующих мотивов и мотивов-стимулов. В структуре одной деятельности данный мотив может выполнять функцию смыслообразования, в другой – функцию дополнительной стимуляции. Однако смыслообразующие мотивы всегда занимают более высокое иерархическое место, даже если они не обладают прямой аффектогенностью. Являясь ведущими в жизни личности, для самого субъекта они могут оставаться "за занавесом" – и со стороны сознания, и со стороны своей непосредственной аффективности.

Факт существования актуально несознаваемых мотивов вовсе не выражает собой особого начала, таящегося в глубинах психики. Несознаваемые мотивы имеют ту же детерминацию, что и всякое психическое отражение: реальное бытие, деятельность человека в объективном мире. Несознаваемое и сознаваемое не противостоят друг другу; это лишь разные формы и уровни психического отражения, находящегося в строгой соотнесенности с тем местом, которое занимает отражаемое в структуре деятельности, в движении ее системы. Если цели и отвечающие им действия необходимо сознаются, то иначе обстоит дело с осознанием их мотива – того, ради чего ставятся и достигаются данные цели. Предметное содержание мотивов всегда, конечно, так или иначе воспринимается, представляется. В этом отношении объект, побуждающий действовать, и объект, выступающий в качестве орудия или преграды, так сказать, равноправны. Другое дело – осознание объекта в качестве мотива. Парадокс состоит в том, что мотивы открываются сознанию только объективно, путем анализа деятельности, ее динамики. Субъективно же они выступают только в своем косвенном выражении – в форме переживания желания, хотения, стремления к цели. Когда передо мною возникает та или иная цель, то я не только сознаю ее, представляю себе ее объективную обусловленность, средства ее достижения и более отдаленные результаты, к которым она ведет, вместе с тем я хочу достичь ее (или, наоборот, она меня отвращает от себя). Эти непосредственные переживания и выполняют роль внутренних сигналов, с помощью которых регулируются осуществляющиеся процессы. Субъективно выражающийся же в этих внутренних сигналах мотив прямо в них не содержится. Это и создает впечатление, что они возникают эндогенно и что именно они являются силами, движущими поведением.

Осознание мотивов есть явление вторичное, возникающее только на уровне личности и постоянно воспроизводящееся по ходу ее развития. Для совсем маленьких детей этой задачи просто не существует. Даже на этапе перехода к школьному возрасту, когда у ребенка появляется стремление пойти в школу, подлинный мотив, лежащий за этим стремлением, скрыт от него, хотя он и не затрудняется в мотивировках, обычно воспроизводящих знакомое им. Выяснить этот подлинный мотив можно только объективно, "со стороны", изучая, например, игры детей "в ученика", так как в ролевой игре легко обнажается личностный смысл игровых действий и, соответственно, их мотив. ^[151] Для осознания действительных мотивов своей деятельности субъект тоже вынужден идти по "обходному пути", с той, однако, разницей, что на этом пути его ориентируют сигналы-переживания, эмоциональные "метки" событий.

День, наполненный множеством действий, казалось бы, вполне успешных, тем не менее может испортить человеку настроение, оставить у него некий неприятный эмоциональный осадок. На фоне забот для этот осадок едва

замечается. Но вот наступает минута, когда человек как бы оглядывается и мысленно перебирает прожитый день, в эту-то минуту, когда в памяти всплывает определенное событие, его настроение приобретает предметную отнесенность: возникает аффективный сигнал, указывающий, что именно это событие и оставило у него эмоциональный осадок. Может статься, например, что это его негативная реакция на чей-то успех в достижении общей цели, единственно ради которой, как ему думалось, он действовал; и вот оказывается, что это не вполне так и что едва ли не главным для него мотивом было достижение успеха для себя. Он стоит перед "задачей на личностный смысл", но она не решается сама собой, потому что теперь она стала задачей на соотношение мотивов, которое характеризует его как личность.

Нужна особая внутренняя работа, чтобы решить такую задачу и, может быть, отторгнуть от себя то, что обнажилось. Ведь беда, говорил Пирогов, если вовремя этого не заметишь и не остановился. Об этом писал и Герцен, а вся жизнь Толстого – великий пример такой внутренней работы.

Процесс проникновения в личность выступает здесь со стороны субъекта, феноменально. Но даже и в этом феноменальном его проявлении видно, что он заключается в уяснении иерархических связей мотивов. Субъективно они кажутся выражающими психологические "валентности", присущие самим мотивам. Однако научный анализ должен идти дальше, потому что образование этих связей необходимо предполагает трансформирование самих мотивов, происходящее в движении всей той системы деятельности субъекта, в которой формируется его личность.

5. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Ситуация развития человеческого индивида обнаруживает свои особенности уже на самых первых этапах. Главная из них – это опосредствованный характер связей ребенка с окружающим миром. Изначально прямые биологические связи ребенка – мать очень скоро опосредствуются предметами: мать кормит ребенка из чашки, надевает на него одежду и, занимая его, манипулирует игрушкой. Вместе с тем связи ребенка с вещами опосредствуются окружающими людьми: мать приближает ребенка к привлекающей его вещи, подносит ее к нему или, может быть, отнимает у него. Словом, деятельность ребенка все более выступает как реализующая его связи с человеком через вещи, а связи с вещами – через человека.

Эта ситуация развития приводит к тому, что вещи открываются ребенку не только в их физических свойствах, но и в том особом качестве, которое они приобретают в человеческой деятельности – в своем функциональном значении (чашка – из чего пьют, стул – на чем сидят, часы – то, что носят на руке, и т.д.), а люди – как "повелители" этих вещей, от которых зависят его связи с ними. Предметная деятельность ребенка приобретает орудийную структуру, а общение становится речевым, опосредствованным языком. ^[152]

В этой исходной ситуации развития ребенка и содержится зерно тех отношений, дальнейшее развертывание которых составляет цепь событий, ведущих к формированию его как личности. Первоначально отношения к миру

вещей и к окружающим людям слиты для ребенка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, хотя и взаимосвязанные, линии развития, переходящие друг в друга.

В онтогенезе эти переходы выражаются в чередующихся сменах фаз: фаз преимущественно развития предметной (практической и познавательной) деятельности – фазами развития взаимоотношений с людьми, с обществом. ^[153] Но такие же переходы характеризуют движение мотивов внутри каждой фазы. В результате и возникают те иерархические связи мотивов, которые образуют "узлы" личности.

Завязывание этих узлов представляет собой процесс скрытый и на разных этапах развития выражающийся по-разному. Выше я описывал одно из явлений, характеризующих механизм этого процесса на стадии, когда включение предметного действия ребенка в его отношение к отсутствующему в данный момент взрослому хотя и меняет смысл достигнутого результата, но само действие еще полностью остается "полевым". Как же происходят дальнейшие изменения? Факты, полученные в исследовании дошкольников разного возраста, показывают, что изменения эти подчиняются определенным правилам.

Одно из них состоит в том, что в ситуации разнонаправленной мотивации раньше возникает подчинение действия требованию человека, позже – объективным межпредметным связям. Другое открывшееся в опытах правило тоже выглядит несколько парадоксально: оказывается, что в условиях двояко мотивированной деятельности предметно-вещественный мотив способен выполнить функцию подчиняющего себе другой раньше, когда он дан ребенку в форме только представления, мысленно, и лишь позже – оставаясь в актуальном поле восприятия.

Хотя правила эти выражают генетическую последовательность, они имеют и общее значение. Дело в том, что при обострении ситуаций описанного типа возникает явление смещения (*decalage*), в результате которого обнажаются эти более простые управляющие отношения; известно, например, что подняться в атаку легче по прямому приказу командира, чем по самокоманде. Что же касается формы, в какой выступают мотивы, то в сложных обстоятельствах волевой деятельности очень ясно обнаруживается, что только идеальный мотив, т.е. мотив, лежащий вне векторов внешнего поля, способен подчинять себе действия с противоположно направленными внешними мотивами. Говоря фигурально, психологический механизм жизни-подвига можно искать в человеческом воображении.

Процесс формирования личности со стороны изменений, о которых идет речь, может быть представлен как развитие воли, и это не случайно. Безвольное, импульсивное действие есть действие безличное, хотя о потере воли можно говорить только по отношению к личности (ведь нельзя потерять то, чего не имеешь). Поэтому авторы, которые считают волю важнейшей чертой личности, с эмпирической точки зрения правы. ^[154] Воля, однако, не является ни началом, ни даже "стержнем" личности, это лишь одно из ее выражений. Действительную основу личности составляет то особое строение целокупных деятельностей субъекта, которое возникает на определенном этапе развития его человеческих связей с миром.

Человек живет как бы во все более расширяющейся для него действительности. Вначале это узкий круг непосредственно окружающих его людей и предметов, взаимодействие с ними, чувственное их восприятие и усвоение известного о них, усвоение их значений. Но далее перед ним начинает открываться действительность, лежащая далеко за пределами его практической деятельности и прямого общения: раздвигаются границы познаваемого, представляемого им мира. Истинное "поле", которое определяет теперь его действия, есть не просто наличное, но существующее – существующее объективно или иногда только иллюзорно.

Знание субъектом этого существующего всегда опережает его превращение в определяющее его деятельность. Такое знание выполняет очень важную роль в формировании мотивов. На известном уровне развития мотивы сначала выступают как только "знаемые", как возможные, реально еще не побуждающие никаких действий. Для понимания процесса формирования личности нужно непременно это учитывать, хотя само по себе расширение знаний не является определяющим для него; поэтому-то, кстати говоря, воспитание личности и не может сводиться к обучению, к сообщению знаний.

Формирование личности предполагает развитие процесса целеобразования и, соответственно, развития действий субъекта. Действия, все более обогащаясь, как бы перерастают тот круг деятельностей, которые они реализуют, и вступают в противоречие с породившими их мотивами. Явления такого перерастания хорошо известны и постоянно описываются в литературе по возрастной психологии, хотя и в других терминах; они – то и образуют так называемые кризисы развития – кризис трех лет, семи лет, подросткового периода, как и гораздо меньше изученные кризисы зрелости. В результате происходит сдвиг мотивов на цели, изменение их иерархии и рождение новых мотивов – новых видов деятельности; прежние цели психологически дискредитируются, а отвечающие им действия или вовсе перестают существовать, или превращаются в безличные операции.

Внутренние движущие силы этого процесса лежат в исходной двойственности связей субъекта с миром, в их двоякой опосредованности – предметной деятельностью и общением. Ее развертывание порождает не только двойственность мотивации действий, но благодаря этому также и соподчинения их, зависящие от открывающихся перед субъектом объективных отношений, в которые он вступает. Развитие и умножение этих особых по своей природе соподчинений, возникающих только в условиях жизни человека в обществе, занимает длительный период, который может быть назван этапом стихийного, не направляемого самосознанием складывающейся личности. На этом этапе, продолжающемся вплоть до подросткового возраста, процесс формирования личности, однако, не заканчивается, он только подготавливает рождение сознающей себя личности.

В педагогической и психологической литературе постоянно указывается то младший дошкольный, то подростковый возраст как переломные в этом отношении. Личность действительно рождается дважды: первый раз – когда у ребенка проявляются в явных формах полимотивированность и соподчиненность его действий (вспомним феномен "горькой конфеты" и подобные ему), второй раз – когда возникает его сознательная личность. В последнем случае имеется в виду какая-то особая перестройка сознания.

Возникает задача – понять необходимость этой перестройки и то, в чем именно она состоит.

Эту необходимость создает то обстоятельство, что, чем более расширяются связи субъекта с миром, тем более они перекрещиваются между собой. Его действия, реализующие одну его деятельность, одно отношение, объективно оказываются реализующими и какое-то другое его отношение. Возможное несовпадение или противоречие их не создает, однако, альтернатив, которые решаются просто "арифметикой мотивов". Реальная психологическая ситуация, порождаемая перекрещивающимися связями субъекта с миром, в которые независимо от него вовлекаются каждое его действие и каждый акт его общения с другими людьми, требует от него ориентировки в системе этих связей. Иными словами, психическое отражение, сознание уже не может оставаться ориентирующим лишь те или иные действия субъекта, оно должно также активно отражать иерархию их связей, процесс происходящего подчинения и переподчинения их мотивов. А это требует особого внутреннего движения сознания.

В движении индивидуального сознания, описанном раньше как процесс взаимопереходов непосредственно-чувственных содержаний и значений, приобретающих в зависимости от мотивов деятельности тот или иной смысл, теперь открывается движение еще в одном измерении. Если описанное раньше движение образно представить себе как движение в горизонтальной плоскости, то это новое движение происходит как бы по вертикали. Оно заключается в соотношении мотивов друг с другом: некоторые занимают место подчиняющихся себе другие и как бы возвышаются над ними, некоторые, наоборот, опускаются до положения подчиненных или даже вовсе утрачивают свою смыслообразующую функцию. Становление этого движения и выражает собой становление связной системы личностных смыслов – становление личности.

Конечно, формирование личности представляет собой процесс непрерывный, состоящий из ряда последовательно сменяющихся стадий, качественные особенности которых зависят от конкретных условий и обстоятельств. Поэтому, проследивая последовательное его течение, мы замечаем лишь отдельные сдвиги. Но если взглянуть на него как бы с некоторого удаления, то переход, знаменующий собой подлинное рождение личности, выступает как событие, изменяющее ход всего последующего психического развития.

Существуют многие явления, которые отмечают этот переход. Прежде всего это перестройка сферы отношений к другим людям, к обществу. Если на предшествующих стадиях общество открывается в расширяющихся общениях с окружающими и поэтому преимущественно в своих персонифицированных формах, то теперь это положение оборачивается: окружающие люди все более начинают выступать через объективные общественные отношения. Переход, о котором идет речь, и начинается с изменения, определяющие главное в развитии личности, в ее судьбе.

Необходимость для субъекта ориентироваться в расширяющейся системе его связей с миром раскрывается теперь в новом своем значении: как порождающая процесс развертывания общественной сущности субъекта. Во всей своей полноте это развертывание составляет перспективу исторического процесса. Применительно же к формированию личности на том или ином этапе развития

общества и в зависимости от места, занимаемого индивидом в системе наличных общественных отношений, перспектива эта выступает лишь как эвентуально содержащая в себе идеальную "конечную точку".

Одно из изменений, за которым скрывается новая перестройка иерархии мотивов, проявляется в утрате самооценности для подростка отношений в интимном круге его общения. Так, требования, идущие со стороны даже самых близких взрослых, сохраняют теперь свою смыслообразующую функцию лишь при условии, что они включены в более широкую социальную мотивационную сферу, в противном случае они вызывают явление "психологического бунтарства". Это вхождение подростка в более широкий круг общения вовсе, однако, не значит, что интимное, личностное как бы отходит теперь на второй план. Напротив, именно в этот период и именно поэтому происходит интенсивное развитие внутренней жизни: наряду с приятельством возникает дружба, питаемая взаимной конфиденциальностью; меняется содержанием писем, которые теряют свой стереотипный и описательный характер, и в них появляются описания переживаний; делаются попытки вести интимные дневники и начинаются первые влюбленности.

Еще более глубокие изменения отмечают последующие уровни развития, включительно до уровня, на котором личностный смысл приобретает сама система объективных общественных отношений, ее выражения. Конечно, явления, возникающие на этом уровне, еще более сложны и могут быть по-настоящему трагическими, но и здесь происходит то же самое: чем более открывается для личности общество, тем более наполненным становится его внутренний мир.

Процесс развития личности всегда остается глубоко индивидуальным, неповторимым. Он дает сильные смещения по абсциссе возраста, а иногда вызывает социальную деградацию личности. Главное – он протекает совершенно по-разному в зависимости от конкретно-исторических условий, от принадлежности индивида к той или иной социальной среде. Он особенно драматичен в условиях классового общества с его неизбежными отчуждениями и парциализацией личности, с его альтернативами между подчинением и господством. Само собой разумеется, что конкретные жизненные обстоятельства накладывают свою печать на ход развития личности и в социалистическом обществе. Уничтожение объективных условий, образующих преграду для возвращения человеку его действительной сущности – для всестороннего и гармонического его личности, делает эту перспективу впервые реальной, но вовсе не перестраивает личность автоматически. Фундаментальное изменение состоит в другом, в том, что возникает новое движение: борьба общества за человеческую личность. Когда мы говорим: "Во имя человека, для человека" – это означает не просто для его потребления, это – для его личности, хотя при этом, конечно, подразумевается, что человек должен быть обеспечен и материальными благами, и духовной пищей.

Если снова вернуться к явлениям, отличающим переход от периода подготовки личности к периоду ее развития, то следует указать еще одну происходящую трансформацию. Это трансформация выражения классовых особенностей личности, а говоря шире – особенностей, зависящих от социально дифференциации общества. Классовая принадлежность субъекта уже с самого начала обуславливает развитие его связей с окружающим миром, большую или

меньшую широту его практической деятельности, его общений, его знаний и усваиваемых норм поведения. Все это и составляет те приобретения, из которых складывается личность на этапе ее первоначального формирования. Можно ли и нужно ли говорить применительно к этому о классовом характере личности? Да, если иметь в виду то, что ребенок перенимает из окружения; нет, потому что на этом этапе он является лишь объектом, если можно так выразиться, своего класса, социальной группы. Дальнейший же переворот состоит в том, что он становится их субъектом. Теперь, и только теперь, его личность начинает формироваться как классовая в ином, собственном значении слова: сначала, может быть, безотчетно, потом сознавая это, но он рано или поздно неизбежно занимает свою позицию – более активную или менее активную, решительную или колеблющуюся. Поэтому в условиях классовых конфронтаций он не просто "оказывается", а сам встает по ту или другую сторону баррикад.

Оказывается другое, а именно, что на каждом повороте жизненного пути ему нужно от чего-то освободиться, что-то утверждать в себе, и все это нужно делать, а не только "подвергаться влияниям среды".

Наконец, на том же рубеже происходит еще одно изменение, тоже меняющее самый "механизм" формирования личности. Выше я говорил о все более расширяющейся действительности, которая существует для субъекта актуально. Но она существует также во времени – в форме его прошлого и в форме предвидимого им будущего. Конечно, прежде всего имеется в виду первое – индивидуальный опыт субъекта, функцией которого якобы и является его личность. И это снова воскрешает формулу о личности как о продукте врожденных свойств и приобретенного опыта. На ранних этапах развития формула эта еще может казаться правдоподобной, особенно если ее не упрощать и учитывать всю сложность механизмов формирования опыта. Однако в условиях происходящей иерархизации мотивов она все более утрачивает свое значение, а на уровне личности как бы опрокидывается.

Дело в том, что на этом уровне прошлые впечатления, события и собственные действия субъекта отнюдь не выступают для него как покоящиеся пласты его опыта. Они становятся предметом его отношения, его действий и потому меняют свой вклад в личность. Одно в этом прошлом умирает, лишается своего смысла и превращается в простое условие и способы его деятельности – сложившиеся способности, умения, стереотипы поведения; другое открывается ему в совсем новом свете и приобретает прежде не увиденное им значение; наконец, что-то из прошлого активно отвергается субъектом, психологически перестает существовать для него, хотя и остается на складах его памяти. Эти изменения происходят постоянно, но они могут и концентрироваться, создавая нравственные переломы. Возникающая переоценка прежнего, установившегося в жизни, приводит к тому, что человек сбрасывает с себя груз своей биографии. Разве не свидетельствует это о том, что вклады прошлого опыта в личность стали зависимыми от самой личности, стали ее функцией?

Это оказывается возможным благодаря возникшему новому внутреннему движению в системе индивидуального сознания, которое я образно назвал движением "по вертикали". Не следует только думать, что перевороты в прошлом личности производятся сознанием, сознание не производит, а опосредствует их; производятся же они действиями субъекта, иногда даже внешними – разрывами прежних общений, переменой профессии, практическим

вхождением в новые обстоятельства. Прекрасно описано у Макаренко: старая одежда принимаемых в колонию беспризорников публично сжигается ими на костре.

Вопреки своей распространенности, взгляд на личность как на продукт биографии человека является неудовлетворительным, оправдывающим фаталистическое понимание его судьбы (обыватель так и думает: ребенок украл, – значит, станет вором!). Взгляд этот, конечно, допускает возможность изменить что-то в человеке, но только ценой внешнего вмешательства, силой своей перевешивающего сложившееся в его опыте. Это – концепция примата кары, а не раскаяния, награды, а не действий, которые она венчает. Упускается главный психологический факт, а именно, что человек вступает в отношение к своему прошлому, которое по-разному входит в наличное для него – в память его личности. Толстой советовал: замечай, что помнишь, что не помнишь; по этим признакам узнаешь сам себя. ^[155]

Неверен этот взгляд еще и потому, что расширение действительности для человека происходит не только в направлении прошлого, но и в направлении будущего. Как и прошлое, будущее составляет наличное в личности. Открывшаяся человеку жизненная перспектива есть не просто продукт "опережающего отражения", а его достояние. В этом сила и правда того, что писал Макаренко о воспитательном значении ближних и дальних перспектив. То же и для взрослых. Вот какую притчу я однажды услышал на Урале от старика конюха: когда лошадь на трудной дороге начинает спотыкаться, то нужно не нахлестывать ее, а поднять ей голову повыше, чтобы дальше видела перед собой.

Личность создается объективными обстоятельствами, но не иначе как через целокупность его деятельности, осуществляющей его отношения к миру. Ее особенности и образуют то, что определяет тип личности. Хотя вопросы дифференциальной психологии не входят в мою задачу, анализ формирования личности тем не менее приводит к проблеме общего подхода в исследовании этих вопросов.

Первое основание личности, которое не может игнорировать никакая дифференциально-психологическая концепция, есть богатство связей индивида с миром. Это богатство и отличает человека, жизнь которого охватывает обширный круг разнообразной деятельности, от того берлинского учителя, "мир которого простирается от Маобита до Кепеника и наглухо заколочен за Гамбургскими воротами, отношения которого к этому миру сведены до минимума его жалким положением в жизни". ^[156] Само собою разумеется, что речь идет о действительных, а не об отчужденных от человека отношениях, которые противостоят ему и подчиняют его себе. Психологически мы выражаем эти действительные отношения через понятие деятельности, ее смыслообразующих мотивов, а не на языке стимулов и выполняемых операций. К этому нужно прибавить, что деятельности, составляющие основания личности, включают в себя также и деятельности теоретические и что в ходе развития круг их способен не только расширяться, но и оскудевать; в эмпирической психологии это называется "сужением интересов". Одни люди этого оскудения не замечают, другие, подобно Дарвину, жалуется на это как на беду. ^[157]

Различия, которые здесь существуют, являются не только количественными, выражающими меру широты открывшегося человеку мира в пространстве и времени – в его прошлом и будущем. За ними лежат различия в содержании тех предметных и социальных отношений, которые заданы объективными условиями эпохи, нации, класса. Поэтому подход к типологии личностей, даже если она учитывает только один этот параметр, как теперь принято говорить, не может не быть конкретно-историческим. Но психологический анализ не останавливается на этом, ибо связи личности с миром могут быть как беднее тех, что задаются объективными условиями, так и намного превосходить их.

Другой, и притом важнейший, параметр личности есть степень иерархизированности деятельностей, их мотивов. Степень эта бывает очень разной, независимо от того, узко или широко основание личности, образуемое его связями с окружающим. Иерархии мотивов существуют всегда, на всех уровнях развития. Они-то и образуют относительно самостоятельные единицы жизни личности, которые могут быть менее крупными или более крупными, или более крупными, разьединенными между собой или входящими в единую мотивационную сферу. Разьединенность этих, иерархизированных внутри себя, единиц жизни создает психологический облик человека, живущего отрывочно – то в одном "поле", то в другом. Напротив, более высокая степень иерархизации мотивов выражается в том, что свои действия человек как бы примеривает к главному для него мотиву-цели, и тогда может оказаться, что одни стоят в противоречии с этим мотивом, другие прямо отвечают ему, а некоторые уводят в сторону от него.

Когда имеют в виду главный мотив, побуждающий человека, то обычно говорят о жизненной цели. Всегда ли, однако, этот мотив адекватно открывается сознанию? С порога ответить на этот вопрос нельзя, потому что его осознание в форме понятия, идеи происходит не само собою, а в том движении индивидуального сознания, в результате которого субъект только и способен преломить свое внутреннее через систему усваиваемых им значений, понятий. Об этом уже говорилось, как и о той борьбе, которая ведется в обществе за сознание человека.

Смысловые единицы жизни могут собраться как бы в одну точку, но это формальная характеристика. Главным остается вопрос о том, какое место занимает эта точка в многомерном пространстве, составляющем реальную, хотя не всегда видимую индивидом, подлинную действительность. Вся жизнь Скупого рыцаря направлена на одну цель: возведение "державы золота". Эта цель достигнута ("Кто знает, сколько горьких воздержаний, обузданных страстей, тяжелых дум, дневных забот, ночей бессонных все это стоило?"), но жизнь обрывается ничем, цель оказалась бессмысленной. Словами "Ужасный век, ужасные сердца!" заканчивает Пушкин трагедию о Скупом.

Иная личность, с иной судьбой складывается, когда ведущий мотив-цель возвышается до истинно человеческого и не обособливает человека, а сливает его жизнь с жизнью людей, их благом. В зависимости от обстоятельств, выпадающих на долю человека, такие жизненные мотивы могут приобретать очень разное содержание и разную объективную значительность, но только они способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл и счастье жизни. Вершина этого пути – человек, ставший, по словам Горького, человеком человечества.

Здесь мы подходим к самому сложному параметру личности: к общему типу ее строения. Мотивационная сфера человека даже в наивысшем ее развитии никогда не напоминает застывшую пирамиду. Она может быть сдвинута, эксцентрична по отношению к актуальному пространству исторической действительности, и тогда мы говорим об односторонности личности. Она может сложиться, наоборот, как многосторонняя, включающая широкий круг отношений. Но и в том, и в другом случае она необходимо отражает объективное несовпадение этих отношений, противоречия между ними, смену места, которое они в ней занимают.

Структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий. Речь идет о том, что неполно описывается как "направленность личности", неполно потому, что даже при наличии у человека отчетливой ведущей линии жизни она не может оставаться единственной. Служение избранной цели, идеалу вовсе не исключает и не поглощает других жизненных отношений человека, которые, в свою очередь, формируют смыслообразующие мотивы. Образно говоря, мотивационная сфера личности всегда является многовершинной, как и та объективная систем аксиологических понятий, характеризующая идеологию данного общества, данного класса, социального слоя, которая коммуницируется и усваивается (или отвергается) человеком.

Внутренние соотношения главных мотивационных линий в целокупности деятельности человека образуют как бы общий "психологический профиль" личности. Порой он складывается как уплощенный, лишенный настоящих вершин, тогда малое в жизни человек принимает за великое, а великого не видит совсем. Такая нищета личности может при определенных социальных условиях сочетаться с удовлетворением как угодно широкого круга повседневных потребностей. В этом, кстати сказать, заключается та психологическая угроза, которую несет личности человека современное общество потребления.

Иная структура психологического профиля личности создается рядоположенностью жизненных мотивов, часто сочетающейся с возникновением мнимых вершин, образуемых только "знаемыми мотивами" – стереотипами идеалов, лишенных личностного смысла. Однако такая структура является преходящей: сначала рядоположенные линии разных жизненных отношений вступают затем во внутренние связи. Это происходит неизбежно, но не само собой, а в результате той внутренней работы, о которой я говорил выше и которая выступает в форме особого движения сознания.

Многообразные отношения, в которые человек вступает к действительности, являются объективно противоречивыми. Их противоречия и порождают конфликты, которые при определенных условиях фиксируются и входят в структуру личности. Так, исторически возникшее отделение внутренней теоретической деятельности от практической порождает не только односторонность развития личности, но может вести к психологическому разладу, к расщеплению личности на две посторонние друг другу сферы – сферу ее проявлений в реальной жизни и сферу ее проявлений в жизни, которая существует только иллюзорно, только в аутистическом мышлении. Нельзя описать такой разлад психологически более проникновенно, чем это сделал Достоевский: от жалкого существования, заполненного бессмысленными

делами, его герой уходит в жизнь воображения, в мечты; перед нами как бы две личности, одна – личность человека униженно-робкого, чудака, забившегося в свою нору, другая – личность романтическая и даже героическая, открытая всем жизненным радостям. И все-таки это жизнь одного и того же человека, поэтому неотвратимо наступает момент, когда мечты рассеиваются, приходят годы угрюмого одиночества, тоски и уныния.

Личность героя "Белых ночей" – явление особенное, даже исключительное. Но через эту исключительность проступает общая психологическая правда. Правда эта состоит в том, что структура личности не сводится ни к богатству связей человека с миром, ни к степени их иерархизированности, что ее характеристика лежит в соотношении разных систем сложившихся жизненных отношений, порождающих борьбу между ними. Иногда эта борьба проходит во внешне неприметных, обыденно драматических, так сказать, формах и не нарушает гармоничности личности, ее развития; ведь гармоническая личность вовсе не есть личность, не знающая никакой внутренней борьбы. Однако иногда эта внутренняя борьба становится главным, что определяет весь облик человека – такова структура трагической личности.

Итак, теоретический анализ позволяет выделить по меньшей мере три основных параметра личности: широту связей человека с миром, степень их иерархизированности и общую их структуру. Конечно, эти параметры еще не дают дифференциально-психологической типологии, они способны служить не более чем скелетной схемой, которая еще должна быть наполнена живым конкретно-историческим содержанием. Но это задача специальных исследований. Не произойдет ли, однако, при этом подмена психологии социологией, не утратится ли "психологическое" в личности?

Вопрос этот возникает вследствие того, что подход, о котором идет речь, отличается от привычного в психологии личности антропологизма (или культур – антропологизма), рассматривающего личность как индивида, обладающего психофизиологическими и психологическими особенностями, измененными в процессе его адаптации к социальной среде. Он, напротив, требует рассматривать личность как новое качество, порождаемое движением системы объективных общественных отношений, в которое вовлекается его деятельность. Личность, таким образом, перестает казаться результатом прямого наслаивания внешних влияний; она выступает как то, что человек делает из себя, утверждая свою человеческую жизнь. Он утверждает ее и в повседневных делах и общениях, и в людях, которым он передает частицу себя, и на баррикадах классовых боев, и на полях сражений за Родину, порою сознательно утверждая ее даже ценой своей физической жизни.

Что же касается таких психологических "подструктур личности", как темперамент, потребности и влечения, эмоциональные переживания и интересы, установки, навыки и привычки, нравственные черты и т.д., то они, разумеется, отнюдь не исчезают. Они только иначе открывают себя: одни – в виде условий, другие – в своих порождениях и трансформациях, в сменах своего места в личности, происходящих в процессе ее развития.

Так, особенности нервной системы, бесспорно, представляют собой индивидуальные и к тому же весьма устойчивые черты, черты эти, однако, отнюдь не являются образующими человеческую личность. В своих действиях человек сознательно или бессознательно считается с чертами своей

конституции, так же как он считается с внешними условиями своих действий и с наличными у него средствами их осуществления. Характеризуя человека в качестве природного существа, они, однако, не могут играть роль тех сил, которые определяют складывающуюся у него мотивацию деятельности и целеобразование. Единственно, пожалуй, реальная, хотя и вторично возникающая здесь, проблема психологии личности – это проблема формирования действий субъекта, направленных на свои собственные врожденные или приобретенные особенности, которые прямо не входят в психологическую характеристику его личностной сферы.

Тем менее могут рассматриваться как подструктуры, факторы или "модусы" личности потребности и установки. Так они выступают только в абстракции от деятельности субъекта, в которой происходят их метаморфозы; но не эти метаморфозы создают личность; наоборот, они сами порождаются движением развития личности. Это движение подчиняется той же формуле, которая описывает преобразование человеческих потребностей. Она начинается с того, что субъект действует ради поддержания своего существования; оно приводит к тому, что субъект поддерживает свое существование ради того, чтобы действовать – делать дело своей жизни, осуществлять свое человеческое назначение. Переворот этот, завершая этап становления личности, вместе с тем открывает неограниченные перспективы ее развития.

Предметно-вещественные "потребности для себя" насыщаемы, и их удовлетворение ведет к тому, что они низводятся до уровня условий жизни, которые тем меньше замечаются человеком, чем привычнее они становятся. Поэтому личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ.

Нужно ли это подчеркивать? Вероятно, нужно, потому что наивная, а по сути, пережиточная мысль иногда представляет переход к принципу "по потребностям" чуть ли не как переход к сверхпроцветающему обществу потребления. Упускается из виду, что при этом необходимо происходит преобразование материального потребления, что возможность для всех удовлетворить эти потребности уничтожает самоценность вещей, им отвечающих, уничтожает ту противоестественную функцию, которую они выполняют в частнособственническом обществе, – функцию утверждения человеком через них самого себя, своей "престижности".

Последний теоретический вопрос, на котором я остановлюсь, это вопрос об осознании себя как личности. В психологии он обычно ставится как вопрос о самосознании, о процессе его развития. Существует огромное число работ, посвященных исследованию этого процесса. Они содержат детальные данные, характеризующие этапы формирования в онтогенезе представлений о себе. Речь идет о формировании так называемой схемы тела, способности локализовать свои interoцептивные ощущения, о развитии познания своего внешнего облика – узнавания себя в зеркале, на фотографии. Тщательно прослежен процесс развития у детей оценок других и самого себя, в которых прежде выделяются физические особенности, потом к ним присоединяются особенности психологические и нравственные. Параллельно идущее изменение заключается в том, что парциальные характеристики других и самого себя уступают свое место характеристикам более общим, охватывающим человека в его

целостности и выделяющим существенные его черты. Такова эмпирическая картина развития познания себя, своих индивидуальных свойств, особенностей и способностей. Дает ли, однако, эта картина ответ на вопрос о развитии самосознания, об осознании "я"?

Да, если понимать осознание себя только как знание о себе. Как и всякое познание. Познание себя начинается с выделения внешних, поверхностных свойств и является результатом сравнения, анализа и обобщения, выделения существенного. Но индивидуальное сознание не есть только знание, только система приобретенных значений, понятий. Ему свойственно внутреннее движения, отражающее движение самой реальной жизни субъекта, которую оно опосредствует: мы уже видели, что только в этом движении знания обретают свою отнесенность к объективному миру и свою действенность. Не иначе обстоит дело и в случае, когда объектом сознания являются свойства, особенности, действия или состояния самого субъекта; в этом случае тоже следует различать знание о себе и осознание себя.

Знания, представления о себе накапливаются уже в раннем детстве; в несознаваемых чувственных формах они, по-видимому, существуют и у высших животных. Другое дело – самосознание, осознание своего "я". Оно есть результат, продукт становления человека как личности. Представляя собой феноменологическое превращение форм действительных отношений личности, в своей непосредственности оно выступает как их причина и субъект.

Психологическая проблема "я" возникает, как только мы задаемся вопросом о том, ка какой реальности относится все то, что мы знаем о себе, и все ли, что мы знаем о себе, относится к этой реальности. Как происходит, что в одном я открываю свое "я", а в другом – утрачиваю его (мы так и говорим: быть "вне себя...")? Несовпадение "я" и того, что представляет субъект как предмет его собственного знания о себе, психологически очевидно. Вместе с тем психология, исходящая из органистических позиций, не способна дать научного объяснения этого несовпадения. Если проблема "я" ставится в ней, то лишь в форме констатации существования особой инстанции внутри личности – маленького человечка в сердце, который в нужную минуту "дергает за веревочки". Отказываясь, понятно, от того, чтобы приписывать этой особой инстанции субстанциональность, психология кончает тем, что вовсе обходит проблему, растворяя "я" в структуре личности, в ее интеракциях с окружающим миром. И все-таки она остается, обнаруживая себя теперь в виде заложенного в индивидуе стремления проникнуть в мир, в потребность "актуализации себя".
[\[158\]](#)

Таким образом, проблема самосознания личности, осознания "я" остается в психологии нерешенной. Но это отнюдь не мнимая проблема, напротив, это проблема высокого жизненного значения, венчающая психологию личности.

В.И. Ленин писал о том, что отличает "просто раба" от раба, примирившегося со своим положением, и от раба восставшего.
[\[159\]](#) Это – отличие не в знании своих индивидуальных черт, а в отличие в осознании себя в системе общественных отношений. Осознание своего "я" и не представляет собой ничего другого.

Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей,

его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием, и есть его "я". Дело, однако, обстоит вовсе не так. Мы видели, что многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный "центр личности", который мы называем "я"; иначе говоря, центр этот лежит не в индивидуе, не за поверхностью его кожи, а в его бытии.

Таким образом, анализ деятельности и сознания неизбежно приводит к отказу от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, "птолемеевского" понимания человека в пользу понимания "коперниковского", рассматривающего человеческое "я" как включенное в общую систему взаимосвязей людей в обществе. Нужно только при этом подчеркнуть, что включенное в систему вовсе не значит растворяющееся в ней, а, напротив, обретающее и проявляющее в ней силы своего действия.

В нашей психологической литературе часто приводятся слова Маркса о том, что человек не родится фихтеанским философом, что человек смотрит, как в зеркало, в другого человека, и, лишь относясь к нему как к себе подобному, он начинает относиться и к себе как к человеку. Эти слова иногда понимаются лишь в том смысле, что человек формирует свой образ по образу другого человека. Но в этих словах выражено гораздо более глубокое содержание. Чтобы увидеть это, достаточно восстановить их контекст.

"В некоторых отношениях, – начинает Маркс цитируемое примечание, – человек напоминает товар". Какие же это отношения? Очевидно, имеются в виду те отношения, о которых говорится в тексте, сопровождаемом данным примечанием. Это стоимостные отношения товаров. Они заключаются в том, что натуральное тело одного товара становится формой, зеркалом стоимости другого товара, т.е. такого сверхчувственного его свойства, которое никогда не просвечивает через его ткань. Маркс и заканчивает эту сноску так: "Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода "человек" (курсив мой. – А.Л.)". ^[160] Но человек как род, как родовое существо означает у Маркса не биологический вид *Homo sapiens*, а человеческое общество. В нем, в его персонифицированных формах человек и видит себя человеком.

Проблема человеческого "я" принадлежит к числу ускользающих от научно-психологического анализа. Доступ к ней закрывают многие ложные представления, сложившиеся в психологии на эмпирическом уровне исследования личности. На этом уровне личность неизбежно выступает как индивид усложненный, а не преобразованный обществом. т.е. обретающий в нем новые системные свойства. Но именно в этих своих "сверхчувственных" свойствах он и составляет предмет психологической науки.

Заключение

Хотя я и назвал эти страницы заключением, задача их состоит не в том, чтобы подвести итоги, а, скорее, в том, чтобы наметить дальнейшую перспективу. Она открывается, на мой взгляд, исследованием тех переходов, которые можно назвать межуровневыми.

Мы без труда выделяем разные уровни изучения человека: уровень биологический, на котором он открывается в качестве телесного, природного существа: уровень психологической, на котором он выступает как субъект одушевленной деятельности, и, наконец, уровень социальный, на котором он выступает как субъект одушевленной деятельности, и, наконец, уровень социальный, на котором он проявляет себя как реализующий объективные общественные отношения, общественно – исторический процесс. Существование этих уровней и ставит проблему во внутренних отношениях, которые связывают психологический уровень с биологическим и социальным.

Хотя эта проблема издавна стоит перед психологией, она и до сих пор не может считаться в ней решенной. Трудность заключается в том, что для своего научного решения она требует предварительной абстракции тех специфических взаимодействий и связей субъекта, которые порождают психическое отражение реальности в мозге человека. Категория деятельности, собственно, и содержит в себе эту абстракцию, которая, разумеется, не только не разрушает целостности конкретного субъекта, каким мы встречаем его на работе, в семье или даже в наших лабораториях, но, напротив, возвращает его в психологию.

Возвращение целостного человека в психологическую науку, однако, может осуществляться лишь на основе специального исследования взаимопереходов одних уровней в другие, возникающих в ходе развития. Такие исследования должны отказаться от идеи рассматривать эти уровни как наложенные друг на друга или тем более сводить один уровень к другому. Очевидность этого особенно выступает при изучении онтогенеза.

Если на начальных шагах психического развития ребенка на первом плане оказываются его биологические приспособления (которые делают решающий вклад в становление его восприятий и эмоций), то затем эти приспособления трансформируются. Это, конечно, не значит, что они просто перестают функционировать; это значит другое, а именно, что они становятся реализующими иной, более высокий уровень деятельности, от которого и зависит мера их вклада на каждом данном этапе развития. Двойная задача состоит, следовательно, в том, чтобы исследовать те возможности (или ограничения), которые они создают. В онтогенетическом развитии задача эта воспроизводится постоянно, и иногда в очень острой форме, как это происходит, скажем, в пубертатный период, когда наступают биологические сдвиги, с самого начала получающие уже психологически трансформированные выражения, и когда весь вопрос заключается в том, каковы эти выражения.

Но оставим в стороне возрастную психологию. Общий принцип, которому подчиняются межуровневые отношения, состоит в том, что наличный высший уровень всегда остается ведущим, но он может реализовать себя только с помощью уровней нижележащих и в этом от них зависит.

Таким образом, задача межуровневых исследований состоит в изучении многообразных форм этих реализаций, благодаря чему процессы высшего уровня получают не только свою конкретизацию, но и индивидуализацию.

Главное, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что в межуровневых исследованиях мы имеем дело не с односторонним, а с двухсторонним и к тому же спиралеобразным движением: с формированием высших уровней и "отслаиванием" – или переделкой – уровней нижележащих, в свою очередь

обуславливающих возможность дальнейшего развития системы в целом. Таким образом, междуровневое исследование, оставаясь междисциплинарным, вместе с тем исключает понимание последнего как редуцирующего один уровень к другому или стремящегося найти их коррелятивные связи и координации. Я особенно подчеркиваю это потому, что если в свое время Н.Н.Ланге говорил о психофизиологическом параллелизме как о мысли "страшной", то сейчас поистине страшным для психологии стал редуccionизм. Осознание этого все больше проникает и в западную науку. Общий вывод из анализа редуccionизма был, пожалуй, острее всего сформулирован английскими авторами на страницах последнего (1974) выпуска международного журнала "Cognition": единственной альтернативой редуccionизму является диалектический материализм (S. Rose and H. Rose, vol. II, N 4). Это действительно так. Научное решение проблемы биологического и психологического, психологического и социального вне марксистского системного анализа попросту невозможно. Поэтому и позитивистская программа "Единой науки" (с большой буквы!), претендующая на объединение знаний с помощью универсальных кибернетических и множественно-математических (модельных) схем, потерпела явный провал.

Хотя схемы эти действительно способны сопоставлять между собой качественно различные явления, но лишь в определенной плоскости абстракции, на уровне которой специфика этих явлений, как и их взаимопревращения, исчезает. Что же касается психологии, то она при этом окончательно порывает с конкретностью человека.

Конечно, говоря все это, я имею в виду прежде всего отношения между психологическими и морфофизиологическими уровнями исследования. Нужно, однако, думать, что не иначе обстоит дело и с той связью, которая существует между социальным и психологическим уровнями.

К сожалению, именно социально-психологические проблемы остаются в нашей науке наименее разработанными, наиболее засоренными концепциями и методами, почерпнутыми из зарубежных исследований. то есть из исследований, подчиненных задаче поиска психологических оснований для оправдания и увековечения межчеловеческих отношений, порожденных буржуазным обществом. Но перестройка социально-психологической науки с марксистских позиций не может происходить независимо от того или иного общепсихологического понимания человека, роли в его формировании жизненных связей человека с миром, порождаемых теми общественными отношениями, в которые он вступает.

Поэтому, думая о перспективах психологической науки как центрирующей в себе многообразные подходы к человеку, нельзя отвлекаться от того факта, что центрация эта задается на социальном уровне, – точно так же, как на этом уровне решается и человеческая судьба.

Ссылки

1. См. К.Н.Корнилов. Современная психология и марксизм. Л., 1923.

2. См. Л.С.Выготский.
Сознание как проблема
психологии поведения. См.
"Психология и марксизм".
М., 1924; его же. Мышление
и речь. М., 1934.
3. См. С.Л.Рубинштейн.
Проблемы психологии в
трудах Карла Маркса.
"Советская психотехника",
1934, № 1; его же. Основы
общей психологии. М., 1940.
4. Одним из первых
зарубежных авторов,
выступивших с требованием
строить психологию на
марксистской основе, был
Ж.Политцер (G.Politzer.
"Revue de psychologie
concrete", № 1, 2, 1929).
5. См. К.Маркс и Ф.Энгельс.
Соч., т.3, стр. 1.
6. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч.,
т.3, стр. 18.
7. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч.,
т.3, стр. 25.
8. См. К.Маркс и Ф.Энгельс.
Соч., т. 3, стр. 423.
9. J.Watson. Psychology as the
behaviorists views, in:
"Psychological Review", 1913,
v. 20. Еще раньше
необходимость полного
отказа от психологических
понятий и терминов была
провозглашена группой
зоопсихологов (Т.Beer, J. v.
Uexull Vorschlage zu einer
objektive Nomenklatur.
"Biologisches Zentralblatt",
1899, Bd. XIX.
10. В.Вундт. Основания
физиологической
психологии. М., 1880, стр.
738.
11. P.Natorp. Eineleitung in die
Psychologie. Berlin, 1888,
S.14, 112.
12. См. Стаут. Аналитическая
психология. М., 1920.

13. В нашей психологической литературе эта идея нашла свое оригинальное выражение в опыте систематизации психологии, предложенным П.П.Блонским (П.П.Блонский. Психологические очерки. М., 1927).
14. См. С.Л.Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 308-330.
15. См. Г.Липс. Пути психологии. Доклад на V Международном психологическом конгрессе, 1905.
16. У. Джемс. Существует ли сознание? "Новые идеи в философии". Сб. № 4. М., 1910.
17. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.
18. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.23, стр. 192.
19. Там же, стр. 200.
20. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.
21. Ссылка утрачена.
22. К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 594.
23. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.
24. К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений, стр. 588.
25. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.23, стр. 82.
26. К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений, стр. 592, 594.
27. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.3, стр. 24.
28. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.20, стр. 545.
29. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. т. 3, стр. 253.

30. В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т.29, стр. 172.
31. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.II, стр. 215.
32. См. А.Н.Леонтьев. Автоматизация и человек. "Психологические исследования", вып. 2. М., 1970, стр. 3-12.
33. См. В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т.18, стр. 35, 52.
34. См. И.П.Павлов. Полн. собр. соч., т. III, кн.1 М.-Л., 1951, стр. 28.
35. См. Н.Винер. Кибернетика. М., 1968.
36. См. "Ленинская теория отражения и современная наука". М., 1967.
37. См. статью "Кибернетика". Философская энциклопедия, т.2. М., 1962.
38. В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 40.
39. Р.Декарт. Рассуждение о методе. С приложениями: Диоптрика. Метеоры. Геометрия. М., 1953, стр. 71; см. также стр. 72.
40. См. А.В.Запорожец, Л.А.Венгер, В.П.Зинченко, А.Г.Рузская. Восприятие и действие. М., 1967.
41. См. Л.А.Чистович, В.В.Алякринский, В.А.Абульян. Временные задержки при повторении слышимой речи. "Вопросы психологии", 1960, № 1; Л.А.Чистович, Ю.А.Клаас, Р.О.Алексин. О значении имитации для распознавания звуковых последовательностей. "Вопросы психологии", 1961, № 5; см. также А.Н.Соколов. Внутренняя речь и мышление. М., 1968, стр. 150-157.

42. См. Ю.Б.Гиппенрейтер, А.Н.Леонтьев, О.В.Овчинникова. Анализ системного строения восприятия. "Доклады АПН РСФСР". М., 1957-1959, сообщение I-VII.
43. См. В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т.18, стр. 46.
44. См. В.С.Тюхтин. Отражение и информация. "Вопросы философии", 1967, № 3.
45. В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145.
46. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений, стр. 592.
47. См. А.Н.Леонтьев. О механизме чувственного отражения. "Вопросы психологии", 1959, № 2.
48. См. К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.3, стр. 1.
49. См. Д.Н.Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966, стр. 158.
50. С.Л.Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 226.
51. L.White. The Science of Culture. New York, 1949.
52. Упоминание им о том, что общество организовано на основе отношений собственности. служило иногда поводом относить Уайта якобы к сторонникам исторического материализма; правда, один из его апологетов оговаривается при этом, что исторический материализм идет у него не от Маркса, а от "здорового смысла", от идеи выживания (Business of living). – H.Barnes. Outstanding contributions to Antropology, Culture, Culturologie and Cultural evolution. New York, 1960.

53. L.White. The Science of Culture, p. 181.
54. Н.Н.Ланге. Психологические исследования. Одесса, 1893.
55. См. Н.А.Бернштейн. Физиология движения. В кн.: Г.П.Конради, А.Д.Слоним, В.С.Фарфель. Физиология труда. М., 1934; Н.А.Бернштейн. О построении движений. М., 1947.
56. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, стр. 25.
57. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч. I, стр. 25.
58. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, стр. 19.
59. См. А.Н.Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1972.
60. И.М.Сеченов. Избранные произведения, т. I. М., 1952, стр. 581.
61. G.Allport. Pattern and Growth in Personality. New York, 1961.
62. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 46, ч.I, стр. 26-31.
63. К.Levin. A.Dynamic Theory of Personality. New York, 1928.
64. См. С.Л.Рубинштейн. Проблемы психологии в трудах К.Маркса. "Советская психотехника", 1934, № 7.
65. С.Л.Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 40.
66. И.М.Сеченов. Избранные произведения, т. I, стр. 209.
67. I.V.Watson. The ways of the behaviorism. New York, 1928.
68. Пиаже. Роль действия в формировании мышления. "Вопросы психологии", 1965, № 6, стр. 33.

69. См. Ж.Пиаже. Избранные психологические труды. М., 1969.
70. См. П.Я.Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. "Психологическая наука в СССР". М., 1959, стр. 441-469.
71. См. Л.С.Выготский. Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 198-199.
72. Л.С.Выготский. Избранные психологические произведения. М., 1956, стр. 54.
73. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.3, стр. 253.
74. См. А.Н.Леонтьев. Очерк развития психики. М., 1947.
75. Такое суженное понимание мотива как того предмета (вещественного или идеального), который побуждает и направляет на себя деятельность, отличается от общепринятого; но здесь не место вдаваться в полемику по этому вопросу.
76. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.
77. Гегель. Соч., т. IV. М., 1959, стр. 212-213.
78. См. А.Н.Леонтьев. Автоматизация и человек. "Психологические исследования", вып. 2. М., 1970, стр. 8-9.
79. См. Ю.Б.Гиппенрейтер, Г.Л. Пик. Фиксационный оптокинетический нистагм как показатель участия зрения в движениях. В сб. "Исследование зрительной деятельности человека". М., 1973; Гиппенрейтер Ю.Б., Романов В.Я., Самсонов И.С. Метод выделения

- единиц деятельности. В сб.
"Восприятие и
деятельность". М., 1975.
80. См. С.Л.Рубинштейн. Бытие
и сознание, стр. 219-221.
81. См., например, Ж.Пиже.
Характер объяснения в
психологии и
психофизиологический
параллелизм.
"Экспериментальная
психология" под ред.
П.Фресса и Ж.Пиже, вып. I
и II., 1966.
82. И.П.Павлов. Павловские
среды, т.1. М., 1934, стр.
249-250.
83. И.П.Павлов. Павловские
клинические среды, т. 1. М.-
Л., 1954, стр. 275.
84. См. В.П.Зинченко. О
микроструктурном методе
исследования
познавательной
деятельности. "Труды
ВНИИТЭ", вып. 3. М., 1972.
85. См. А.Р.Лурия. Высшие
корковые функции человека.
М., 1969; Л.С.Цветкова.
Восстановительное
обучение при локальных
поражениях мозга. М., 1972.
86. М.К.Мамардашвили. Анализ
сознания в работах Маркса.
"Вопросы философии", 1968,
№ 6, стр. 14.
87. См. "История марксистской
диалектики". М., 1971, стр.
181-184.
88. С.Л.Рубинштейн. Бытие и
сознание. М., 1957, стр. 34;
В.А.Лекторский. Проблема
субъекта и объекта в
классической и современной
буржуазной философии. М.,
1965; А.В.Брушлинский. О
некоторых методах
моделирования в
психологии. В сб.
"Методологические и

- теоретические проблемы
психологии". М., 1969, стр.
148-254.
89. См. А.Н.Леонтьев. Образ и
модель. "Вопросы
психологии", 1970, № 2.
90. См. Э.В.Ильенков.
Идеальное. "Философская
энциклопедия", т.2. М.,
1962.
91. В.И.Ленин. Полн. собр. соч.,
т. 18, стр. 46.
92. См. Р.Грегори. Разумный
Глаз. М., 1972.
93. А.Н.Леонтьев,
А.В.Запорожец.
Восстановление движения.
М., 1945, стр. 75.
94. M.Stratton. Some preliminary
experiments in vision without
inversion of the retinal image.
"Psychological Review", 1897,
№ 4.
95. M.Gaffron. Perceptual
experience: an analysis of its
Relation to the external world
through internal processings.
"Psychology: A Study of a
Science", vol. 4, 1963.
96. Jin. Looking en upside-down
face. "Journal of Experimental
Psychology", vol. 81 (1),
1969.
97. См. А.Д. Логвиненко,
В.В.Столин. Восприятие в
условиях инверсии поля
зрения. "Эргономика. Труды
ВНИИТЭ", вып. 6. М., 1973.
98. Это дало основание ввести
понятие "видимое поле" в
отличие от понятия
"видимый мир". – J.J.Gibson.
Perception of the visual world.
Boston, 1950.
99. См. А.Д.Логвиненко.
Инвертированное зрение и
зрительный образ. "Вопросы
психологии", 1974, № 5.
100. См. А.Д.Логвиненко.
Перцептивная деятельность

- при инверсии сетчаточного образа. В сб. "Восприятие и деятельность". М., 1975.
101. J.B.Foley. An experimental investigation of the visual field in the Rhesus monkey. "Journal of general Psychology", 1940, N 56.
 102. Ph. Solomon, P.Kubzansky and oth. Physiological and Psychological aspects of sensory deprivation. – "Sensory deprivation". Cambridge, Mass., 1965.
 103. См. А.Н.Мещеряков. Слепоглухонемые дети. М., 1974; Г.С.Гургенидзе и Э.В.Ильенков. Выдающееся достижение советской науки. "Вопросы философии", 1975, № 6.
 104. В данном контексте нет необходимости жестко различать понятия и словесные значения, логические операции и операции значения. – Прим. авт.
 105. См. П.Я.Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. "Психологическая наука в СССР", т. 1. М., 1959; его же. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. В сб. "Исследования мышления в советской психологии". М., 1966.
 106. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 17-48.
 107. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.19, стр. 378.
 108. Г.В.Лейбниц. Новые опыты о человеческом разуме. М.-Л., 1936, стр. 88.

109. К.Маркс и Ф.Энгельс.
Соч., т.6, стр. 432.
110. См. К.Маркс и
Ф.Энгельс. Из ранних
произведений, стр. 594.
111. Это и послужило
основанием для немецких
авторов различать
окружение (Umwelt) как то,
что воспринимается
животными, и мир (Welt),
который открывается только
сознанию человека.
112. См. И.П.Павлов.
Полн. собр. соч., т. III, кн. 1,
стр. 157.
113. См. "Вопросы
психологии", 1971, № 4,5;
1972, № 1, 2, 3, 4.
114. См. Е.В.Шорохова.
Некоторые
методологические вопросы
психологии. "Проблемы
личности". Материалы
симпозиума, т. I, М., 1969,
стр. 29-30. Иначе ставит этот
вопрос С.Л.Рубинштейн:
сделать, говорит он,
личностный аспект
единственным – значит
закрыть себе путь для
исследования
закономерностей
психической деятельности
(см. С.Л.Рубинштейн.
Проблемы общей
психологии. М., 1973, стр.
248).
115. В современной
психологии
персоналистические взгляды
развиваются в очень разных
направлениях, включая
социоантропологические
(см., например, А. Maslow.
Motivation and personality.
New York, 1954).
116. См., например,
Б.Г.Ананьев. Человек как
предмет познания. Л., 1968.

117. H.Eysenck. Dimension of Personality. London, 1947.
118. R.B.Cattel. Personality. New York, 1950.
119. H.Eysenck. The Structure of Personality. London, 1960.
120. R.B.Cattel. Personality.
121. См. "Проблемы личности". Материалы симпозиума, т. I. М., 1969, стр. 117.
122. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.19, стр. 204.
123. Теория двух факторов в этой, так сказать, обнаженной ее форме не заслужила бы внимания, если бы ей не приписывали иногда "диалектичности". Человек, читаем мы в уже цитированной книге, является диалектическим единством природного и общественного. "Все в нем, будучи производным двух факторов (социального и биологического) должно нести печать их на себе, только одно в большей, а другое в меньшей степени, в зависимости от содержания психического явления ("Проблемы личности". Материалы симпозиума, стр. 76-77).
124. M.Meed. Coming in Age Samoa. New York, 1963.
125. Y.W.Bagby. A Cross-Cultural Predinance of Perceptual Binocular Rivalry. "Journal of Abnormal and Social Psychology", vol. 54, 1957, p.331-344.
126. R.Linton. The Cultural Background of Personality. New York, 1945.

127. G.Allport. Pattern and growth in Personality. New York, 1961.
128. P.Janet. L`evolution psychologique de la personnalite. Paris, 1929.
G.Berger. Caractere et personnalite. PUF, 1959, p. 69-71.
129. K.Gunderson. Robot, Consciousness and Programmed Behavior. "The British Journal for Philosophy of Science", vol. 19, 1968, N2.
130. G.Allport. Pattern and Growth in Personality, p. 194.
131. G.Allport. Pattern and Growth in Personality, p. 194.
В числе направлений, характеризующихся социологическим редуционизмом, указывает советскую психологию и Ж.Пиаже ("Экспериментальная психология". Под ред. П.Фресса и Ж.Пиаже. вып. I и II. М., 1966, стр. 172).
132. Принципиальная несовместимость буржуазно-психологических теорий личности с марксизмом всесторонне освещена Л.Сэвом (см. его книгу "Марксизм и теория личности". М., 1972).
133. См. С.Л.Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1940, стр. 515-516.
134. См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 244; т. 46, ч. I, стр. 505.
135. См. К.Маркс и Э.Энгельс. Соч., т. 23, стр. 50; т. 46, ч. I, стр. 89; т. 46, ч. II, стр. 19.
136. См. Л. Сэв. Марксизм и теория личности. М., 1972, стр. 413.

137. С.Л.Рубинштейн.
Принципы и пути развития
психологии, стр. 118.
138. В советской
литературе достаточно
полный обзор исследований
мотивов приводится в книге
П.М.Якобсона
"Психологические проблемы
мотивации поведения
человека" (М., 1969).
Последняя вышедшая книга,
дающая сопоставительный
анализ теорий мотивации,
принадлежит К.Медсену
(К.В.Madsen. Modern
Theories of Motivation.
Copenhagen,
1974).К.В.Madsen. Modern
Theories of Motivation.
Copenhagen, 1974).
139. См. А.Н.Леонтьев.
Потребности, мотивы и
эмоции. М., 1972.
140. См. К.Маркс и
Ф.Энгельс. Соч., т. 46, ч. I,
стр. 26-29.
141. К.Маркс и Ф.Энгельс.
Соч., т. 46, ч. I, стр. 30.
142. L.Seve. Marxisme et
theorie de la Personnalite.
Paris, 1972, p. 49.
143. См. Л.И.Божович.
Проблема развития
мотивационной сферы
ребенка, в сб.: "Изучение
мотивации поведения детей
и подростков". М., 1972, стр.
14-15.
144. К.Маркс и Ф.Энгельс.
Соч., т. 46, ч. I, стр. 28.
145. См. Э.Гельгорн, Дж.
Луффборроу. Эмоции и
эмоциональные
расстройства. М., 1966.
146. Сходное положение
высказывается, в частности,
П.Фрессом: "Эмоциогенная
ситуация, – пишет он, – не
существует как таковая. Она

- зависит от отношения между мотивацией и возможностями субъекта". (P.Fraisse. Les emotions: "Traite de Psychologie experimentale", vol. V. PUF, 1965).
147. Это задано уже принципиальной структурой трудовой деятельности, которая реализует двойное отношение: к результату труда (его продукту) и к человеку (другим людям).
148. На различие между мотивами и стимулами указывают многие авторы, но по другим основаниям; например, под мотивами разумеют внутренние побуждения, а под стимулами – внешние (см. А.Г.Здравомыслов, В.Н.Гожин, В.Я.Ядов. Человек и его работа. М., 1967, стр. 38).
149. См. Ф.В.Бассин. К развитию проблемы значения и смысла. "Вопросы психологии", 1973, № 6.
150. А.Maslow. Motivation and Personality. New York, 1954.
151. См. А.Н.Леонтьев. Психологические основы дошкольной игры. "Дошкольное воспитание", 1947, № 9; Л.И.Божович, Н.Г.Морозова, Л.С.Славина. Развитие мотивов учения у советских школьников. "Известия Академии педагогических наук РСФСР", вып. 36. М., 1951.
152. См. А.Н.Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1972, стр. 368-378.

153. См. Э.Б.Эльконин. К проблеме периодизации психического развития советского школьника. "Вопросы психологии", 1971, № 4.
154. См. В.И.Селиванов. Личность и воля. "Проблемы личности". Материалы симпозиума, стр. 425-433.
155. См. Л.Н.Толстой. Полн. собр. соч., т. 54. М., 1935, стр. 31.
156. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, стр. 253.
157. См. Ч.Дарвин. Воспоминания о развитии моего ума и характера. Автобиография. М., 1957, стр. 147-148.
158. J.Nuttin. La Structure de la personalite. Paris, 1925, p.234.
159. См. В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 40.
160. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.23, стр. 62.